

20 $\frac{2}{235}$

СОБРАНИЕ

СЛОВЪ

СОБРАНИЕ

СЛОВЪ

Священника Ксенофонта Делекторскаго.

(въ пользу семейства покойнаго).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.

1847.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ. Февраля 8 дня, 1847 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Аввакумъ.*

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3546-07

2006283286

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страниц.
1. Слово. Въ недѣлю блуднаго сына (1842) — о расточительности грѣшника относительно даровъ Божіихъ, о духовной его алчности и обращеніи на путь добродѣтели	1.
2. Слово. Въ недѣлю Православія (1839) — о причинахъ, побуждающихъ Христіанина свя- то соблюдать Православную вѣру	13.
3. Слово. Во вторую недѣлю великаго Поста (1835) — о томъ, что одно внѣшнее благоче- стіе, безъ внутренняго, не доставитъ спасе- нія	28.
4. Слово. Въ третью недѣлю В. Поста (1837) — о благотворной силѣ несчастій, посы- лаемыхъ на насъ Провидѣніемъ	37.
5. Слово. Въ недѣлю цвѣтоносную (1840) — о свойствахъ истиннаго и мнимаго благо- честія	49.

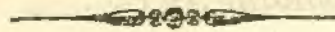
6. Въ великій Пятокъ (1829) — о благахъ, доставленныхъ людямъ смертію Іисуса Христа, и о жертвѣ, какую люди должны приносить Распятому 65.
7. Въ тотъ же день (1834) — о томъ, что при гробѣ Спасителя Христіане должны сокрушаться не о Немъ, а о своихъ грѣхахъ . 72.
8. Въ тотъ же день (1835) — о главнѣйшихъ грѣхахъ нашихъ противъ Іисуса Христа . 80.
9. Въ тотъ же день (1841) — о внутреннихъ Страданіяхъ Іисуса Христа въ Геосиманскомъ саду, предъ судіями и на крестѣ. . 88.
10. Въ недѣлю св. Апостола Тимѣя (1836) — о превосходствѣ вѣры предъ знаніемъ въ отношеніи къ мудрости, добродѣтели и счастію человека 102.
11. Въ недѣлю слѣпорожденнаго (1841) — о злословіи 119.
12. Въ недѣлю 10^ю по пятидесятницѣ (1850) — о силѣ молитвы и поста противъ искушеній. 135.
13. Въ недѣлю 19^ю (1836) — о средствахъ, которыми можно погашать въ себѣ любомищеніе. 144.
14. Въ недѣлю 27^ю (1838) — о гибельныхъ послѣдствіяхъ отъ преобладанія страстей. 160.
15. Въ недѣлю 28^ю (1839) — о неоснователь-

III

стран.

- ности отговорокъ, какія употребляютъ люди, нерадящіе о своемъ спасеніи* 176.
16. Въ недѣлю 56^ю (1837) — объ истинномъ значеніи настоящей жизни, и о томъ, какъ надобно Христіанину проводить ее 195.
17. Слово. Въ день Рождества Пресв. Богородицы (1831 г.) объ истинномъ величіи человека 209.
18. Въ день Св. Архистратига Миканла (1822) — объ Ангелахъ Хранителяхъ 220.
19. Въ день Святителя Николая Чудотворца (1825) — о гонимыхъ за правду 230.
20. Въ Новый (1825) годъ — о томъ, что не должно отлагать исправленіе свое до будущаго времени. 246.
21. Въ день Крещенія Господня (1829) — о обязанностяхъ, налагаемыхъ на Христіанина таинствомъ Св. Крещенія 255.
22. Въ день воспоминанія на небеси являшагося Знаменія Честнаго Креста (1833) — о томъ, что крестъ Спасителя есть источникъ утѣшенія въ горестяхъ житейскихъ. 263.
23. Въ день Св. Александра Невскаго (1836) —

- о совѣстномъ исполненіи гражданскихъ и
Христіанскихъ обязанностей 281.*
8. Въ тотъ же день (1858) — о неоснователь-
ности предлоговъ, которыми извиняютъ лю-
ди небрежность о своемъ спасеніи. 289.
9. По случаю прекращенія въ Столицѣ Холеры
(1851)—полезные уроки, какіе подаетъ ми-
нувшее несчастіе для будущаго времени . 297.
10. Слово. О суетности благъ земныхъ 307.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА.

Человѣкъ инокій или два сына. Лук. XV. 11.

Недавно вы, православные Христіане, слышали Евангельскую притчу о мытарѣ и фарисеѣ: нынѣ слышите другую, о блудномъ сынѣ. Обѣ онѣ, по намѣренію Святой Церкви, служатъ вѣстниками приближающагося поста, и осуждая, первая — надмѣніе добродѣтелями, вторая — отчаяніе во грѣхахъ, располагають къ священной обязанности покаянія. Особенно поучительна для насъ нынѣшняя Евангельская притча: потому что въ лицѣ блуднаго сына мы видимъ падающаго и востающаго грѣшника, то есть самихъ

себя, съ тою развѣ отмѣною, что за нашимъ грѣхопадѣніемъ не всегда слѣдуетъ исправленіе, и многіе изъ насъ, осуществляя на себѣ первую мрачную половину притчи, вовсе незнакомы съ ея второю свѣтлою половиною. Тѣмъ нужнѣе каждому испытать, не въ плачевномъ ли положеніи блуднаго сына находится онъ. Бѣды нѣтъ, если мы не знаемъ о своихъ успѣхахъ въ добродѣтельной жизни; это даже отнесется къ чести смиренія нашего: но не знать о грѣховномъ, о нераскаянномъ состояніи души своей — и непростительно и опасно. И такъ всмотримся поприлежнѣе въ первые стихи сегодняшней притчи: тутъ есть чистое и вѣрное зеркало, въ которое всмотрѣвшись, всякой увидить, каково у него нравственное лице.

Три обстоятельства обращаютъ здѣсь на себя наше вниманіе: это, вопервыхъ, расточительность блуднаго сына; въ вторыхъ, крѣпкій голодъ, постигшій его на чужой сторонѣ; въ третьихъ, его раскаяніе и намѣреніе возвратиться въ родительскій домъ. Сіи обстоятельства намѣреваюсь я приложить къ тремъ состояніямъ грѣшника, и именно къ его расточительности относительно даровъ Божіихъ, къ его духовной алчбѣ, и къ его рѣшимости возвратиться съ распутій грѣха на пути добродѣтели; дабы, изобразивъ всѣ сіи состоянія, расположить и себя и васъ къ поспѣшному выходу изъ двухъ первыхъ, какъ пагубныхъ, и къ переходу въ послѣднее, какъ спасительное.

Первое обстоятельство: *расточи ильнїе свое, живый блудно*. Не обидѣлъ добрый отецъ и меньшаго непокорнаго сына, при раздѣлѣ имѣнія, но далъ ему столько же, сколько своему послушному первенцу. Авось — либо, думалъ, тропеть его моя великодушная щедрость, и онъ останется при мнѣ съ старшимъ братомъ, хотя изъ благодарности, если не по любви. Напрасно! неблагодарный юноша едва дождался получения богатства, какъ бросился вонъ изъ отцовскаго дома, поселился въ чужой, отдаленной странѣ, и тамъ растратилъ все свое имущество *живый блудно*. Не такъ ли, Сл., грѣшникъ вообще иждиваетъ богатство естественныхъ и благодатныхъ даровъ Божіихъ въ угодность своимъ порочнымъ страстямъ? Отецъ небесный, *благій* къ самымъ *безблагодатнымъ и злымъ*, щедрою рукою надѣляетъ дѣтей своихъ, какъ при естественномъ рожденіи, такъ и при благодатномъ возрожденіи ихъ, и говоритъ имъ, благословляя на подвиги благочестія: « Я далъ вамъ все, необходимое для преспѣянія въ добродѣтеляхъ христіанскихъ; идите же теперь, дѣлайте въ виноградѣ моемъ. » И вотъ одни идутъ по слову Господню, и, трудясь на селѣ Божіемъ, приумножаютъ со дня на день данныя имъ таланты. Но другіе, — и этихъ, къ сожалѣнію, большая часть, — получивъ свою долю изъ рукъ Верховнаго Раздателя благъ, отходятъ прочь отъ Него, чтобъ Ему не работать, отходятъ *на страну далеже*. Далекая

отъ Бога страна, гдѣ обыкновенно они поселяются, есть *міръ прелюбодѣйный и грѣшный*. На первыхъ шагахъ туда обступаютъ пришельцовъ обольстительницы — блага земныя. Паружность ихъ восхитительна; рѣчи, какъ медъ; содружество общаетъ тысячу наслажденій: и бѣглець изъ дома родительскаго плѣняется ими! Тогда-то, лукавыя, онѣ употребляютъ всю власть надъ своимъ почитателемъ и заставляютъ его покупать у себя каждую улыбку цѣною сокровищъ небесныхъ. Подходить къ нему, съ мнимымъ ключемъ отъ истины, стихійная мудрость и говорить: «я раскрою предъ тобою завѣтныя тайны вселенной, введу тебя въ святилище души человѣческой, во внутреннее сѣдалище правды, но только съ условіемъ, если ты пожертвуешь мнѣ вѣрой въ І. Христа.» II вѣра брошена въ преддверіи суетныхъ знаній. Является къ нему пышная слава съ вѣнками въ руки и трубою въ устахъ, общая провозгласить имя его въ цѣлой вселенной, если онъ согласится заплатить за это смиреніемъ: и смиреніе уступлено за нѣсколько лестныхъ звуковъ народной молвы. Встрѣчается съ нимъ на позлащенной колесницѣ корысть, и показывая полный рогъ изобилія, сулитъ ему весь міръ, только не иначе, какъ въ обмѣнъ справедливости: и справедливость пошла за горсть блистательной пыли. Предстасть ему, роскошь и распростирая свои объятія, вопрошать: «хочешь ли наслаждаться? иди ко мнѣ, но только не

бери съ собой цѣломудрія.» II цѣломудріе принесено въ жертву безразсудному смѣху. Великое множество подобныхъ очаровательницъ окружаетъ принцельца, выманивая у него за свои обѣщаемыя услуги, которая-стыдъ, которая-совѣсть, которая-страхъ Божій: и онъ даетъ все, чего у него ни попросятъ. Такимъ-то образомъ блага земныя, боготворимыя грѣшникомъ, расхищаютъ мало по малу все добро его, полученное свыше, и повергаютъ его наконецъ въ духовную нищету. *Расточи ильгніе свое, живый блудно.*

II пусть бы грѣшникъ, обнищавшій, тотчасъ же позналъ, возчувствовалъ драгоцѣнную утрату свою и со вздохомъ произнесъ покаянную пѣснь: *растогихъ богатство, еже далъ еси мнѣ, Отче! Поработихся гражданоу странному, въ страну тлетворную отъидохъ и исполнихся стыда.* (*) Но вотъ несчастіе, превосходящее самую нищету: любимыя грѣшникомъ блага, по видимому, вполне вознаграждаютъ потери его, и хоть даютъ ему вмѣсто зерна плевъ, вмѣсто золота глину, однакожь даютъ нѣчто; и ущедренный ими грѣшникъ, будучи на самомъ дѣлѣ окаленъ и бѣденъ и нищъ и слѣпъ и нагъ, часто говоритъ самъ въ себѣ: *богатъ есмь и обогатихся, и ничтоже требую.* (Апок. 5, 16.) Бѣдный, бѣдный богачъ! присволя

(*) Стихира утрениая.

себѣ богатство мнимое, ты этимъ самымъ осуждаешь себя на вѣчную нищету.

Второе обстоятельство: *бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той*. Блудный сынъ хотя и впалъ въ нищету, однакоже могъ бы оставаться равнодушнымъ къ своему положенію, если бы тѣ, на кого истратился онъ, стали, по крайней мѣрѣ, кормить его. Но въ странѣ той приключился голодъ жестокой; тамошнихъ жителей самихъ постигла скудость хлѣба: могли ли же они содержать пришлеца? *И той нагатымъ лишишася*. Вотъ, Сл., новая черта въ изображеніи бѣдственной участи грѣшника! Расточивъ свое имущество на дѣла непотребныя, онъ рано или поздно, но неизбѣжно томится голодомъ душевнымъ. Лучшія блага жизни наконецъ теряютъ въ глазахъ его цѣну свою: богатство уже не привлекаетъ, слава не трогаетъ, ученость не занимаетъ, забавы не веселятъ. Все это теперь уже слишкомъ бѣдно для его желаній, которыя стали неограниченны. Онъ требуетъ отъ науки всезнанія, а та не умѣетъ разрѣшить ему самыхъ дѣтскихъ вопросовъ. Онъ замышлялъ создать столпъ, касающійся до неба, чтобы увѣковѣчить свое имя въ потомствѣ; но на дѣлѣ видитъ, что и основанія начатаго имъ зданія готовы обрушиться. Онъ мечталъ обладать полувселенной; но время крадетъ понемногу жизненные силы у самого обладателя, и смерть, въ замѣну огромныхъ богатствъ, указываетъ

ему на скудные принадлежности гроба. Опъ надѣлся пепить цѣлое море блаженства; но опытъ удостовѣрилъ, что даръ сей раздается человѣчеству каплями, и то съ горечью пополамъ. Страшная тоска налегаетъ на сердце разочарованнаго мірескими благами грѣшника. Онъ алчетъ смертельно чего-то высшаго, вѣчнаго, безпредѣльнаго: и нѣтъ въ цѣломъ мірѣ для него утолительной пищи. Тутъ одна суэта земная, которая, вмѣсто питанія души, воздымаетъ только у ядущаго чрево. Несчастный, обращаясь къ природѣ, къ свѣту, къ искусствамъ вопіетъ: «дайте мнѣ одну крупницу насущнаго хлѣба, въ замѣнъ всей этой плевы — *голодомъ гиблю!*» Но и искусства отрекаются, и свѣтъ говоритъ: «*нѣсть со мною!*» и природа отвѣчаетъ: «*нѣсть во мнѣ!*» — *бысть гладъ крѣпокъ во странѣ той.*

Къ несчастію, чувство душевной алчбы убѣждаетъ немногихъ грѣшниковъ возвратиться въ покинутый ими отеческій домъ, гдѣ житницы полны насущнаго хлѣба. Большая часть ихъ, оставаясь въ голодной странѣ, стараются какъ нибудь заглушить въ себѣ это чувство. Для сего-то утончаются, оразноображиваются ими чувственныя забавы, изобрѣтаются новые предметы стяжанія, открываются непочатые рудники познаній, придумываются новыя роды вѣнцовъ, награждающихъ доблесть. Удовлетвореніе сими средствами гладной души, хотя и весьма слабое, но

повторяемое ежедневно, признается доступнымъ въ здѣшней жизни довольствомъ; и грѣшникъ, привыкая мало помалу къ пищѣ этого рода, наконецъ перестаетъ чувствовать самый голодъ душевный. Жалкая безчувственность, Сл! она есть признакъ въ живомъ тѣлѣ мертваго духа.

ТРЕТІЕ обстоятельство: *въ себе же пришедъ рече: колико насмѣивалъ отца моего избывають хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю.* Мучительное ощущеніе голода образумило блуднаго сына. По неволѣ онъ сравнилъ настоящее бѣдствіе съ прошедшимъ блаженствомъ своимъ, узналъ на чужой сторонѣ всю цѣну родительской нѣжности, возымѣлъ отвращеніе къ тѣмъ, которыя, обобравъ его, заставили питаться скотскою пищею, и рѣшився возвратиться въ отеческое жилище. *Вставъ иду къ отцу моему.* Такъ точно, Сл., поступаетъ и грѣшникъ пришедшій въ себя, образумленный лютыми муками душевнаго голода. Ему приходятъ на память прежнія утѣшенія вѣры, прежнее спокойствіе совѣсти, прежняя радость дѣлъ добрыхъ и восхитительная надежда безсмертія, которыми онъ наслаждался, пребывая въ дому Божіемъ съ сыновней покорностью. Воспоминаніе о столь многихъ безцѣнныхъ благахъ, при живомъ ощущеніи настоящаго зла, исторгаетъ у него горькія слезы, и онъ говоритъ самъ съ собою: « О, я безумный виновникъ собственнаго злосчастія! не жилось мнѣ въ

домѣ Господнемъ, куда я нѣкогда вступилъ чрезъ дверь св. Крещенія и гдѣ, послѣ ежедневныхъ поспѣльныхъ трудовъ служенія Богу, вкушалъ *брашно негиблющее* (Іоан. 6. 27), пилъ *воду живую* (Іоан. 4. 10), одѣвался *одеждою веселія* (Ис. 59, 10.) и въ радости сердца воспѣвалъ *духовныя пѣсни* (Кол. 3, 16.). Наскучило домашнее счастье буйному сыну; и я съ законною долей имущества своего бѣжалъ изъ дома сюда, чтобы здѣсь пожить на своей *независимой* волѣ. Желаніе мое исполнилось; и вотъ плоды окающаго своевольтва: нищета и голодъ смертельный! Гдѣ сокровища душевные, которыя принесъ я сюда изъ отцовскаго дома? Уцѣлѣла ли изъ нихъ у меня хоть единая лепта, чтобъ въ здѣшней бесплодной странѣ купить нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ, для утоленія алчбы, меня пожирающей?—ни одной! Я все свое расточилъ изъ угожденія благамъ земнымъ, всею пожертвовалъ для снисканія ихъ взаимной къ себѣ привязанности. Меня обольщала надежда счастливѣйшаго съ ними союза. А ты, богатство, ты, слава, ты, ученость, ты, роскошь, все вы, коварныя, вѣроломныя любвищцы души моей, чѣмъ заплатили мнѣ за слѣпую любовь? Что я получилъ отъ васъ, кромѣ тяжкихъ сомнѣній въ спасительной истинѣ, кромѣ не утихающей ни на часъ въ сердцѣ тревоги страстей, кромѣ несносной, непрерывной заботливости о вещахъ ничтожныхъ, кромѣ точащей, какъ червь, зависти къ

чуждому достойно и мучительнаго страха потерять свое собственное? Вы разграбили сокровищницу души моей и наполнили ее отвратительнымъ дымомъ и смрадомъ. Прочь отъ меня, ненавидимые идолы! не хочу болѣе рабствовать вамъ; оставляю здѣшнія пагубныя мѣста моего заблужденія. Возвращаюсь подъ кровъ благословеннаго родимаго дома: *иду къ отцу моему.*»

Иди, чадо заблудшее! не медли, не колеблись въ своемъ святомъ предпріятіи, иди! Отецъ небесный уже ожидаетъ тебя, стоя на пути и готовый, при первомъ твоёмъ появленіи, облобызать возвратившагося къ нему милаго сына. Ангелы радостнымъ взоромъ слѣдятъ за твоими стезями. Въ земномъ домѣ Божіемъ—Церкви, уже учреждается свѣтлый ширь грядущему гостю, въ знакъ радости и веселія, что, мертвый досель, онъ ожилъ и пропадавшій — нашелся.

И такъ слово наше, примѣнительно къ нынѣшней Евангельской притчѣ, изобразивъ троякое состояніе грѣшника, наконецъ изъ чуждой страны ширеты и глада *привело его въ отеческій домъ*—обитель истиннаго блаженства. О если бы Духъ Святый, единый дающій силу и жизнь словамъ проповѣдниковъ, оживотворилъ и сіе слово наше въ сердцахъ внимующаго собранія, произведши въ нихъ благодатную перемѣну! Ибо должно сознаться, что даже изъ входящихъ временами въ домъ Божій не всѣ суть при-

сные Божіи. Многіе въ семь числъ блуждаютъ еще по чужой, отдаленной отъ Бога странѣ, и обвинявши духовно, прикрываютъ свою обнаженную душу одеждою мірскихъ добродѣтелей. Другіе начинаютъ уже алкать духовнаго хлѣба, но, или не понимая предмета алчбы своей, или, по привычкѣ, не желая употреблять пищи иного рода, стараются удовольствоваться тѣлными благами. Есть и такіе, въ которыхъ, послѣ многихъ лѣтъ заблужденія, рождается желаніе обратиться къ Господу Богу, по которымъ, отлагая со дня на день дѣйствительное обращеніе, остаются по прежнему въ толпѣ заблуждающихъ. Но всѣмъ таковымъ небесный Отецъ взываетъ чрезъ пророка: *обратитесь ко мнѣ сынове отступившіи*. (Іер. 3, 14)

Не дерзнемъ, Сл, по гордому самолюбію думать, будто сей глаголъ Господень вовсе не относится къ намъ. Смиреніе дѣлаю самихъ праведныхъ мужей не довѣрчивыми въ разсужденіи своей близости къ Богу; они, пока жили въ тѣлѣ, почитали себя отходящими отъ Господа (2 Кор. 5, 6): такъ ужъ мы ли, грѣшныя люди, вообразимъ, что приблизились къ Богу до созерцанія Его лицомъ къ лицу? такая мысль была бы свидѣтельствомъ глубочайшаго нашего отпаденія. Цѣть! лучше сознаемся, что ежедневныя слабости и проступки устраниаютъ насъ далеко отъ Господа, и поревнуемъ блудному сыну въ твердомъ намѣреніи возвратиться на спасительную стезю. Идемъ, о возлюб-

ленные братія во Христа, идемъ въ ожиданіи страшнаго суда, о которомъ скоро проповѣдано будетъ, на мѣсто, откуда изгнанъ нашъ прародитель. Съ сокрушеніемъ сердець и преклоная колѣна, приблизимся къ святому посту, этой какъ бы Божественной горницѣ, возвышающейся отъ земли на сорокъ степеней. Тамъ *Отецъ щедротъ и всякія утѣхи* съ любовію приметъ насъ, возвращающихся къ Нему изъ дальней страны, и облечши прежнею одждой невинности, обручивъ перстнемъ душу съ небеснымъ ея Женихомъ, защитивъ сапогами нозѣ отъ уязвленія невидимыхъ змѣй, и заклавши тельца упитаннаго на жертвенникѣ Св. Евхаристіи, учредитъ для насъ пиръ великій въ грядущемъ празднествѣ Свѣтлаго Христова воскресенія. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Аще кто благовѣститъ вамъ пакъ еже пріѣсте, апаома да будетъ. Галат. 1, 9.

Торжественно-страшный обрядъ совершился предъ вами, Сл! Вы видѣли нынѣ сей храмъ изъ мирнаго убѣжища грѣшниковъ обращенный въ судилище грозное. Вы слышали изъ устъ собравшихся сюда Священнослужителей, вмѣсто обычнаго благословенія, гласъ предающей апаома; что значитъ это глѣвное, карательное дѣйствіе св. Церкви? Оно напоминаетъ намъ достопамятный случай, сохранившійся въ лѣтописяхъ ея. Лѣтъ за тысячу до нашихъ временъ отъ нѣкоторыхъ злочестивыхъ восточныхъ царей воздвигнуто бы-

до гоненіе на святыя иконы. По ихъ повелѣнію изображенія Бога и Св. Угодниковъ Божіихъ износились безчестно изъ храмовъ и сожигались на кострахъ. Тѣ, которые не переставали чтить образовъ поклоненіемъ и молитвами, подвергались мукамъ. Тяжка была для Церкви година сія, но къ счастью прекратилась, Императрица Оеодора, вдова послѣдняго изъ гонителей, возвратила иконамъ прежнюю честь. Она торжественно внесла ихъ во храмъ, гдѣ соборъ Святителей, утвердивъ иконопочитаіе, произнесъ проклятiе на иконоборцевъ. Сіе торжество Православія совершилось въ половинѣ девятаго вѣка. Съ тѣхъ поръ, чтобы увѣковѣчить память сего въ роды родовъ, установлено возобновлять оное единожды въ годъ на первой недѣлѣ Великаго поста; и Православная Церковь наша понынѣ сохраняетъ этотъ тысячелѣтній обычай.

Но однимъ воспоминаніемъ мишувшаго торжества ограничивать ли весь пылкій церковный обрядъ, или дѣйствіе произнесеннаго осужденія простирать и на нѣкоторыхъ людей, въ одно время съ нами живущихъ, — сіе пусть рѣшитъ ваше благочестивое чувство. Кто за общей молитвой объ оглашенныхъ, хотя самъ и не изъ числа ихъ, преклоняетъ главу, сознавая себя недостойнымъ имени вѣрнаго: тому при страшномъ обрядѣ проклятiя самое смиреніе едва ли позволитъ сказать: это ко мнѣ не относится; это падаетъ на древнихъ отступниковъ Православія. Еслибы

Церковь въ настоящемъ случаѣ хотѣла токмо оживить въ памяти нашей торжество возстановленнаго иконопочитаія, совершившееся некогда въ чуждой, хотя и единовѣрной съ нами, странѣ: то для чего бы ей распространять предметы своего осужденія за предѣлы иконоборства, и къ числу осуждаемыхъ лицъ присоединять имена, лежащія черными пятнами на листахъ отечественной исторіи. Очевидно, что она хочетъ настоящимъ обрядомъ не столько обезславить древне отпадшихъ сыновъ своихъ, сколько веселить въ сердца наши страхъ отпаденія; и примѣръ многихъ нынѣшнихъ Христіанъ, не ходящихъ путемъ Православія, доказываетъ, что попеченіе ся не напрасно. Въ самомъ дѣлѣ, Сл., сколько и въ наше время такихъ, которые пренебрегаютъ уставами св. Церкви, ни за что почитаютъ посты, не имѣютъ уваженія къ Праздникамъ, не ходятъ къ Божественной службѣ, не молятся предъ иконами дома, сомнѣваются въ петлѣніи и чудотворной силѣ Св. мощей! Сколько такихъ, которые по нѣсколько лѣтъ не бывали даже на исповѣди, не помнятъ, когда они причащались, и на будущее время остаются въ той мысли, что опущеніе сего Христіанскаго долга совсѣмъ не важное дѣло! Есть тысячи заблудшихъ, которые, удалясь отъ стада Христова, совершаютъ Богослуженіе, подобное ихъ грубому вкусу, въ сокровенныхъ молебняхъ, и своихъ самодѣльныхъ наставниковъ предпочитаютъ истиннымъ

строителямъ таинъ Христовыхъ, преемственно пріавшимъ рукоположеніе отъ самыхъ Апостоловъ. Не мало находится такихъ, которые, подъ видомъ Христіанскаго ученія предлагаютъ языческое, и въ красивыхъ сосудахъ слова, умышленно или по простотѣ, подносятъ душеубійственный ядъ. Есть и такіе, которые, вкусивъ отъ древа познанія, поставляютъ свой разумъ судіею священныхъ книгъ, и всему, что есть таинственаго, непостижимаго въ Религій, довѣряютъ не больше, какъ стихотворческимъ баснямъ. Короче сказать, нынѣ только другое время противъ бывшаго до насъ за тысячу лѣтъ; а Христіанъ, не православно мыслящихъ и живущихъ, найдется не меньше, чѣмъ прежде. И такъ удивительно ли, что св. Церковь, пекущаяся о вѣчномъ спасеніи чадъ своихъ, истощивъ всѣ кроткія мѣры, наконецъ воздвигаетъ гремящій гласъ осужденія, дабы вѣрныхъ утвердить на правомъ пути, а заблудшихъ возвратить въ свои нѣдра, — и гремитъ именно теперь, въ началѣ св. Четырехдесятины, съ намѣреніемъ, какъ будто послѣ продолжительнаго грѣховнаго зноя, произвести слезный дождь покаянія.

Приспособляясь къ ея благодѣтельному намѣренію, мы не находимъ приличіе предмета для настоящей бесѣды, какъ изложеніе причинъ, которыя побуждаютъ Христіанина свято и непоколебимо соблюдать Православную вѣру.

У народовъ исповѣдующихъ Господа Іисуса Христа вѣры различны: но одна должна быть Православная вѣра. Это та, которую Греки, получивъ преемственно отъ самихъ Апостоловъ, передали при Великомъ Князѣ Владиміръ нашимъ предкамъ во всей чистотѣ Евангельскаго ученія, со всею неповрежденностью церковныхъ обрядовъ и правилъ жизни, семью Вселепскими Соборами утвержденныхъ, и которая съ тѣхъ поръ донынѣ въ нашемъ Отечествѣ, при всѣхъ превратностяхъ судьбы его, сохранилася неизмѣнно. Сію-то Православную вѣру, въ Россіи господствующую, а не какое либо чуждое исповѣданіе, тѣмъ менѣе суемудренный толкъ какой нибудь религіозной секты или раскола, долженъ душевно чтить и всѣми поступками обпаруживать Христіанинъ, если будущая жизнь, начинающаяся за гробомъ, сколько нибудь озабочиваетъ его. Ибо въ Церкви Православной никто не можетъ спастись. Ей одной ввѣрены свыше ключи царства небеснаго; ей одной дана сила возрождать человека въ духовную жизнь, укрѣплять на подвиги добродѣтели, питать хлѣбомъ небеснымъ, вязать и рѣшить грѣховныя узы. Она токмо рукополагаетъ истинныхъ Пастырей словеснаго стада, проповѣдуетъ здоровое Христово ученіе, содержитъ чинъ Божественной службы и правила Богоугоднаго житія, открытыя самимъ Богомъ чрезъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ мужей. Все, что не ея въ дѣлѣ спасенія,

есть произвольный человѣческій вымыселъ, покушеніе слѣпца пройти безопасно по скользкимъ стремнинамъ грѣха, усиліе ползающаго по землѣ подняться къ небу безъ помощи окрыляющей Благодати.

Пусть обожатели разума покажутъ намъ хоть одного человѣка, который бы угодилъ Богу, чтя Его по своему, а не такъ, какъ заповѣдуетъ Православная Церковь. Нѣтъ. Они могутъ представить намъ многихъ, стяжавшихъ своими добродѣтелями славу человѣческую, но не въ состояніи сказать ни объ одномъ изъ *героевъ* своихъ, что онъ прославленъ отъ Бога, такъ какъ нѣтъ доказательствъ, при жизни или по смерти его свидѣтельствующихъ сіе прославленіе. Между тѣмъ какъ мы православные насчитаемъ нѣскольکو тысячъ мужей и женъ, которые, на земномъ поприщѣ своемъ подвизаясь подъ знаменами Восточно-каѳолической вѣры, получили изъ рукъ Божіихъ побѣдный вѣнецъ, и это докажемъ многими чудесами, которыми была ознаменована Богоугодная жизнь ихъ, и которыя по смерти простираются отъ ихъ св. Мощей, сохраняющихся чрезъ многіе вѣки нетлѣнными. И не въ одни давно протекшія времена, не въ одной Азій, Африкѣ и другихъ отдаленныхъ отсюда странахъ совершались сіи чудеса, непрерываемыя доказательства Богомъ прославленной святости: тогда, положимъ, самая отдаленность мѣста и времени могла бы еще раждать нѣкоторое сомнѣніе касательно ихъ достовѣрно-

сти. Итъ. Даже въ нашемъ отечествѣ, даже въ наше время Господь прославляетъ чудотворною силою истинныя останки весьма многихъ Святыхъ. Мы не имѣемъ нужды убѣждать невѣрующаго въ справедливости нашихъ показаній. Мы можемъ смѣло сказать ему: «поди и посмотри! Поди въ нашъ Кіевъ, котораго пещеры наполнены чудотворными мощами отшельниковъ, спасавшихся за нѣсколько вѣковъ передъ симъ. Поди въ нашъ Новгородъ, Владиміръ, Москву, гдѣ Великіе Князья и Митрополиты Россійскіе, доселѣ обитая тѣломъ, неприкосновеннымъ тѣнію, испрашиваютъ свыше молящимся благодатную помощь. Поди въ наши святые Обители, Лавры, Монастыри, изъ которыхъ почти въ каждомъ почиваетъ какой нибудь святой мужъ, охраняющій страну отъ голода, моровой язвы, напастей иноплемениковъ и другихъ общественныхъ золъ. Поди въ нашъ Воронежъ, куда еще недавно, къ неописанной радости правовѣрія, пролилась обильнымъ дождемъ небесная Благодать, и откуда изъ раки мощей появившаго Святителя во все отечественныя веси и города разливаются струи исцѣленій. Дѣйствія всемогущества и благодати Божіей, зримыя въ сихъ священныхъ мѣстахъ, не ручаются ли за вѣчное блаженство праведныхъ душъ, которыхъ тѣла остаются здѣсь неповрежденными въ предвѣстіе общаго воскресенія? П какое утѣшеніе, какая радость представить себѣ, что

сѣи праведники, стоящіе нынѣ съ Ангелами окрестъ престола Господня, были намъ родные по отечеству, родные по вѣрѣ, — что они также точно мыслятъ, также молилися Богу, также жили, какъ нынѣ мыслятъ, молятся и жить повелѣваетъ Православная Церковь, и что слѣдственно и мы, идя неуклонно по слѣдамъ ихъ, можемъ питаться вѣрною надеждой на общеніе съ ними въ небесномъ блаженствѣ!

Мысли, будто съ успѣхами просвѣщенія самая Вѣра должна утончаться, совершенствоваться въ народѣ, есть безумная мысль. Вѣра не человѣческое, а Божіе дѣло. Ужели Богъ производитъ что либо не вполне совершеннымъ? Да и у кого изъ людей столько ума, чтобы открыть, и столько силъ, чтобы поправить недостатки въ произведеніи всевѣдущаго и всемогущаго Существа? Легче перестроить вселенную по новому плану какого нибудь изступленнаго мудреца, нежели переправить ученіе Вѣры: ибо для перваго требуется власть надъ стихійной природой, въ нѣкоторой мѣрѣ данная человѣку; для послѣдняго нужно опытное знаніе Бога и вѣчности, — предметовъ, совершенно недоступныхъ для естественнаго человѣческаго разума. Желаніе улучшить Вѣру, въ переводѣ сего выраженія на языкъ истины, значитъ — желаніе разрушить ее. Придетъ ли мнѣ на мысль переначивать по своимъ понятіямъ то, въ справедливости чего я внутренно убѣжденъ, что почитаю священнымъ и

цѣнно выше всего на свѣтѣ? Даже въ кругу житейскомъ не всѣ предметы позволяютъ усовершенствованіе. Гдѣ удобство, изящество цѣлю ихъ, тамъ совершимость разнообразна и безпредѣльна; но что существенно необходимо для нашего существованія на землѣ, то остается неизмѣняемымъ отъ начала міра до нынѣ. Хлѣбъ, вода и воздухъ, безъ которыхъ нельзя прожить человѣку ни одного дня, тѣже точно теперь, каковы были прежде потопа. Ихъ никто и не думаетъ улучшать. Почему же требуютъ улучшенія въ Вѣрѣ, соразмѣрнаго ходу наукъ, какъ будто она не столько же необходима для души, сколько упомянутыя вещи для тѣла, и какъ будто наравнѣ съ удобствами и пріятностями жизни долженъ предписывать ей законы переменчивый вкусъ? Измѣнимость Вѣры доказываетъ, что она сошла съ неба. Посмотри на небо, гдѣ съ первой минуты міроздапія до настоящаго дня все идетъ одинаково, и сравни его съ землею, которая четыре раза въ годъ мѣняетъ лице свое, такъ что и узнать ее трудно. Вѣра, отъ Бога произшедшая, передъ всѣми мнѣніями человѣческими тоже, что небо передъ землею. Сколько было на свѣтѣ системъ вѣрованія, построенныхъ саомыслящимъ разумомъ человѣка; но всѣ онѣ пали давно, подобно зданіямъ основаннымъ на пескѣ. Одна вѣра во Иисуса Христа, исповѣдуемая Православною Церковью, устояла незыблемо среди тысячи разрушенныхъ

заблуждений; одна Вѣра сія постоянно озаряетъ людей, какъ солнце, между тѣмъ какъ блудящіе огни земной мудрости, блеснувши на короткое время, тотчасъ исчезаютъ. И такъ не ропщи, что Церковь Святая везитъ тебѣ, просвѣщенному, исповѣдывать ту самую Вѣру, которую исповѣдывали ваши неученые предки. Напротивъ, ты долженъ дорожить глубокою древностію своего вѣроисповѣданія: въ ней, среди ежедневныхъ печальныхъ явленій временнаго и тѣлеснаго, ясно отражается отрадная вѣчность.

И что останется для тебя святаго, драгоценнаго на землѣ, если ты пересталъ почитать Православную Вѣру? Что удостовѣритъ тебя въ справедливости твоего образа мыслей, въ законности твоихъ поступковъ и дѣлъ? Чѣмъ ты вооружишься противъ сильныхъ обольщеній порока? Чѣмъ поддержишь себя въ подвигѣ добродѣтели? Откуда почерпнешь утѣшеніе въ горѣ? Къ какому жертвеннику прибѣгнешь съ молитвой о помощи? Кто тебя научитъ спокойно взирать на приближеніе смерти? Кто разсѣетъ въ очахъ твоихъ тьму, покрывающую ходъ человѣческихъ дѣлъ, теченіе мірскихъ происшествій и вопросы, которые возникаютъ при взглядѣ на то и другое, разрѣшить событіями, имѣющими совершиться за гробомъ? Ей, ты погибнешь подъ тяжестію сомнѣній, падеши жертвою недовѣрчивости къ себѣ самому. Не надѣйся ни на разумъ свой, обогащенный познаніями, ни

на твердость характера своего, ни на зрѣлую опытность въ жизни. Все это безъ Вѣры, повидимому, достаточно для благодѣствія человѣка, пока спокойны его обстоятельства; но во время бурн житейской оно подобно кораблю безъ кормила, влекомому по волѣ вѣтровъ на подводные камни или въ пучину. Ежедневный опытъ являетъ намъ сыновъ Православной Церкви, которые при всемъ недостаткѣ образованности, при всей своей бѣдности и низкомъ званіи, сохраняютъ душевную твердость въ самыхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ жизни. Напротивъ исторія представляетъ намъ многихъ ученыхъ, знатныхъ, богатыхъ мужей, которые, отступя отъ вѣры Христовой, не находили спокойствія при всемъ изобиліи благъ земныхъ, цѣлый вѣкъ мучились надъ изысканіемъ истины, терялись въ лабиринтъ миглій одно другому противорѣчащихъ и умирали съ отчаяніемъ когда либо удовлетворить свою любознательность.

И пусть бы зло, происходящее отъ вѣроотступничества, ограничивалось однимъ только лицомъ. Къ несчастію оно подобно заразѣ, отъ одного прилипаетъ къ другимъ и губитъ цѣлые дома. Войдите, Сл., въ семейство, изъ котораго изгнана Православная вѣра. Тамъ вы увидите родителей или вовсе небрегающихъ о воспитаніи дѣтей, или дающихъ имъ воспитаніе основанное на ложныхъ началахъ, готовящее ихъ не къ общепользнымъ трудамъ, не къ бла-

городнымъ подвигамъ, а къ праздности тунеядной. Тамъ вы увидите чадъ возрастающихъ въ непослушаніи, въ лѣности, въ буйствѣ, въ непріязни взаимной; увидите слугъ работающихъ токмо по страху, тяготящихся бременемъ подчиненности, обманывающихъ и обкрадывающихъ своего господина. Тамъ на каждомъ шагу встрѣтите вы раздоръ, ненависть, зависть, коварство, злорѣчіе, клевету. И можетъ ли быть что нибудь доброе въ домѣ, гдѣ не видно ни одной священной иконы, гдѣ ни по утру, ни по вечеру, ни предъ трапезой, ни послѣ трапезы не молятся Богу, гдѣ ни разу въ недѣлю не раскрываются Священные книги и никогда не бываетъ даже помину о вѣчномъ спасеніи? Очи Божіи отвращены отъ дома сего. Какую противоположность представить вамъ семейство благочестивое! здѣсь родители некутся о добромъ, Христіанскомъ воспитаніи дѣтей своихъ; дѣти исполнены страха Божія, кротки, послушны, трудолюбивы и дружны между собою; слуги исполняютъ должность свою съ некрѣпкимъ усердіемъ и радуютъ о пользѣ господина все равно, какъ о своей собственной. Здѣсь царствуетъ согласіе, откровенность, услужливость, безкорыстіе, правота со множествомъ другихъ добродѣтелей. И что удивительнаго! Въ домѣ, который свято хранить Слово Божіе и питаетъ глубокое уваженіе къ обрядамъ и постановленіямъ Православной Церкви, — въ семъ домѣ присуць самъ Господь, по

слову Его: *идѣже два или три собраны во имя мое, ту есмь Азъ посреде ихъ.*

Счастливъ народъ, состоящій изъ такихъ благословенныхъ семействъ! По горю ему, коль скоро въ немъ размножится число людей попирающихъ вѣру, отпадшихъ отъ Церкви! Ибо ничто столь крѣпко не связываетъ сердца согражданъ между собою, ничто столь сильно не располагаетъ ихъ нещесъ о благѣ общественномъ, какъ Православная вѣра. Гражданскіе законы, самые мудрые, охраняютъ благоденствіе государства токмо совнѣ — со стороны поведенія гражданъ: но Вѣра есть внутренній стражъ его, управляющій умами, сердцами и совѣстями людей. Гражданскіе законы, подобно свѣтильникамъ, только указываютъ путь, которымъ долженъ идти каждый членъ гражданского общества: но побужденія къ надлежащему прохожденію сего пути, по силы къ преодолѣнію трудностей, предстоящихъ на немъ, замѣтуются отъ вѣры. Бываютъ несчастныя времена, когда гражданскіе законы остаются совершенно безъ дѣйствія; но вѣра и тогда служитъ судіею народнымъ, и тогда поощряетъ побѣднымъ вѣнцомъ къ добродѣтели, лютостію гесеккаго огня ужасаетъ порочныхъ. Однимъ словомъ, вѣра есть какъ бы краеугольный камень, на которомъ утверждается зданіе государства. Потрясень этотъ камень, все прочее — образованность, спла, богатство, слава — гнилыя опоры. Мы не будемъ искать въ древности примѣра, подтверждающаго нашу

истину. Современныя намъ, нѣкогда первокласныя, государства, въ которыхъ нынѣ пылаетъ междоусобная брань, достаточно убѣждаютъ, сколь великое зло слѣдуетъ за оскудѣніемъ вѣры въ народѣ.

Благодаря Всевышняго, наше Отечество, Сл., доселѣ твердо стоитъ въ правовѣріи. Отъ того-то оно такъ спокойно внутри и такъ страшно для непріятелей внѣшнихъ. Впрочемъ мудрый домоправитель не ограничивается своей заботливости общимъ взглядомъ на ввѣренный ему домъ, а входитъ во всѣ его, даже малѣйшія, части и старается о скоромъ исправленіи поврежденныхъ, опасаясь весьма основательно, чтобы отъ порчи частей, возрастающей мало по малу, не разорилось цѣлое зданіе. Есть и въ нашемъ отечествѣ, вообще православномъ, нѣсколько людей мыслящихъ не здраво и ведущихъ себя не по правиламъ Церкви господствующей. Попечительное Правительство наше употребляетъ дѣятельнѣйшія мѣры къ обращенію сихъ заблудшихъ на путь спасительной истины: и Господь увѣчиваетъ дѣйствія его вожделѣннымъ успѣхомъ.

Да будетъ же сія самая попечительность Правительства новымъ для каждаго изъ насъ побужденіемъ не отступать отъ святой отеческой вѣры, а крѣпко держаться ее, и въ другихъ поддерживать силою собственнаго примѣра и дружескихъ увѣщаній. Древніе Христіане по случаю какой либо ссеси, возмущавшей спокойствіе Церкви, собирались въ одно мѣсто и мо-

лился Богу. И мы, православные, собравшись въ семь храмъ, вознесемъ теплое моленіе къ Господу, да языки, доселѣ между нами не знающіе Бога истиннаго, вскорѣ изъ рукъ проповѣдниковъ нашихъ примутъ святое Крещеніе, — да единовѣрцы наши, иѣкогда рукою насилія отторгнутые отъ великой православной семьи, возвратятся нынѣ всѣ до одного изъ чуждыхъ храмовъ въ объятія родной своей матери, Церкви, — да изступленные читатели старинны, совершающіе вмѣсто Церковнаго свое самодѣльное служеніе Богу, покинутъ сокрытыя въ лѣсахъ и горахъ убѣжища свои, чтобы составлять единое съ нами стадо Христово, — да всѣ обитающіе на обширномъ пространствѣ Отечества нашего народы и племена единымъ усты и единымъ сердцемъ возсылаютъ хвалы Небесному Царю.

Боже отецъ нашихъ! Вонми гласу моленія нашего, и въ Россіи, Тобою любимой, утверди святую Православную вѣру во вѣкъ вѣка. Аминь.

С Л О В О

НА ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Изъ текста: *Иже всякъ глаголюй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творий волю Отца моего, иже на небесехъ.*
(Мат. 7, 21)

Уже и вторая недѣля великаго поста протекла, Служ., Слава Богу! четырнадцать дней провели мы въ постъ и молитвѣ; четырнадцать дней уже, отнявши у міра, употребили въ пользу души своей. Время сіе должно быть драгоцѣнно для всякаго Христіанина. Въ цѣломъ году нѣтъ удобіе онаго къ тому, чтобы позаботиться о душѣ и воспользоваться всѣми средствами, данными намъ ко спасенію. При всемъ томъ и сіе златое время можетъ быть прове-

дено нами безъ пользы, если мы, въ продолженіе онаго, станемъ заниматься не тѣмъ, что нужно и важно само по себѣ, а тѣмъ, что, будучи одно, никакой цѣны не имѣетъ; то есть, ежели будемъ стараться только о вѣншихъ дѣлахъ благочестія, какъ то о постѣ, ежедневномъ ходженіи въ Церковь, о земныхъ поклонахъ и пр., а о внутреннихъ, — какъ-вы обузданіе страстей, любовь ко врагамъ, терпѣніе, смиреніе — вознерадимъ совершенно. Потому что безъ этихъ послѣднихъ первыя суть тоже, что тѣло безъ души, тоже, что гробъ снаружи раскрашенный, а внутри исполненный костей и всякой нечистоты. Къ сожалѣнію, весьма многіе, не понимая, въ чемъ состоитъ истинное благочестіе, предпочитаютъ вѣншія его дѣйствія внутреннимъ, останавливаются, такъ сказать, на одной корѣ Христіанства, и думаютъ, что они взойшли уже на самый верхъ праведности, тогда какъ, быть можетъ, еще не коснулись и низшихъ ея степеней, объявляютъ свои права на вѣчное блаженство, тогда какъ, быть можетъ, ближе другихъ многихъ находятся къ вѣчной гибели. Такимъ людямъ должно, и въ настоящіе дни примично внушить, что вѣншія дѣла благочестія безъ внутреннихъ не могутъ спасти, и что, сохраняя все должное уваженіе къ первымъ, надобно въ особенности дорожить и заниматься послѣдними. Истина сія конечно не нова, Слушъ, но и объ известной истинѣ, коль скоро за-

бываютъ се на дѣль, напоминать во всякое время полезно.

Были люди, даже во время Иисуса Христа, кои всю святость полагали въ одномъ строгомъ исполненіи предписанныхъ закономъ обрядовъ и постановленій, не обращая вниманія на то, каково сердце человека, ихъ исполняющаго. Я говорю о Фарисеяхъ, которыхъ наружное поведеніе было столь же чисто и неукоризненно, сколько душа ихъ черна и безобразна. Но Иисусъ Христосъ, обличивъ и посрамивъ сіе лицемеріе, преподавъ ученикамъ своимъ совершенно противныя правила жизни. Онъ сказалъ, что послѣдовательно Его надлежитъ болѣе всего пещись о упражненіи и совершенствованіи души своей въ добродѣтели; что разумъ, покорный вѣрѣ, — сердце, свободное отъ страстей, — воля, согласная съ закономъ Божиимъ, лучше всякой богатой жертвы пріеムются небомъ; и что право на вѣчное блаженство дать не открытое исполненіе обрядовъ и постановленій, сколько бы точно оно ни было, но сокровенное отъ взоровъ людскихъ стараніе подражать Богу въ святости и любви. *Будите милосерди, яко же Отецъ вашъ небесный милосердъ есть* (Мат. 5, 48). *Будите святы, яко Онъ святъ есть* (1 Петр. 1, 16). Вотъ сущность Спасителява ученія! Онъ хотѣлъ именно того, чтобъ люди предпочитали внутреннее благочестіе наружному, и славили Бога не столько устами

своими, сколько сердцемъ и жизнью. Тоже, конечно, намѣреніе было и у Апостоловъ, когда они говорили, что человѣкъ не можетъ оправдаться дѣлами закона (Рим. 3, 20), что самая вѣра безъ благихъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 17), и что любовь Христіанская превосходитъ всѣхъ подвиговъ, не исключая даже и мученическаго (1 Кор. 13, 3). Сію же истину старались внушить Отцы Церкви и прочіе святые мужи, живущіе доселѣ въ своихъ писаніяхъ. Всѣ они говорятъ не столько о важности Церковныхъ обрядовъ, о строгомъ соблюденіи постановленныхъ Соборами правилъ, сколько о необходимости употреблять всѣ мѣры къ исправленію поврежденной души, сколько о ветхомъ внутреннемъ человѣкѣ, котораго надобно обновлять, совлекая съ него нечистую одежду грѣха и облакая его въ свѣтлую одежду добродѣтели.

Но при семъ да не помыслить кто изъ васъ, Служ., что ссамъ сущность Христіанства состоитъ въ обновленіи духа, въ спасительной перемѣнѣ нравовъ и жизни, а не въ одномъ исполненіи вышнихъ обязанностей благочестія, — то зачѣмъ и исполнять сіи послѣднія? зачѣмъ и время терять на безполезныя вещи? — Нѣтъ, весьма важны, весьма благодѣтельны для насъ и вышнія дѣйствія вѣры, когда онѣ происходятъ отъ души, преисполненной Христіанскихъ чувствъ, и соотвѣтствуютъ жизни, украшенной благими дѣлами. Богъ взираетъ милостивымъ окомъ на твою скудную

трапезу, если, съ воздержаніемъ отъ пищи и питія, ты воздерживаешь умъ свой отъ гордости, сердце отъ гнѣва, языкъ отъ осужденія и клеветы. Радуются Ангелы, видя тебя ежедневно ходящаго въ Церковь, если ты приходишь сюда точно какъ въ небо, оставя за прагомъ церковнымъ все помышленія и заботы земныя. Молитва твоя доходитъ до небесъ, и твоимъ коленнопреклоненіемъ умиляется Правосудный, ежели ты сими дѣйствіями изображаешь постоянное стремленіе души своей горѣ, и глубокое сознаніе своего недостойства. Свѣча, возжигаемая тобою предъ образомъ, есть пріятный Господу даръ, когда всцѣщеннымъ огнемъ ея знаменуется огонь любви Христіанской, согревающій твои мысли, чувствованія, слова и дѣла. Милостыня твоя, раздѣляемая между бѣдными, становится одолженіемъ самому Іисусу Христу, когда, будучи плодомъ честныхъ трудовъ, она составляетъ усердную дань состраданія, приносимую тобой безъ всякихъ видовъ тщеславія или корысти. Вотъ что необходимо требуется для того, чтобы постъ, молитва, коленнопреклоненіе и прочіе виды наружнаго благочестія угодны были Богу и спасительны для человѣка. А безъ того точно они никакой цѣны не имѣютъ. Ибо, разсуди самъ, какое достоинство въ твоёмъ постѣ, когда ты, изнурая голодомъ тѣло свое, не умерщвляешь въ себѣ ни одной страсти, не бросаешь ни одного грѣховнаго

навыка, не воздерживаешься отъ худыхъ рѣчей и поступковъ? Что пользы, что ходишь ты въ Церковь, когда въ сіе священное мѣсто приносишь съ собою лѣнь, разсѣянность, суетныя попеченія о благахъ мірскихъ. Приметь ли Господь молитву твою, смягчатъ ли Его гнѣвъ твои земные поклоны, когда безъ всякихъ благочестивыхъ мыслей и чувствъ, слѣдуя токмо примѣру другихъ, ты отверзаешь уста, и преклоняешь колѣна на землю? Пріятны ли Богу дары, приносимые отъ тебя алтарю, когда во время самаго приношенія ихъ, ты питаешь въ сердцѣ своемъ злобу на ближняго, и, можетъ быть, первымъ предметомъ мольбы своей полагаешь его погибель? Нѣтъ, Сл., ни какими поступками, ни какими подвигами, имѣющими токмо видъ благочестія, не возможно угодить Сердцевѣдцу; и на вѣсахъ Вѣчнаго Правосудія одинъ истинный грѣхъ перетянетъ тысячу добродѣтелей ложныхъ.

Эти петины, кажется, такъ просты, что ихъ можетъ понять самый необразованный человекъ: однакожь въ дѣлѣ спасенія наибольшая часть людей ограничиваютъ себя благовидной наружностью, не заботясь о внутреннихъ совершенствахъ, иначе сказать, впадаютъ въ порокъ фарисейства. Отъ чего же это? Отъ того, что гораздо легче исполнять съ точностію обрядовый законъ, нежели правила Христіанской правдивости. Между нами, на примѣръ, есть цѣлый

классъ людей, отцѣпившихся отъ св. Церкви, которые въ строгости исполненія виѣшнихъ обрядовъ и постановленій стараются быть подобными древнимъ Христіанамъ, но не могутъ истребить въ себѣ закоренѣлой ненависти къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые не такъ, какъ они, слагаютъ персты для крестнаго знаменія, и тому подобное. Притомъ же строгое соблюденіе правилъ, относящихся къ виѣшности Христіанской, пріятно льститъ самолюбію блудителя, питая въ немъ мечту о его совершенной святости. Читая жизнеописанія мужей угодившихъ Богу, и сравнивая виѣшнее поведеніе ихъ съ своимъ собственнымъ, онъ съ удовольствіемъ находитъ у себя тѣже самыя подвиги, какіе были у нихъ, — то же умерщвленіе плоти, ту же продолжительную молитву, то же постоянное пребываніе въ храмѣ, — находитъ, и уже похваляетъ себя съ полученіемъ того небеснаго вѣнца, котораго удостоились праведники; хотя такое заключеніе его слишкомъ поспѣшно; потому что въ жизнеописаніи благочестивыхъ мужей онъ смотритъ только на виѣшнюю сторону ихъ благочестія, а о внутренней, — которая особенно и важна въ дѣлѣ спасенія, — состоящей въ Богоподобныхъ качествахъ сердца, въ великихъ духовныхъ подвигахъ, забываетъ.

Такимъ-то образомъ легкость исполненія обрядовъ и сопряженное съ нимъ самоуслажденіе, удерживаютъ многихъ людей въ гибельномъ предразсудкѣ, и не

позволяютъ имъ видѣть истину; между тѣмъ какъ, для убѣжденія себя въ ней, слѣдовало бы только подумать: кто имѣетъ цужду въ наружныхъ дѣйствіяхъ благочестія, Богъ ли, имъ чествуемый, или самъ человекъ, оныя совершающій? Всякой, у кого только есть здравый смыслъ, согласится, что Богъ не имѣетъ нужды ни въ нашихъ молитвахъ, ни въ нашихъ поклонахъ, ни въ нашемъ постѣ; а что все сіе нужно единственно для насъ самихъ, какъ средство, назначенное служить въ пользу души и къ укрѣпленію ея на духовные подвиги; потому что постъ, на примѣръ, долженъ способствовать обузданію страстей, молитва устная должна питать надежду на Бога, земные поклоны должны приучать къ смиренію; слѣдственно, все эти и подобныя имъ дѣйствія имѣютъ свою цѣль только тогда, когда посредствомъ ихъ душа пріобрѣтаетъ различныя совершенства. Если же она ни какой пользы отъ нихъ не получаетъ, то можно ли ими хвалиться? Можно ли ожидать себя за нихъ вѣчной награды? Что бы сказали въ древности о томъ бойцѣ, который, имѣя тѣло слабое и ни какимъ ристалищнымъ подвѣгомъ не ознаменованное, пришелъ бы къ судіямъ и сталъ требовать себя у нихъ вѣнка за то, что онъ, бывши въ гимнастическомъ училищѣ, занимался прилежно всеми тѣлесными упражненіями? Его со стыдомъ прогнали бы судіи. Но такой точно участи подвергаютъ себя тѣ изъ насъ, которые не укра-

сивъ души своей ни какими Богоподобными свойствами, и не совершивъ ни какихъ великихъ духовныхъ подвиговъ, считаютъ себя въ правѣ раздѣлять славу съ святыми мужами, — за что же? за то одно, что не опустили ни одного изъ тѣлесныхъ упражненій, предуготовляющихъ къ святости.

И вотъ что всего хуже, всего опаснѣе въ этомъ заблужденіи: другаго рода грѣшники, — тати, прелюбодѣи, убійцы — сознаются, по крайней мѣрѣ, въ винѣ своей и почитаютъ себя достойными казни, коль скоро откроютъ имъ глаза на ихъ поведеніе. Но порокъ фарисейства, въ томъ и состоитъ, что утоная въ пучинѣ грѣховъ, люди приписываютъ себѣ совершенную святость. Не будемъ, братія, привязываться къ добродѣтелямъ мнимымъ. Потщимся лучше, въ настоящее время поста, пріобрѣсть хоть одно истинно Христіанское совершенство, совершить хоть одно истинно-богоугодное дѣло; или, выражаясь словами церковной пѣсни: *постящеся тѣлеснѣ, постился и духовнѣ: всякое списаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищія безкровныя введемъ въ дома: да пріимемъ отъ Христа Бога велию милость. Аминь.*

С Л О В О

НА ТРЕТІЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

изъ текста: *Иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ ерлдетъ.* Марк. 8, 34.

Еслибы здѣсь, Сл., на мѣстѣ І. Христа говорилъ любитель здѣшняго міра, онъ сказалъ бы вамъ такъ: «кто хочетъ моимъ путемъ искать счастья, тотъ долженъ обогатиться, приобрести славное имя и употреблять всевозможные способы къ пріятному проведению времени.» Земные учителя и говорятъ по земному: ученіе ихъ льститъ гордости и угождаетъ страстямъ человека. Совсѣмъ иначе говоритъ Учитель небесный. По Его словамъ, кто хочетъ идти за Нимъ,

тотъ, вмѣсто всего питающаго самолюбіе, вмѣсто всего улаждающаго чувственность, долженъ нести на себѣ тяжкое бремя горестей и несчастій. *Иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой.* Но, Господи Іисусе! не Ты ли, по Своему безконечному милосердію, претерпѣлъ всѣ роды золь даже до крестной смерти, ради спасенія нашего? Мы вѣруемъ, что жертва, Тобою за насъ принесенная на крестъ, избавила насъ отъ гибельныхъ слѣдствій проклятія: что же велишь Ты страдать еще и намъ, искупленнымъ цѣною Твоея крови? Или мы, не смотря на великія заслуги Твои, доселѣ паходимся подъ гнѣвомъ небеснымъ? — «Нѣтъ, — отвѣчаетъ намъ Господь чрезъ св. Апостола Павла, — горести и несчастія, которыя заповѣдаю вамъ терпѣть, свидѣлствуютъ не о гнѣвѣ, а о любви Божіей къ вамъ. Безъ Моего крестнаго подвига, конечно, бѣдствія только бы карали людей, не принося имъ ни какой пользы, какъ рабамъ преступнымъ: но вы, вѣрующіе въ Меня, теперь подвергаетесь бѣдствіямъ, какъ дѣти, которыхъ отецъ, наказуя, хочетъ помиловать. Для васъ, при всей нестерпимой горечи своей, онѣ благотѣльны, подобно врачествамъ, коихъ непріятный вкусъ съ избыткомъ вознаграждается цѣлебною силой» (Евр. 12, 6 — 13). Углубимъ, Сл., все вниманіе наше въ этотъ утѣшительный отвѣтъ и, стоя при крестѣ Іисусовомъ, размыслимъ о необходимости собственнаго нашего креста или о

благотворной силѣ горестей и несчастій, посылаемыхъ на насъ Провидѣніемъ.

Сколько ни злополучною кажется настоящая жизнь, однако и въ ней, по милости Создателя, есть нѣсколько истинныхъ благъ, составляющихъ земное счастье человека. Только человекъ имѣетъ въ себѣ странное свойство, по которому не можетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить сіи блага, не испытавши напередъ золь, онымъ противоположныхъ. И это свойство, надобно сказать, не при сотвореніи было дано ему, а открылося въ немъ послѣ грѣха первороднаго. Невинный, онъ имѣлъ понятіе объ одномъ добрѣ; преступивъ заповѣдь Божию, тотчасъ свѣдалъ и зло, а по причинѣ его жестокости возчувствовалъ всю цѣну потеряннаго имъ блаженства. Съ тѣхъ поръ всякое благо стало быть имъ цѣнимо по мѣрѣ предварительнаго испытанія противоположнаго оному зла. Сладость покоя чувствуетъ онъ не иначе, какъ послѣ сильнаго утомленія; пища и питіе для него вкусны по причинѣ предшествующей алчбы и жажды; здоровьемъ своимъ начинаетъ онъ дорожить послѣ тяжелой болѣзни; цѣну имуществу знаетъ онъ, изведавши горькую бѣдность; доброе имя ставовится для него драгоцѣннѣе послѣ худой молвы, сплетенной злорѣчіемъ; самая жизнь представляется ему наилучшимъ даромъ неба тогда, какъ онъ избѣгнулъ угрожающей опасности потерять ее. Зная такое свойство поврежденнаго человѣческаго естества, кто будетъ роп-

татъ на Бога за то, что Онъ своимъ всемогуществомъ не изъемлетъ изъ среды нашей жизни горестей и несчастій? Не съ благимъ ли намѣреніемъ оставляютъся при насъ сѣи горести и несчастія, чтобъ посредствомъ ихъ можно было намъ живѣе чувствовать достоинство благъ земныхъ и священный долгъ благодарности къ Верховному оныхъ Подателю? Чуждые всякой печали, мы не имѣли бы понятія объ истинной радости; сердце наше, не поражаемое ударами злополучія, походило бы на безчувственный камень. Что дѣлать, что грѣхъ лишилъ насъ способности наслаждаться счастьемъ чистымъ, ни одной каплею желчи не раствореннымъ? Жаловаться изъ — за этого на бѣдствія, насъ постигающія, значило бы тоже, что жаловаться на громовую тучу, которая, протекая съ ужасомъ по небесному своду, очищаетъ вредными испареніями наполненный воздухъ. То и другое необходимо при пылѣвшемъ разстроенномъ состояніи природы и человѣчества.

Съ другой стороны горести и несчастія, терпимыя нами, благодѣтельны потому, что служатъ въ нѣкоторомъ родѣ очистительною жертвою за наши грѣхи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что безъ крестныхъ заслугъ Искупителя мы не могли бы самого легкаго проступка своего загладить мучѣйшими муками. Но теперь, когда Сынь Божій принесъ на крестъ умиловительную жертву за весь родъ человѣческій, и наши слезы,

и наши вздохи приемяются на жертвенникъ неба, и имъ усвоена благодатная сила покрывать грѣхи страждущаго, по мѣрѣ его страданій. Богъ *хотящій всѣмъ спастися*, нарочно ведетъ человѣка тернистымъ путемъ жизни, чтобы онъ, на каждомъ шагу уязвляясь острыми его тернами, имѣлъ возможность, такъ сказать, выстрадать себѣ здѣсь царство небесное. Отъ того, чѣмъ кто достойнѣе, по суду Божию, наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, тѣмъ тотъ болѣе терпитъ во время своего пребыванія на землѣ. Ни одинъ проступокъ, ни одна порочная мысль, ни одно праздное слово не проходятъ ему безъ соразмѣрнаго наказанія. Подобно зернистому колосу, онъ очищается здѣсь ударами заключенія отъ грубой грѣховной плевы, дабы отсель перейти чистымъ зерномъ въ небесную житницу. И святые мужи, увѣренныя въ семъ пути Провидѣнія, радовались, когда Господь посѣщалъ ихъ, во время жизни, какимъ либо бѣдствіемъ. Зная за собою вину передъ Богомъ, они даже просили у Него наказанія, и не прежде успокоивались, какъ по пріятіи лавъ отъ карающей Господней руки. Напротивъ, грѣшники пераскакиныя, люди отступившіе отъ Бога и Святой Церкви, по допущенію того же верховнаго Промысла, часто избилуютъ здѣсь всѣми благами и проводятъ жизнь спокойную, веселую для того, чтобы, за нѣкоторыя мірскія достоинства получивъ временную награду, послѣ ни чѣмъ уже не от-

зываются отъ уплаты грѣховныхъ долговъ своихъ вѣчнымъ мученіемъ.

И такъ что жалуешься ты, страдалецъ, на участь свою, конечно, бѣдственную, но за то спасительную для души? что завидуешь осыпаннымъ дарами земнаго счастія грѣшникамъ, которыхъ Правосудіе неба блюдетъ въ жертву огня геенскаго? Не лучше ли тебѣ голодному, покрытому струнами пролежать цѣлый вѣкъ у воротъ, подобно Лазарю, нежели вмѣстѣ съ Евангельскимъ богачемъ облекаться въ порфиру и каждый день убивать на забавы или топить въ чаши веселія? Ахъ, Сл., какъ легко было бы намъ переносить всякое горе, если бы мы принимали оное съ чувствами Царя Давида, который, бывъ некогда проклинаемъ однимъ изъ своихъ подданныхъ, отвѣчалъ царедворцамъ, хотѣвшимъ наказати дерзкаго: «оставьте его проклиная меня, потому что онъ дѣлаетъ сіе по повелѣнію Божию. Богъ хочетъ наказати меня за грѣхи, и, быть можетъ, проститъ мнѣ ихъ, если я стерплю теперешнее оскорбленіе отъ сего человѣка.» (2 Цар. 16, 11 - 12)

Впрочемъ не довольно того, что горести и несчастія, претерпѣваемые нами, служатъ возмездіемъ за наши грѣхи; въ нихъ заключается сила, отклоняющая насъ отъ самыхъ грѣховъ и привлекающая къ добродѣтелямъ Христіанскимъ. Есть въ душѣ человѣческой три страсти, какъ будто три корня всего порочнаго:

гордость, сластолюбіе и жажда корысти. Страсти сіи пробуждаются, усиливаются и необузданно дѣйствуют во время благополучія; напротивъ, въ случаѣ какихъ либо бѣдствій, дѣйствіе ихъ или совсѣмъ прекращается или бываетъ такъ слабо, что не мѣшаетъ водворяться въ сердцахъ другимъ благочестивымъ расположеніямъ. Когда честолюбецъ съ высоты знаменитости своей, отколѣ взиралъ на весь свѣтъ очами презрѣнія, низвергается въ рядъ пресмыкающейся долу толпы; тогда онъ уже по неволѣ начинаетъ судить о себѣ скромно и убѣждается самымъ опытомъ, признавать свое равенство съ другимъ. Когда сынъ пѣги и роскоши, предавшійся всѣмъ родамъ непозволенныхъ удовольствій, слегаетъ на одръ болѣзни жестокой; тогда огонь сладострастія въ груди его гаснетъ, и изъ стонающихъ устъ его вырывается искренній обѣтъ воздержанія. Когда богачъ жестокосердый, которому во дни счастія жалъ было подняться съ бѣднымъ мелкой монетою, по нѣкоторымъ бѣдственнымъ обстоятельствамъ разоряется; тогда имѣя нужду самъ въ состраданіи и помощи ближнихъ, онъ клянетъ свое прежнее поведеніе, и радъ былъ бы призрѣть тысячи бѣдныхъ, ссанибъ только прежнее счастіе къ нему возвратилось. Таково дѣйствіе золъ на главныя страсти души; оно столько же благотѣтельно и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ порочнымъ наклонностямъ; такъ что, по свидѣтельству опыта, нѣтъ злокачествъ,

которое бы не приносило человѣку какихъ либо плодовъ правственнаго совершенства. Въ самомъ дѣлѣ, кто не становится основательнѣе въ сужденіяхъ, умѣреннѣе въ желаніяхъ своихъ послѣ того, какъ испытаетъ вредныя слѣдствія своей опрометчивости и замысловъ дерзновенныхъ? Кто изъ наказанныхъ за грубый и сварливый нравъ не старается послѣ управлять бурными движеніями своего гнѣвнаго сердца? Кто, бывши въ общемъ мнѣніи обезславленъ клеветою, не удерживаетъ своего языка отъ рѣчей, для чести ближняго вредныхъ? Кто, праздношью или роскошью поверженный въ нищету, не ставитъ себѣ непремѣннымъ правиломъ прилежанія и бережливости? Кто, испытавши измену коварнаго друга, не научается благоразумной осмотрительности въ выборѣ людей, къ которымъ бы можно было имѣть довѣренность? Однимъ словомъ: вся дѣятельная мудрость Христіанина не есть ли сокровище, приобретаемое цѣною горькаго и тяжелаго опыта? И ежели при всемъ томъ есть порочные люди, которыхъ не умудряетъ самое бѣдствіе; то вина сему заключается въ упорствѣ ихъ, затыкающемъ уши, что бы въ ударѣ несчастія не слышать исправительнаго урока. По крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что Промыслъ попускаетъ тучъ золъ разражаться надъ главою грѣшника всегда съ благимъ намѣреніемъ, и именно съ тѣмъ, чтобы возбудить его отъ грѣховнаго сна и содѣлать добрымъ,

неутомимо - дѣятельнымъ стражемъ души своей. Каждый горестный случай, можно сказать, есть Божій посолъ, приходящій къ намъ съ вѣстію покаянія; и блаженны мы, Сл., если принимаемъ сего грознаго вѣстника такъ, же какъ Пророка Іону Ниневитяне, предупредившіе возвыщенную имъ погибель своимъ обращеніемъ.

Наконѣцъ, что всего важнѣе, горести и несчастія, встрѣчающіяся съ человекомъ на землѣ, оживляютъ и укрѣпляютъ сладкую увѣренность его въ будущей жизни. Счастіе дѣлаетъ людей совершенно довольными настоящимъ ихъ положеніемъ на землѣ; обладая числомъ благъ, достаточнымъ на многіе годы, они говорятъ душѣ своей: *яждь, пій и веселися*; а о томъ, что съ ними будетъ по смерти, не имѣютъ никакой надобности думать, тѣмъ менѣе беспокоиться. Если же и приходитъ когда имъ на мысли грядущая жизнь, то не иначе, какъ предметъ, отдаленный отъ нихъ цѣлыми тысячелѣтіями, или какъ нѣкое сновидѣніе, какъ несбыточная мечта, пугающая однихъ легковѣрныхъ. Завѣса вѣчности подымается для нихъ всегда неожиданно; они тогда уже удостовѣряются въ существованіи другого міра, когда черезъ дверь могилы вступаютъ въ него жертвами обреченными на вѣчную гибель. Совсѣмъ напротивъ дѣйствуетъ на людей бѣдственная судьба. Недостатокъ или утрата временныхъ благъ разрѣшаютъ оковы, привязывающія безсмерт-

ную душу ихъ къ праху земному; свободная отъ мірской суеты, она возлетаетъ мыслями, желаніями въ горнія страны; страдалца въ настоящей жизни ищетъ себѣ утѣшенія въ жизни другой. О какое умопительное зрѣлище предстало бы очамъ нашимъ, Сл., если бы могли мы проникнуть во глубину сердець, временнымъ бѣдствіемъ удрученныхъ. Вѣщай намъ покрытый рубищемъ нищій, безкровный бѣднякъ, некогда обладавшій знатнымъ имуществомъ! куда ты стремишься душою изъ этой юдоли плача, ежели не въ страну небесную, въ которой сокровища, раздѣляемые всѣмъ равно, составляютъ вѣчную собственность обладателя? Повѣдай намъ, возлежащій на одрѣ болѣзненнымъ! не возгарается ли въ тебѣ отъ самыхъ тѣлесныхъ мученій святая надежда, переселиться по смерти въ другой совершеннѣйшій міръ, гдѣ жители наслаждаются вѣчно - цвѣтущимъ здоровьемъ? Отвѣчайте намъ, вы разлученные на вѣкъ съ существами любезными сердцу! ты, сирота оставшійся безъ отца и матери! ты, мать оплакавшая раннюю смерть сыновей! ты, супругъ похоронившій вѣрную и нѣжную спутницу жизни! въ какую страну обращается теперь приливъ вашихъ мыслей? Куда постоянно перенесены ваши взоры? Гдѣ желали бы вы жить, покинувъ опустѣлую землю, или гдѣ уже вы живете безвыходно присутствіемъ вашего духа? Не тамъ ли, гдѣ и они, предметы вашей слезящей любви? Не тамъ ли, гдѣ

свѣтитъ незаходимое солнце, гдѣ радостное свиданіе съ родными не боится тяжелой разлуки? Ахъ, Сл., сколь ни горька чаша золь, подносимая Провидѣніемъ чело-вѣку, но она растворена сладостью, — пензьяленною сладостью убѣжденія въ другой счастливѣйшей жизни.

Не безъ причины же весьма многіе святые мужи добровольно раздавали свое имущество бѣднымъ, нисходили съ высокихъ степеней знаменитости, вырывались изъ объятій родства и дружбы и шли въ уединенныя мѣста, чтобы тамъ на всей свободѣ предаваться спасительнымъ мыслямъ о вѣчности. Стараясь благополучно доплыть до общаго пристанища смертныхъ, они, подобно искуснымъ мореплавателямъ, бросали земныя блага, какъ лишнюю тяжесть съ своего корабля, дабы съ нею самимъ не потонуть въ волнахъ житейскаго моря. Были въ числѣ ихъ даже такіе подвижники, кои, ревнуя о спасеніи души, подвергали самое тѣло свое жестокимъ мученіямъ. Примѣръ сихъ мужей сильнѣе всѣхъ разсужденій убѣждаетъ насъ, если не вовсе отречься отъ міра и мучить себя, какъ они, добровольно, то по крайней мѣрѣ безъ ропота переносить тѣ горести и несчастія, кои посылаетъ на насъ Провидѣніе.

Къ вѣщаему же поощренію и подкрѣпленію нашему въ подвигѣхъ служить, безъ сомнѣнія, страдальческій образецъ самаго Господа и Спаса на-

шего Іисуса Христа. Для сего-то, почти на каждомъ шагу земнаго пути, и стоитъ передъ нами крестъ Его, какъ древо услаждающее горькія воды жизни: мы видимъ его на верху храмовъ Божіихъ и въ самыхъ храмахъ; встрѣчаемъ перѣдко въ домахъ, на торжищахъ, на распутіяхъ; носимъ на собственной груди съ минуты крещенія; слагаемъ своими перстами во время молитвы. Вотъ и нынѣ преджесть онъ нашему зрѣнію, торжественно изнесенный изъ алтаря на средину собранія, какъ знамя І. Христа, въ скоромъ времени грядущаго пострадать и умереть за родъ человѣческій. Воины земнаго царя, увидавши царское знамя, одушевляются мужествомъ и охотно преодолеваютъ всѣ трудности, всѣ опасности битвы! Христіане же, воины Царя небснаго, покинувши знамя Его, разойдутся въ разныя стороны, чтобы не участвовать съ Нимъ въ тягостяхъ брани духовной? О, нѣтъ! не посрамимъ своего имени, Христіане — Сл., станемъ крѣпко противъ нападающихъ на насъ горестей и несчастій, и послѣдуемъ матернему увѣщанію св. Церкви, вопіющей въ сіи дни преполовляющагося поста: *«Четырдесятѣ постныхъ стадій преполовляюще, прїидите любовію со Христомъ идемъ къ Божественной страсти, да сраспенишся Ему, общницы будемъ того воскресенію. (*) Аминь.*

(*) Утренняя стихира.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ЦВѢТОПОСНУЮ.

Сегодня Святая Церковь воспоминаетъ торжественный входъ І. Христа въ Іерусалимъ; и мы, Христіане, подобно Іерусалимлянамъ, нѣкогда съ честью встрѣтившимъ Господа, исходимъ какъ бы на сретеніе Ему, держа въ рукахъ древесныя вѣтви и восклицая единоподушно: *благословенъ грядый во имя Господне! осанна въ вышнихъ* (Мат. 21, 9). Похвальное соревнованіе въ такомъ благочестивомъ поступкѣ! Но примѣръ Іудеевъ, съ одной стороны достойный всякаго подражанія, съ другой, весьма опа-

сень для подражателей. Отличное почтеніе, оказанное ими І. Христу, было, по всей вѣроятности или притворное или минутное: потому что спустя нѣсколько дней послѣ торжественной встрѣчи Его съ ваіями и вѣтвями, они псходятъ на Него уже съ оружіемъ и дреколіями. Уста ихъ, благословлявшія Грядущаго во имя Господне, едва успѣли сомкнуться, какъ изъ нихъ уже вырывается неистовый вопль: «распни, распни Его!» Отъ того конечно, І. Христось, яко сердцеѣдѣць, и не изъявлялъ удовольствіа при видѣ возданной Ему Іудеями почести; напротивъ, обнаружилъ свой гнѣвъ, тотчасъ послѣ вѣзда въ Іерусалимъ, изгнавъ продающихъ и купующихъ въ Церкви. (Мат. 21, 12)

Кто изъ насъ, Сл., захотѣлъ бы въ этомъ отношеніи уподобиться Іудеямъ? Однакожъ и противъ желанія уподобляется имъ тотъ, кто, сѣтая вышѣ І. Христа, воздастъ Ему почтеніе, или происходящее не отъ чистаго сердца, или состоящее въ однихъ словахъ, или имѣющее въ виду человѣческую похвалу, или ограниченное нѣсколькими минутами времени; однимъ словомъ, чья почтительность къ І. Христу, при всей благовидной ея наружности, будетъ минимая, а не истинная. Собственной совѣсти каждаго предоставляется рѣшить, къ числу достойныхъ или недостойныхъ чтителей Божіихъ онъ принадлежитъ. Нашъ долгъ изобразить только свойства истиннаго и

мнимаго благочестія, дабы каждый, желающій угождать Господу, увидѣлъ въ этомъ изображеніи, какъ въ зеркалѣ, себя самаго.

Есть люди, которые чтутъ Бога наружно, словами, тѣлодвиженіями, приношеніями даровъ, не питая въ душѣ своей къ Нему не только сыновней любви, но и рабскаго страха, даже внутренно оскорбляя Его порочнымъ образомъ своихъ мыслей и чувствованій. Такое благочестіе ложно. Истинно — благочестивый человекъ совершаетъ служеніе Богу въ сердцѣ своемъ: *законъ Бога его въ сердцѣ его.* (Псал. 36, 31). Здѣсь предъ ликомъ Троицпостаснаго, живописуемымъ вѣрою, теплится у него лампада любви. Здѣсь его разумъ, благоговѣющій къ неизслѣдимымъ тайнамъ религіи, — совѣсть, сокрушенная во грѣхахъ, — воля, покорная опредѣленіямъ Промысла, — безмолвно произносятъ молитвенные глаголы. Здѣсь чрезъ обузданіе помысловъ дерзкихъ, чрезъ укрощеніе нечистыхъ пожеланій, чрезъ умерщвленіе порочныхъ страстей, приносится имъ Господу жертва, состоящая изъ кротости, цѣломудрія, безкорыстія, незлобія, терпѣнія и другихъ превосходныхъ качествъ обновленнаго духа. Нѣтъ сомнѣнія, что такое внутреннее благочестіе должно являться и въ, въ устной молитвѣ человека, въ его благоговѣйныхъ взорахъ и коленопреклоненіяхъ, въ его бдѣніи и постѣ: сія внѣшнія дѣйствія, будучи выраженіемъ благочестивыхъ чувствъ, во первыхъ, угодны Богу, кото-

рый чрезъ Апостола повелѣваетъ прославлять Его душею и тѣломъ (1 Кор. 6, 20); во вторыхъ, назидательны для ближняго, потому что, при взглядѣ на нихъ, у каждаго разгорается искра благочестія въ его собственномъ сердцѣ. Но благочестивая вѣнчанность имѣетъ цѣну единственно при набожности сердечной. Если же она, подобно красивой маскѣ на лицѣ безобразномъ, прикрываетъ внутреннее нечестіе: въ такомъ случаѣ и Богъ оскорбляется и люди соблазняются ею, не смотря на все ся благолѣпіе. Богъ оскорбляется лицемерною набожностію: и какъ не оскорбляться Всевѣдущему, когда, въ очахъ Его, лицемеръ, стоя тѣломъ во храмѣ, блуждаетъ душею по распутіямъ города; читая молитву предъ образомъ, думаетъ о столѣ и одеждѣ; прося у Господа прощенія во грѣхахъ, точить оружіе противъ ближняго; наблюдая строгую воздержность въ пищѣ и питіи, упивается гордостью, пресыщается сребролюбіемъ! Какъ не гнѣваться Сердцевѣдцу, когда не вѣріе принимаетъ на себя видъ несомнѣннаго убѣжденія и Апостольской ревности, когда подъ личиною благочестія скрывается злой, коварный, завистливый нравъ и совершаются дѣла беззаконныя! *Горе вамъ книжницы и фарисее лицемери, говоритъ Спаситель, яко очищаете вѣнчанность стекла и бѣла, внутри же суть полны хищенія и неправды. Горе вамъ, яко подобитесь гробомъ повапленнымъ, иже внѣзду*

являются красны, внутриу же полны суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты. (Мат. 23, 25, 28). Съ другой стороны, лицемерная набожность приводитъ ближнихъ въ соблазнъ, подавая поводъ, по поводу лицемерствующихъ Христіанъ, невыгодно заключать о самомъ Христіанствѣ. Отъ чего міръ иногда питаетъ недовѣрчивость и какое то презрѣніе къ пажнымъ дѣйствіямъ? Отъ того, что видитъ людей, которые подъ покровомъ набожности, посятъ въ груди развращенное сердце; великое число такихъ жжесвятотъ даетъ поводъ сомнѣваться въ существованіи истинной святости и кладетъ на самага праведника пятно подозрѣнія въ тонкомъ обманѣ. Ахъ! не одинъ, можетъ быть, свѣтскій чловѣкъ отпалъ отъ Бога и Его Св. Церкви, потерявъ вѣру въ благочестіе, при видѣ мнимыхъ его представителей; подобно тому, какъ при видѣ многихъ жженншихъ теряетъ довѣріе къ дѣйствительной бѣдности. И такъ въ назиданіе ближнихъ, въ угодность Богу, благочестіе Христіанина должно быть непременно искреннее, сердечное.

Но одной искренности для сего еще не достаточно. Есть люди, которые ограничиваютъ благочестіе предѣлами знанія, напрягаютъ все силы ума, чтобы проникнуть въ таинственный мракъ духовнаго міра и эту набожную умосозерцательность поставляютъ цѣлю жизни, единственною жертвою, угодною Богу. Для дру-

гихъ мѣрою благочестія служить чувствительность ихъ. Если они поражены, растроганы предметами вѣры, если пришли въ благочестивый восторгъ; то уже приписываютъ себѣ участіе въ блаженномъ состояніи Ангеловъ. Нѣкоторымъ кажется, что они исполнили весь долгъ благочестія, когда проповѣдали Бога изустно или написали о священныхъ предметахъ нѣсколь-ко книгъ краснорѣчивымъ языкомъ. Сии три рода благочестія — высокоумное, восторженное и велерѣчивое, при всей своей безпритворности, имѣютъ нужду въ добрыхъ дѣлахъ, чтобъ быть благоугодными Богу. Ибо безъ дѣлъ первые два рода благочестія подобны свѣтильнику, скрывающемуся подъ снудомъ; а послѣдній родъ походить на дерево покрытое листьями и цвѣтами, но совершенно безплодное. Еслибъ вы достигли высочайшаго духовнаго просвѣщенія и узнали всѣ тайны, если бъ въ минуты набожнаго восторга могли предрекать отдаленную будущность, еслибъ имѣли даръ говорить о предметахъ вѣры языкомъ Серафимскимъ, но при всемъ томъ не совершили ни какого Богоугоднаго дѣла, то и тогда ваше праздное благочестіе, по ученію Слова Божія, не значило бъ ничего. (1 Кор. 13, 1 — 3). Впрочемъ между самыми дѣлами Богоугодными есть различіе, требующее благо-разумной разборчивости при совершеніи ихъ. Къ однимъ, мы обязуемся безусловно; другія, заповѣдуются намъ подъ условіемъ нашихъ силъ и удобства. Тѣ

составляютъ главный, этъ второстепенный нашъ долгъ. Истинно — благочестивый человѣкъ, не пренебрегая второстепенныхъ обязанностей, преимущественно старается исполнить самыя главныя. Онъ знаетъ, наприкладъ, что милость, оказанная ближнему, важнѣе постаго подвига, — что лучше во сто кратъ не обижать и не огорчать ни кого, нежели по цѣлымъ ночамъ стоять на молитвѣ; и отъ того поступаетъ всегда согласно съ самимъ собою; ни одинъ добродѣтельный поступокъ его не помрачается беззаконностію другихъ поступковъ; напротивъ, кто предпочитаетъ не столь важныя обязанности Христіанина существеннымъ, кто удерживается отъ малыхъ проступковъ съ бѣльшимъ стараніемъ, нежели отъ смертныхъ грѣховъ, или, выражаясь Евангельскими словами, *оцѣждаеть комары, пожирая вельблюды, одесѣтствуетъ мятову, копрѣ и килинѣ, оставляя вѣщающаго закона: судѣ, милость и вѣру* (Мат. 23, 23, 24), — тотъ обнаруживаетъ въ себѣ ложное благочестіе. Клеветники І. Христа не смѣли войти въ преторѣ, чтобъ не оскверниться, хотя безъ зазрѣнія совѣсти привели туда неповиннаго Узника на смерть. Для архіереевъ и старцевъ Іудейскихъ показалось недостойнымъ вложить сребренники, возвращенные Іудею, въ корванну: *понеже цѣна крове есть*; хотя они же въ изступленіи ревности за миную честь имени Божіа, вопіяли: «*кровь Его на насъ и на гадѣхъ нашихъ!*» Иродъ побоялся нарушить клят-

ву, данную имъ; но не побоялся умертвить Іоанна Крестителя, какъ будто бы сія малодушная устоячивость въ словѣ некупала вину его беззаконнаго и варварскаго поступка. Вотъ каковы суеться! И можно ли, подражая имъ въ набожныхъ дѣйствіяхъ, надѣяться списать благоволеніе Божіе? Нетъ. Всякой разъ, когда І. Христосъ обращалъ взоръ свой на Фарисеевъ, строгихъ исполнителей обрядоваго закона и въ то же время дерзкихъ оскорбителей нравственности, всякой разъ изъ кроткихъ устъ Его исторгался претящій глаголъ: *«горе вамъ!»* То же самое прещеніе можетъ быть отпесено и къ Христіанамъ фарисействующимъ. «Горе, — можемъ сказать мы по всей справедливости, — горе вамъ, которые по нѣскольکو часовъ въ день употребляете на домашнее и общественное славословіе имени Божія, и послѣ того позволяете себѣ въ обществѣ чернить злорѣчіемъ, лжить клеветою доброе имя вашего ближняго! Горе вамъ, которые по нѣскольکو разъ въ годъ приходите на исповѣдь, приступаете къ причастію Святыхъ Таинъ, какъ истинные чада Церкви Христовой, и между тѣмъ въ семейной и гражданской жизни своей, ознаменованной ссорами, обманами, неправдами, притѣсненіями являетесь хуже язычниковъ! Что это за благочестіе, восклицаетъ блаженный Августинъ, когда человекъ раздаетъ бѣднымъ щедрую милостыню, дѣлаетъ въ Церковь богатые вклады, и не платитъ своихъ долговъ! — Не скажетъ

ли Господь сему челоуѣку: ты хвалишься предо мною тѣмъ, что многихъ облагодѣтельствовалъ, а Я тебѣ скажу, что ты еще большее число разорилъ; ты указываешь Мнѣ на нищихъ, которымъ далъ пищу и одежду, а Я укажу тебѣ на другихъ, кого ты привелъ въ нищету и заставилъ умереть, можетъ быть, съ голода? Что мнѣ въ твоихъ великолѣнныхъ дарахъ, когда они отняты у бѣдныхъ сиротъ и вдовицъ, когда на золотъ и драгоценныхъ камняхъ, приносимыхъ тобою во храмъ, я вижу запекшуюся кровь несчастныхъ дѣтей Моихъ, убитыхъ твоею жестокостію! (Сирах. 34, 20). Лучше не молись ты такъ часто, но будь воздержнѣе на языкъ. Лучше не мори себя суровымъ постомъ, но наблюдай справедливость, оказывай состраданіе. Лучше не дѣлай богатыхъ приношеній во храмъ, но возврати другимъ то, что ты у нихъ взялъ или отнял. Лучше иногда оставь самый храмъ, чтобы идти примириться съ братомъ, огорченнымъ тобою.» — Такъ, Сл., истинное благочестіе состоитъ не въ умозрѣніи тонкомъ, не въ ощущеніяхъ сильныхъ, не въ витійствѣ блистательномъ, но въ дѣлахъ, и дѣлахъ доказывающихъ любовь къ Богу и ближнему.

Впрочемъ и то сказать, что у самой набожной, у самой челоуѣколюбивой дѣятельности не всегда бываетъ чистое побужденіе. Есть подвижники вѣры, есть благодѣатели челоуѣчества, которыхъ поступками уч-

равляетъ одно тщеславіе. Все обыкновенное, общее въ дѣйствіяхъ благочестія не правится имъ; потому что такихъ дѣйствій никто не замѣтитъ. Для нихъ нужны особенности, которыя бы бросались въ глаза народа; нужно что нибудь удивительное, безпримѣрное, о чемъ бы тотчасъ разнеслась молва по всему городу. Отъ того происходитъ, что если взглянуть на этихъ людей въ домашнемъ быту, куда око постороннихъ свидѣтелей проникнуть не можетъ, гдѣ ни кто не надзираетъ за поведеніемъ ихъ, кромѣ Бога и ихъ собственной совѣсти, увы, сколько за ними откроется недостатковъ, заслуживающихъ жестокую укоризну! Какіе это перадивые о дѣтяхъ отцы! Какъ мало дорожатъ они счастіемъ супружескаго согласія! Какъ худо смотрятъ за правами своихъ домочадцовъ! Какъ невнимательны къ положенію своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, и какъ небрежны о правильномъ употребленіи имущества своего! Но посмотрите на тѣхъ же людей внѣ домашняго крова, предъ очами многочисленныхъ зрителей. Тутъ они вовсе другіе: откуда берется у нихъ пламенная ревность по вѣру и неутомимая попечительность о благѣ другихъ. Они удивляютъ во храмъ разительными знаками сердечнаго сокрушенія; жалуется всѣмъ, что заботы по хозяйству и службѣ мѣшаютъ имъ совершенно посвятить себя благочестію; открыто и съ жаромъ встаютъ на поврежденіе нынѣшнихъ нравовъ; проповѣдуютъ возстановленіе вѣка

Апостольскаго; ходять изъ дома въ домъ, для возбужденія къ благотворительнымъ подвигамъ; собирають къ себѣ толпы нищихъ, чтобы раздать имъ щедрую милостыню изъ собственныхъ рукъ; сооружаютъ на свое изъдѣніе храмы, и въ нихъ, какъ бы для поощренія потомковъ къ подобному усердію, начертываютъ неизгладимыми буквами имена свои. Дѣланія ихъ сами по себѣ превосходны; и свѣтъ, заключающій по наружности, приносить имъ справедливую дань уваженія. Но Богъ, зрящій въ сердца дѣлателей, съ негодованіемъ отвергаетъ и подвиги набожности и дѣла милосердія ихъ: ибо *все сіе творятъ они, да видими будутъ человеки* (Мат. 23, 5). Напрасно же иной, будучи не въ силахъ прославить себя дѣлами благочестивыми, впадаетъ въ уныніе и оставляетъ исполненіе даже носильныхъ Христіанскихъ обязанностей. Конечно, завидень жребій подвижниковъ вѣры, благотворителей челоуѣчества, по смерти прославленныхъ Богомъ за смиреніе ихъ; это великія свѣтила на тверди міра нравственнаго: но звѣзды перестаютъ ли сіять отъ того, что ихъ мерцающій свѣтъ не можетъ сравниться ни съ луннымъ, ни съ солнечнымъ? Подобнымъ образомъ тотъ, кому не даны силы къ совершенію знаменитыхъ дѣлъ благочестія, долженъ тщательно исполнять, по крайней мѣрѣ, обыкновенныя Христіанскія должности и разливать свѣтъ своихъ добродѣтелей хотя на небольшое пространство семейнаго круга.

Пусть отецъ или мать заботливо внушаютъ дѣтямъ страхъ Божій и готовятъ ихъ на полезное служеніе обществу. Пусть супругъ кроткими совѣтами исправляетъ недостатки жены, а жена терпѣливо переноситъ строптивость супруга и ласковымъ, предупредительнымъ обхожденіемъ укрощаетъ вепрьливый нравъ его. Пусть господинъ зоркими глазами наблюдаетъ за поведеніемъ слугъ и требуетъ, чтобы они изъ своихъ домовъ неслѣдно ходили въ домъ Божій и съ точностью выполняли Церковныя правила. Пусть дому-владыка самъ заведываетъ управленіемъ имуществъ своего, и отъ плодовъ своей бережливости одну часть влагаетъ въ сокровищницу св. Церкви, другую издерживаетъ на вспоможеніе бѣднымъ, дабы третья, остающаяся дома, была сохранна подъ ириномъ благословенія Божія. Такія дѣла, конечно, не заставятъ говорить о себѣ, не произведутъ въ городѣ шума: но онѣ извѣстны и пріятны Тому, чье благоволеніе несравненно превосходитъ похвалъ цѣлаго свѣта. Славлюбивые дѣлатели въ вертоградѣ Господнемъ уже въ самой славѣ, провозглашающей между людьми дѣланія ихъ, *воспріимлютъ* временную мзду свою (Мат. 6; 2): но тому, кто молится, заперши въ клѣти своей, — кто, творя милостыню, не трубитъ передъ собою, обѣщано воздаяніе вѣчное (Мат. 6, 2-6.). И вотъ, Сл., третій несомнѣнный знакъ истиннаго благочестія — скромность!

Остается сказать еще объ одномъ, отличающемъ истинныхъ поклонниковъ І. Христа отъ лжеименныхъ: подъ снмъ разумью я постоянство. Самые страстные обожатели міра перѣдко оставляютъ свой идолъ и являютъ въ святилищѣ Бога истиннаго. На примѣръ, смерть близкаго родственника налагаетъ на кого нибудь трауръ: въ сіе время степенность, уединеніе и молитва вмѣняются самымъ міромъ въ непремѣнный долгъ осиротѣвшихъ особъ; что сказали бы о женѣ, о дочери, когда бы онѣ, спустя нѣсколько дней одна по смерти мужа, другая по смерти отца, явились на какомъ нибудь пиру или на зрѣлищѣ? Въ печальномъ положеніи ихъ приличіе посѣщать церковь, нежели мѣста свѣтскихъ собраній; черная одежда, носимая ими, возбрапаетъ участіе въ удовольствіяхъ; она вмѣсто того требуетъ набожныхъ занятій съ благими дѣлами: и вотъ, покорные общему мнѣнію, воздаютъ они Господу то, въ чемъ отказать Ему не позволяетъ самъ свѣтъ. Но надолго ли это? Уже съ первыхъ дней печали сердце ихъ начинаетъ томиться въ оковахъ приличія, и съ отложеніемъ траура бросается ими самая набожность. У другихъ благочестіе бываетъ ограничено извѣстными днями въ году, и даже извѣстными часами во дни. Торжественный праздникъ пробуждаетъ благочестивое чувство; совѣстно предаваться тогда мірскимъ удовольствіямъ; начинаютъ молиться Богу: но, увы! съ концемъ праздника оканчивается и все благочестіе.

Немедленно все, какъ бы разстроенное нечаяннымъ случаемъ, приходитъ въ прежній порядокъ. Прогулки, обѣды, вечера возобновляются на другой день послѣ Святаго Причастія. Обѣтъ исправленія, данный на Исповѣди, уже позабытъ. Опять пускаются въ роскошь, подвергаютъ свое спасеніе тѣмъ же самымъ опасностямъ, посѣщаютъ, какъ прежде, дома веселія, возвращаются на мѣста зрѣлищныхъ игръ, откуда удалялись на время. И вотъ благочестіе великаго числа людей, которые слывуть Христіанами въ свѣтѣ потому единственно, что изрѣдка на нѣсколько времени прерываютъ свои мірскія забавы, какъ будто довольно для Господа Бога, если мы будемъ любить и почитать Его только тогда, когда намъ захочется или удастся! Иѣтъ, Сл., Тотъ, Кто обѣщался пребыть съ учениками своими *во вся дни до скончанія вѣка*, требуетъ, конечно, чтобы и они съ своей стороны не оставляли Его ни на часъ. Начинать и оканчивать каждый день молитвенною бесѣдою съ Господомъ, — вкушать пищу, приниматься за дѣла, выходить на службу общественную не иначе, какъ испросивъ благословеніе Божіе, — обращать всякое произшествіе, всякой случай жизни въ предметъ благодарнаго, просительнаго или хвалебнаго гимна Всевышнему, — во время занятій по должности, въ хозяйственныхъ и семейныхъ заботахъ ожидать успѣха единственно отъ помощи благодатной, — бесѣду

вести назидательную, посвященія дѣлать съ благотворною цѣлію, обхожденіе имѣть съ одними людьми благоправными, избѣгать всячески соблазнительныхъ удовольствій и самыми невинными наслаждаться умеренно, — однимъ словомъ, такъ настривать умъ, волю и сердце свое, чтобы наконецъ забвеніе о Богѣ, отступленіе отъ правилъ св. Церкви сдѣлалось для человека нравственно — невозможнымъ: вотъ непремѣнное свойство истинныхъ Христовыхъ послѣдователей!

И такъ четыре свойства: искренность, дѣятельность, скромность и постоянство составляютъ какъ бы четыре драгоценныхъ камня въ вѣнцѣ Христіанскаго благочестія. Украшенъ ли кто изъ васъ, Сл., вѣнцемъ снмъ? да исходитъ во срѣщеніе Господа съ полною увѣренностью въ Его благовоительномъ взглядѣ. Имѣетъ ли кто голову обнаженную, или въ вѣнцѣ съ камнями искусственными, малоцѣнными? Да потщится пріобрѣсть истинное, угодное Господу украшеніе. Ибо время, данное людямъ для подвиговъ благочестія, еще не прошло. Господь нашъ І. Христосъ и нынѣ пришелъ къ намъ еще не дѣйствительно, какъ ожидаемый Судія живыхъ и умершихъ, но воспоминаемо, какъ Искунитель, послѣ трехлѣтняго, чудесами ознаменованнаго ученія своего, грядущій пострадать и умереть на крестѣ за грѣхи всего человечества. Предстоящая седмица для того и установлена св. Церковію, чтобы воспоминаемъ о страстяхъ Гос-

подинхъ внушить намъ чувствованія и склонить насъ къ дѣяніямъ петинной святости. Не будемъ же праздными зрителями печальныхъ обрядовъ, имѣющихъ вскорѣ совершиться предъ нами: но пройдемъ предлагацій намъ крестный путь, слѣдуя по стопамъ Божественнаго Страдальца. Ночь на канунъ страданій, когда Онъ уединился въ садъ Геосиманскій для бесѣды съ Отцемъ своимъ, да научитъ насъ скромному служенію въ вертоградъ Господнемъ. При видѣ Его молитвеннаго подвига, при воззрѣніи на лице Его, покрытое каплями кроваваго пота, воспламенимъ сердца свои святою ревностію по вѣрк. Умиленные свидѣтели того, съ какимъ терпѣніемъ переноситъ Онъ оскорбленія, удары, насмѣшки отъ Іудеевъ, простимъ обидящихъ насъ, примиримся съ своими врагами, простремъ руку помощи тѣмъ, которые нѣкогда умышляли нашу погибель. Стоя при подножій креста, на которомъ Онъ запечатлѣлъ любовь свою къ людямъ позорною смертію, поклянемся быть вѣрными слугами Божиими до конца нашей жизни. Наконецъ, когда бездыханное тѣло Господа будетъ полагаться во гробъ, похоронимъ въ то же время грѣхи и страсти свои, противные благочестію, чтобы потомъ вкусить радость духовной жизни въ приближающійся день Его свѣтлаго Воскресенія. Аминь.

С Л О В О

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

*Что сіе, о сынове и дщери Православныя Церкви? Что ви-
дѣли мы? Что дѣлаемъ?*

Не успѣли отереть слезъ послѣ вчерашняго сѣ-
тованія при воспоминаніи крестныхъ страданій Іисуса
Христа, какъ св. Церковь матернимъ гласомъ призы-
ваетъ насъ уже къ новому плачу, собравши днесь на
гробъ Божественнаго Страдальца. Къ новому, во ис-
тинну, горькому плачу, Слуш! Ибо можно ли, взирая
на лежащаго во гробъ Іисуса, на главу Его, терно-
вымъ вѣищемъ пязьвленную, на руки и ноги Его, про-
язвенныя гвоздьми, на ребро Его, копіемъ прободенное,
на все тѣло окровавленное и глубокими ранами покры-

тое, можно ли кому изъ Христіанъ чувствительныхъ, при такомъ трогательномъ, умилительномъ зрѣлищѣ, скрѣпить свое сердце и воздержать себя отъ слезъ и рыданій? Увы намъ! Иисусе нашъ! въ какомъ жалостномъ состояніи мы Тебя, Господа своего, видимъ! Увы намъ! на что мы еще живы, когда Царь жизни въ мертвыхъ вмѣняется и свѣтъ очей нашихъ сокрывается во гробъ? Ахъ! кто дастъ намъ смерть вмѣсто Тебе, Иисусе? Пресладкій нашъ Иисусе! О міръ, міръ неблагодарный! Это ли почестъ отъ тебя Творцу твоему? Это ли благодарность за все Его неизреченныя къ тебѣ благодѣянія?...

Но куда завела насъ печаль, Сл.? Предавшись первымъ ея движеніямъ, мы забыли, что Господь нашъ умирая завѣщалъ не плакать по Немъ: *не плачите о мнѣ*, говорилъ Онъ, исходя изъ Іерусалима на Голгофу, нѣкоторымъ женамъ, которыя, шедши позади Его, плакали и рыдали, — «Не плачите о мнѣ!» — вызываетъ Онъ и теперь изъ гроба къ намъ, стоящимъ окрестъ и сѣтующимъ, — сими страданіями и смертію, кои вы оплакиваете, совершилась тайна вашего искупленія; грѣхъ первородный со всеми его гибельными слѣдствіями упраздненъ; правосудіе Божіе удовлетворено; врата въ рай наки отворены; грядите туда, вѣрные Мои, путемъ проложеннымъ Мною.» — Какой вдругъ свѣтъ возникаетъ при семъ изъ мрачныхъ нѣдръ гроба Иисусова! Какой отрадный бальзамъ проливается въ

скорбную душу! Уже мы не зримъ около себя плачевныхъ знаковъ торжествующей смерти. Все принимаетъ другой видъ. И сіе бездыханное тѣло Іисуса представляется намъ чистѣйшею жертвою всемірнаго искупленія; сіи глубокія язвы, на немъ зримыя — источниками исцѣленія нашего; сія кровь, истекшая изъ ранъ — небесною влагою, смывающею скверну грѣховъ и наполяющею сердца въ силу и возрастъ добродѣтелей; и самый, наконецъ, гробъ сей, только болѣзненный и страшный для чувствъ плоти, представляется уже не иначе, какъ достойнымъ гробомъ заблужденій, страстей, пороковъ, порабоцавшихъ человѣчество, и свѣтлою колыбелію духовнаго возрожденія. О радость, возникающая намъ изъ нѣдръ самой печали! О чудное торжество вѣры, совершающееся подъ видимыми знаками надгробнаго сѣтованія! Теперь-то, Господи, начинаемъ уже мы разгадывать смыслъ таинственныхъ словъ, произнесенныхъ Тобою на послѣдней вечерѣ съ учениками: *больше сѣя любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Любовь предала тебя въ руки злодѣевъ, любовь подвергла заплеванію, заушенію и ранамъ, любовь осудила на смерть, любовь пригвоздила ко кресту; и каждая язва, отверстая на твоемъ тѣлѣ, каждая капля пролитой Тобою крови, каждый вздохъ, вылетѣвшій изъ Твоей груди, каждое смертное трепетаніе членовъ твоихъ, свидѣтельствовали о единой любви; и солнце отъ

начала міра не зрѣло, и вовѣки не узрѣть на землѣ другого столь поразительнаго зрѣлища любви, жертвующей всѣмъ для спасенія своихъ возлюбленныхъ. Подлинно, Господи, *больше селъ любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.*

Что же теперь други Твои, или, справедливые, грѣшники, коихъ Ты сямъ именемъ удостоиваешь по одной милости,—что они теперь сотворятъ, сошедши на гробъ сей, свидѣтельствующій о безпредѣльной Твоей любви къ человѣческому роду? Чѣмъ засвидѣствуютъ признательность свою къ великой жертвѣ, которую Ты принесъ для спасенія ихъ на крестѣ? За жертву, платятъ обыкновенно жертвою; и за любовь пѣтъ лучшаго воздаянія кромѣ любви. И такъ, Сл., вотъ что сотворимъ: каждый изъ насъ, подходя къ сему изображенію умершаго Господа, для обыкновеннаго цѣлованія рукъ и ногъ Его, пусть принесетъ въ жертву Ему,—свободное, рѣшительное отреченіе отъ любимыхъ своихъ страстей или привычекъ, противныхъ закону Христіанскому. Если, напримѣръ, въ комъ преобладаетъ неутолимая жажда мірскихъ наслажденій или ненавистная аличность временныхъ корыстей: тотъ приди ко гробу и воззрѣвъ на обнаженное, окровавленное тѣло Іисуса, скажи со вздохомъ: «Господи! Ты весь въ язвахъ, весь въ болячкахъ, весь въ мукахъ за меня грѣшника: и мнѣ ли предаваться нѣгѣ? Мнѣ ли утопать въ роскоши? От-

«ныиъ оставлю беззаконныя утѣхи, суетныя пріобрѣтенія.» — Если кого надмѣваетъ гордость и высокомеріе, тотъ пусть падетъ ницъ предъ гробомъ Господнимъ, и ударяя въ перси свои скажетъ: «Господи! Ты, будучи истиный Богъ, до того уничижилъ себя ради спасенія насъ грѣшныхъ, что принялъ на себя образъ человека-раба, послушнаго до смерти и смерти крестной: а я червь, прахъ смѣю превозносить? смѣю почитать себя великимъ? Вотъ, идолю гордыни моеи сокрушаю у гроба Твоего.» — Если кто питаетъ въ себѣ вражду, ненависть или мщеніе противу ближняго: такой, припавши во гробъ сей, да зрѣть въ немъ кроткаго, незлобиваго, безгласнаго Агнца, да представить себѣ, какъ Онъ на крестѣ молился за враговъ своихъ и скажетъ растроганный тѣмъ до слезъ: «Божественной Другъ человѣковъ! я слѣдую Твоему примѣру, и сего же дня примиряюсь съ моимъ врагомъ.» — Если кто, впадши въ несчастіе или въ глубокую горестъ, считаетъ свою долю непосною, и самую жизнь наказаніемъ: такой подошедши да перечтетъ, если можно, всѣ раны Спасителя, да извѣстѣ безмѣрную тяжесть внутреннихъ Его скорбей, и скажетъ отъ сердечнаго умиленія: «Великій Страдалецъ! когда ты ненилъ за меня полную чащу золь и болѣзней, то мнѣ грѣшно уже отрекаться отъ единой капли оныхъ. Отнынѣ не буду роптать, унывать, отчаяваться!» — Такимъ образомъ долженъ по-

ступать всякой изъ насъ, приближившись ко гробу Господню; всякой долженъ привести къ нему свою собственную жертву, свое собственное отреченіе.

Ахъ, Сл., если бы такъ чаще приходили мы ко гробу сему, не вышнимъ, разумью, и единовременнымъ поклоненіемъ, но прилежнымъ размышленіемъ о страстяхъ Господнихъ и живымъ сострастіемъ въ нихъ; еслибы, на мѣсто суетныхъ удовольствій, вводящихъ въ погибель, гробъ Іисуса, подобно тому, какъ стоитъ онъ теперь здѣсь, стоялъ во внутреннемъ храмѣ нашего сердца, со всеми приличными погребенію обрядами: тогда это сердце дѣйствительно походило бы на храмъ; не было бы въ немъ мѣста страстямъ низкимъ и помышленіямъ лукавымъ, которыя гнѣздятся тамъ; и жизнь скорбящихъ о Христѣ странниковъ земли, была бы въ всѣхъ отношеніяхъ приготовленіемъ къ блаженной вѣчности. Но что дѣлать, когда уже мірскія дѣла, заботы, развлеченія, удовольствія не позволяютъ намъ имѣть повседневной тайной бесѣды съ умершимъ Іисусомъ, когда въ суетахъ мы не находимъ времени даже вздохнуть въ воспоминаніе Того, Кто за насъ душу свою положилъ. Будемъ, Христіане, будемъ чувствительны, по крайней мѣрѣ, въ настоящія минуты Церковнаго плача. Ничто не раздѣляетъ насъ теперь съ Іисусомъ. Вотъ Онъ предъ нами возлежитъ на одрѣ погребальномъ. Вотъ Онъ призываетъ насъ къ себѣ не языкомъ уже,

по бездыханнымъ тѣломъ своимъ, не слезами, но своими кровавыми язвами. Не умедлимъ болѣе, пойдемъ, повергнемся къ Его подножію со слезами, и скажемъ, соединивъ свой гласъ со гласомъ матери нашей св. Церкви: «О Ты, пострадавый, распныйся и погребыйся за ны, Христе Боже! Пріими въ жертву благопріятную сіе поклоненіе наше, совершаемое страстемъ Твоимъ; и сподоби насъ вскорѣ узрѣть и славное Твое Воскресеніе. Аминь.

С Л О В О

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Предлежащее очамъ нашимъ зрѣлище, Сл., — зрѣлище Іисуса Христа бездыханнаго, изъязвленнаго, поруганнаго — возбуждаетъ въ самыхъ холодныхъ зрителяхъ онаго скорбное чувство; а сердца пѣжныя, души чувствительныя располагаютъ къ слезамъ и рыданіямъ. И какъ удержаться отъ нихъ, когда, видя столь печальный обрядъ, слыша плачевныя пѣсни, воспѣваемыя Церковію, кажется, будто стоишь на Голгоѣ въ тотъ уминительный часъ, когда тѣло Божественнаго Страдальца, руками усердія снятое со креста, но еще

не заключенное во гробъ, лежало простертое долу, смывая кровію съ земли ея грѣховныя скверны, и своими отверстыми язвами вопія къ небу, не о казни ожесточенныхъ убійць, о помилованіи заблуждающихъ грѣшниковъ! Чье сердце не содрогнется отъ сихъ трогательныхъ представлений? У кого такая желѣзная грудь, что бы изъ нея, при настоящемъ печальномъ случаѣ, не вылетѣлъ хотя одинъ вздохъ сожалѣнія?

Такъ, Слуш., справедлива печаль, которую вы теперь ощущаете въ сердцахъ и обнаруживаете яспо на лицахъ своихъ. Но если предметъ печали вашей служить единственно смерть Іисуса Христа, если только сей блѣдный ликъ, сіи глубокія язвы, сія кровь зримая вами на тѣлѣ Спасителя, возбуждаютъ въ васъ обыкновенную и веѣмъ людямъ сродную жалость: то все еще не въ томъ расположеніи духа находитесь, въ какомъ теперь находиться вамъ должно. Отъ смертнаго одра, на которомъ почіетъ Божественный Страдалецъ, вы должны обратить взоръ вашъ на самихъ себя, на болѣзненное, если уже не мертвенное, состояніе души своей, дабы въ ономъ найти новыи предметъ основательнѣйшей печали. Ибо смерть Іисуса Христа, будучи цѣною нашего искупленія, залогомъ нашего будущаго блаженства, только снаружи плачевною представляется; а въ самомъ своемъ существѣ заключаетъ болѣе причинъ къ радости, нежели къ печали. И умершій Господь, негодуя на слезы, проливаемыя о

Его, будто невольной и злополучной, кончинѣ, можетъ сказать намъ, также какъ некогда сказалъ Онъ Иерусалимскимъ дочерямъ, со слезами провожавшимъ Его на Голгофу: «что вы плачете обо Мнѣ, сыны и дочери Православныя Церкви? Не Я достоинъ вашихъ слезъ, вашего сожалѣнія; плачьте вы лучше о себѣ и о грѣхахъ, тяжкихъ грѣхахъ, вами противъ Меня учиненныхъ?»

И такъ вотъ что должно занять насъ, Слущ., въ пастоящія минуты Церковнаго сътованія: и справедли-во, когда добрыя, но виновныя, дѣти приходятъ пла-кать на могилу отца своего, въ то время ихъ огорчать не столько самая потеря его, уже невозвратимая, сколько то, что они не исполнили его священной во-ли, забыли совѣтъ и наставленія, слышанныя ими изъ устъ умирающаго ихъ родителя. Подобно сему и мы, сошедши къ смертному одру Иисуса Христа, при-обрѣтшаго намъ своими страданіями вѣчную жизнь, воздохнемъ изъ глубины сердца и восплачемъ о сво-ихъ дѣлахъ, которыми нарушается святая воля Госпо-дня.

Иисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ не имѣть при-вязанности къ благамъ земнымъ, а стараться болѣе всего о пріобрѣтеніи царства небеснаго. *Не пецѣте-ся душою вашею, говорилъ Онъ, что ясте или что піете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесь; но ищите прежде всего царствія Божія и правды его.*

(Мат. 6, 25-33). Что же мы, принявшіе заповѣдь сію, съ клятвеннымъ обязательствомъ исполнить ее непремѣнно? Устремлено ли всегда сердце наше горѣ? Порывается ли оно ежедневно, подобно птицѣ, лишенной свободы, изъ своего грустнаго заключенія, чтобы летѣть отселѣ подъ кровъ небснаго жилища и тамо почитать отъ трудовъ и безпокойствъ временной жизни? Или прельщаяся златомъ, и ослѣпляясь почестями, утопая въ чувственныхъ удовольствіяхъ, оно уже такъ привыкло къ темницѣ своей, что и освободиться изъ нея не желаетъ? Ахъ, Слуш., какъ послѣднее, къ стыду нашему, вѣрно! Безсмертный духъ нашъ, вмѣстѣ съ тѣломъ — узникомъ своимъ, какъ будто приросъ, или пѣкою огромною тяжестью придавленъ къ землѣ. Рабъ плоти, невольникъ страстей, онъ угодаетъ ихъ прихотливымъ желаніямъ, повинуется каждому ихъ маговенію. Мы не жалѣемъ трудовъ своихъ, тратимъ послѣднія силы на то, чтобы создать себѣ въ семъ мірѣ твердую хранилищу счастія. Каждый день у насъ начинается и оканчивается заботами о снисканіи и сохраненіи тѣхъ сокровищъ. А о сокровищѣ нетѣльномъ, о вѣчномъ блаженствѣ за предѣлами гроба помышляемъ мы рѣдко, и помышляемъ съ такою холодностію, какъ будто бы сомнѣвались въ дѣйствительномъ онаго бытіи и полагали за правлю — не жертвовать извѣстнымъ, хотя и временнымъ, счастіемъ своимъ блаженству вѣчному, но еще для

насъ неизвѣстному, — неизвѣстному послѣ того, какъ Богъ устами Пророковъ и своими собственными сказалъ намъ, что мы гости, странники на землѣ, и что отечество наше на небѣ! Гдѣ же довѣренность къ Слову Божию? Гдѣ исполненіе заповѣди Господней? И вотъ первый предметъ, достойный въ сіи минуты нашего горькаго плача!

Исусъ Христосъ умирая, завѣщалъ намъ имѣть искреннюю, братскую любовь между собою. *Заповѣдь новую даю вамъ, говорилъ Онъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 34, 35). Первые ученики Его такъ точно и жили другъ съ другомъ: у нихъ, по выраженію Священнаго дѣисателя, было одно сердце и одна душа (Дѣян. 4, 32). Но въ послѣдствіи времени огонь любви, возженный Спасителемъ, началъ мало по малу между Христіанами гаснуть; наконецъ, въ наше время, онъ едва ли уже и совсемъ не погасъ. Ибо взаимныя неудовольствія, ссоры, тяжбы, вражда, ненависть воцарились надъ нами. Нѣтъ между нами изъ тысячи человекъ десяти, которые бы считали ближняго братомъ и готовы были оказать услугу всякому съ родственнымъ усердіемъ и по внушенію любви безкорыстной. Большая часть слѣдуетъ правилу: вырывать, если можно, изъ рукъ другаго сокровища, чтобы ими пользоваться самому, разо-

рять храмину чужаго счастья, чтобы на развалинахъ оной устроить собственную свою. Это ли любовь, завѣщанная намъ, вмѣсто наслѣдія, умирающимъ Господомъ? Не скажутъ ли язычники, смотря на такое поведеніе наше, что мы ничѣмъ ихъ не лучше, что у насъ, какъ и у нихъ, люди поступаютъ между собою по звѣрскому праву силы и хитрости, а не по закону великодушнаго братства? И вотъ второй предметъ, долженствующій источить теперь изъ нашихъ очей обильныя слезы.

Исусъ Христосъ, идя на судъ, на страданія, на смерть ради спасенія нашего, ни какого возмездія за сіе не требовалъ отъ насъ кромѣ вѣры. *Вѣруйте въ Бога, говорилъ Онъ, и въ Мя вѣруйте* (Іоан. 14, 1). Одна благодарность за такое самопожертвованіе, должнаствовала, кажется, родить въ людяхъ вѣру сію. Но высокоумный разумъ человѣческій, подстрѣкаемый страстями, нехотѣя противился и донынѣ сопротивляется признать ея власть надъ собою. — «Какъ отказаться отъ правъ пытливаго мышленія, хотя бы о непостижимой сущности Божества и о свойствахъ будущей жизни! Какъ признать за истину то, чего, при всемъ богатствѣ познаній, при всѣхъ усиліяхъ глубокомыслія и проинцательности, изъяснить не возможно! Какъ слѣдовать правиламъ нравственности, которыя противорѣчатъ общему порядку вещей, и чрезъ насиліе дѣлаемое себѣ, хотѣть исторгнуть человѣка изъ круга,

предписаннаго ему природою!»—Вотъ что возражаетъ естественный умъ на кроткія внушенія вѣры. Нѣтъ нужды теперь служителю алтаря обличать сіе заблужденіе. Обличитель, хотя и безмолвный, по тѣмъ сильнѣйшій и краснорѣчивѣйшій, находится у каждаго передъ глазами. Стоя у смертнаго возглавія Іисусова, мы ни чѣмъ не смѣемъ защищать, а можемъ только оплакивать свое маловѣріе. Ибо должно сознаться, Служ., что никто изъ насъ не имѣетъ въ себѣ Апостольской, Мученической вѣры во Іисуса Христа, что большая половина собравшихся сюда принадлежать къ числу людей храмлющихъ, въ вѣрованіи, на оба колѣна, ни теплыхъ, ни хладныхъ; что есть между нами можетъ быть, и такіе, кои или по легкомыслію смѣются надъ вещами священными, или по дерзости хулятъ имя Всевышняго, или по развращенію готовы, при случаѣ, вовсе отпасть отъ нѣдръ Православныя Церкви. Но зачѣмъ возмущать сердца ваши изображеніемъ зла, къ несчастію, такъ всѣмъ извѣстнаго и съ такою быстротою пылъ разнѣвающегося по градамъ и всѣмъ, подобно заразѣ. Лучше въ молчаніи будемъ воздыхать и молиться какъ за себя, такъ и за другихъ, оставившихъ путь благочестія. И вотъ третій основательный предметъ настоящаго сѣтованія нашего.

Вирочемъ всего, о чемъ бы надлежало теперь сѣтовать намъ, не только изобразить, даже перечислить

нельзя въ короткое время. Гордость, зависть, непослушаніе, зложелательство, лицемеріе, обманъ, клевета, вольномысліе, празднословіе, малодушіе въ горестяхъ, ропоть на Бога, отчаяніе: согласитесь, что все это между нами встрѣчается почти на каждомъ шагѣ, и какъ противное волю Спасителя, заслуживаетъ искренняго сожалѣнія нашего. Счастливы, кто, по примѣру Святыхъ мужей, плачетъ всю жизнь надъ своими грѣхами, кто цѣлый вѣкъ не снимаетъ, такъ сказать, печальнаго плаща съ души своей, потерявшей невинность. Но и одинъ день, одинъ часъ въ жизни провести съ истиннымъ сокрушеніемъ во грѣхахъ не безплодно. Ибо сей день и сей часъ вписаны будутъ златыми буквами въ книгу животную и послужатъ къ облегченію будущей участи нашей за гробомъ. И такъ потщимся, Сл., употребить настоящія, хотя и краткія минуты въ душевную пользу, соединивши свой внутренній, если уже не наружный, плачь съ плачемъ Церковнымъ.

А Ты, коего Тѣло почіетъ на смертномъ одрѣ, Духъ же возсѣдитъ на престолѣ со Отцемъ небеснымъ, Творецъ и Правитель вселенной! пріими наши слезы, проливаемыя днесъ на гробъ Твой, вмѣсто мѣры многоцѣннаго, и воздыханія наши вмѣсто воинъ благовонныхъ Аминь.

С Л О В О

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Благообразный Іосифъ снимаетъ со креста пречистое тѣло Господне, обвиваетъ его плащаницею и полагаетъ во гробъ. Что мы должны чувствовать, Христіане, предстоя сему, по истинѣ, печальному зрѣлищу? Сожалѣть ли о самомъ умершемъ Іисусѣ, подобно какъ мы обыкновенно жалѣемъ о людяхъ, становящихся добычею смерти? Это не прилично: ибо Умершій днесь — не просто человѣкъ смертный, но вмѣстѣ и Богъ вѣчный: — Скорбѣть ли о томъ, что мы послѣ Его кончины остаемся на свѣтѣ горькими сиротами? Это грѣшно:

потому что Господь для того именно и скончался, чтобы прекратить сиротство наше, возвративъ намъ въ Богъ отца, котораго мы лишились тотчасъ по грѣхопадѣніи нашихъ прародителей: — жаловаться ли на несправедливость, проклинать ли жестокосердіе Іудеевъ, которые осудили на смерть, подвергли безчестію, ранамъ и распяли на крестѣ величайшаго, или точнѣе, единственнаго изъ Праведниковъ, на землѣ когда либо жившихъ? Такъ; но мы знаемъ, что сіе самое осужденіе Его послужило къ возвращенію намъ Божіа милосердія; что сіи глубокія язвы Его суть источники нашего духовнаго исцѣленія, что сія позорная смерть Его есть жертва, искупившая намъ вѣчную жизнь. И такъ въ существѣ обряда, совершаемаго днесь св. Церковію, нѣтъ ни чего, о чемъ бы надлежало намъ, по справедливости, проливать слезы и сътовать. Но есть другая истинная тому причина и она заключается въ насъ самихъ, Слуш., всѣ мы увѣрены въ томъ, что Іисусъ Христосъ, посредствомъ страданій и смерти своей, оказалъ намъ безцѣнную, ни съ чѣмъ несравнимую милость; и долженствовали бы за сіе быть Ему благодарными, должныствовали бы свято хранить Его заповѣди, не измѣнять Ему никогда и ни въ чемъ. Но, говоря по совѣсти, чѣмъ мы платимъ Искупителю нашему за всѣ блага, нами отъ Него полученныя? Своею невѣрностью, непокорностью, неблагодарностью. Вотъ что, поистинѣ, должно возмущать и печалить

насъ въ минуты теперешняго собранія. И если св. Церковь сегодня принимаетъ на себя горестный видъ, облачается въ мрачную одежду, произноситъ плачевныя пѣсни, то не потому, чтобы она вспоминала о какомъ либо несчастіи, случившемся съ нею; а для того, чтобы въ сердцахъ нашихъ, обыкновенно, хладныхъ и безпечныхъ, пробудить, хотя на время, чувства Христіанскаго умиленія.

Невѣрность наша Іисусу Христу или отступничество отъ Него есть первый предметъ, достойный горькаго плача. Въ древнія времена отступниками назывались тѣ изъ Христіанъ, которые, по страху мученій или по другимъ побужденіямъ, отрекались отъ Іисуса Христа и приносили жертву языческимъ идоламъ. Нынѣ болѣе пѣтъ между нами сихъ идоловъ вѣнннихъ; за то есть другіе внутренніе; и кто поклоняется имъ вмѣсто Іисуса Христа, тотъ и нынѣ, по справедливости, заслуживаетъ имя отступника. Такимъ образомъ отступаютъ отъ Господа тѣ, кои, пренебрегши царствіемъ Божіимъ, имѣютъ единственную мысль и заботу о возвышеніи своихъ почестей, о увеличеніи своихъ стяжаній. Отступаютъ отъ Господа тѣ, кои, переставши думать о блаженствѣ небесномъ, всею душею предаются мірскимъ наслажденіямъ, и не знаютъ для себя другаго правила, кромѣ того, чтобы какимъ нибудь, только пріятнымъ, образомъ провести или убить время, кажущееся для нихъ безконечнымъ. Отступаютъ отъ Господа

тъ, кон, свергнувъ съ себя иго Евангельской вѣры, признають надъ собою единственную власть гордаго разума; и не только въ дѣлахъ человѣческихъ, но и въ Божественныхъ отвергають, какъ ложное, все то, что превосходитъ мѣру ихъ разумѣнія. Отступаютъ, наконецъ, отъ Господа тѣ, кон, явно или тайно, провождая порочную жизнь, симъ самымъ какъ бы совершаютъ нечестивое служеніе врагамъ Его вѣчнымъ: міру, плоти и діаволу. Вотъ четыре рода отступниковъ отъ Іисуса Христа, существующихъ нынѣ! Судя по описанію ихъ, осмѣлится ли кто изъ насъ сказать о себѣ, что онъ доселѣ пребылъ вѣренъ и преданъ Іисусу Христу до такой степени, что ни какія искушенія поколебать его въ томъ не могли? Похвалится ли по крайней мѣрѣ кто тѣмъ, что у него есть горячее рвеніе служить Іисусу Христу до смерти, и что всякой разъ, когда противъ воли случалось ему отпадать отъ Него, онъ, подобно Петру, омывалъ свой проступокъ слезами? Напротивъ, не большая ли часть изъ насъ колеблется въ своей вѣрности къ Господу? Не много ли между нами людей совершенно отпавшихъ отъ Него и упорно косиьющихъ въ своемъ отпаденіи? Нѣтъ ли между нами даже и такихъ, кон, перешедши на сторону враговъ Его, сами уже ведутъ съ Нимъ дерзкую войну на словахъ, на письмѣ и на дѣлѣ? И если отступничество отъ Іисуса Христа въ наше время стало не такъ, какъ прежде, замѣтно: то не потому

ли, что оно уже сдѣлаюся нынѣ почти всеобщимъ. Оплачемъ же первую вину свою передъ Господомъ, предстоя изображенію Его бездыханнаго тѣла.

Вторая наша вина передъ Нимъ есть непокорность. Господь, умирая, завѣщалъ намъ блюсти Его заповѣди, заповѣди, для насъ же самихъ полезныя и спасительныя: мы и тутъ не хотимъ исполнять ихъ, какъ должно. Онъ запретилъ имѣть попеченіе объ излишнихъ вещахъ, питать привязанность къ временнымъ благамъ: мы, какъ царочно, занимаемся одной суетой, голяемся за призраками земнаго блаженства. Онъ училъ не превозноситься собою, а свое достоинство истинное измѣрять степенями самопрезрѣнія и самоуничиженія: мы презираемъ и уничижаемъ обыкновенно другихъ, а собой надмѣваемся, вымышляя или чрезмѣрно увеличивая свои совершенства. Онъ повелѣлъ безропотно переносить самыя тяжкія бѣдствія въ жизни: мы, напротивъ, столь нетерпѣливы, что при самыхъ легкихъ непріятностяхъ покушаемся осуждать Божественный Промыслъ.

Онъ заповѣдалъ имѣть братскую любовь ко всемъ людямъ, не исключая самихъ недоброжелателей и враговъ нашихъ: мы не только не прощаемъ обидъ, другими намъ учиненныхъ, но еще сами стараемся наносить ихъ другимъ, посредствомъ осужденія, злословія, клеветы и насмѣшки. Такимъ образомъ весь отеческій завѣтъ Іисуса Христа, заключающійся во

святомъ Евангеліи, нами пренебреженъ и разрушенъ. Но надобно же, чтобъ мы слѣдовали какимъ нибудь правиламъ въ жизни, на мѣсто тѣхъ высокихъ и благотворныхъ, которыя намъ Господь заповѣдалъ. Чему же слѣдуемъ мы? Мы слѣдуемъ внушеніямъ слѣпаго разума своего, который вводитъ насъ въ заблужденіе; слѣдуемъ прихотямъ испорченной воли своей, которая насъ губить; слѣдуемъ требованію необузданныхъ страстей своихъ, которыя насъ мучать. Жалкіе ослушники воли Божіей! Не сами ли мы себя казимъ, по примѣру безразсудныхъ дѣтей, подвергаясь вреднымъ слѣдствіямъ своей непокорности? Оплачемъ же и вторую вину свою, — непокорность, покаянаясь смертному одру, на которомъ распятый Господь почиваетъ.

Наконецъ, третія и самая тяжкая наша вина есть неблагодарность. Сколь великое благодареніе оказалъ намъ Иисусъ Христосъ своею страдабельскою кончиной, сего изобразить не только человѣческимъ, но и Ангельскимъ языкомъ не возможно. Ибо принеся Себя невиннаго въ жертву за наши грѣхи, Онъ удовлетворилъ тѣмъ закону вѣчнаго правосудія, возстановилъ издавна расторгнутый союзъ человечества съ Божествомъ, и своимъ крестомъ отперъ заключенныя для насъ дотолъ райскія двери. Теперь стоитъ только вѣровать въ Него, уповать на безконечныя заслуги Его, предаться Ему всею душою, — и вы безъ тру-

да получите то, чего прежде не могли бы получить посредствомъ самыхъ изнурительныхъ трудовъ и самыхъ напряженныхъ успій. Какова жъ должна быть за сіе съ нашей стороны Ему благодарность! Не должны ли мы, съ чувствомъ признательной любви, каждый день, каждый часъ жизни своей повергаться къ ногамъ Спасителевымъ и, подобно грѣшницѣ, получившей отъ Него прощенье во грѣхахъ, орошать ихъ своими слезами? Между тѣмъ наши расположенія къ Іисусу Христу совершенно не таковы. Мы не понимаемъ всей важности ходатайственныхъ заслугъ Его, не чувствуемъ полной цѣны Его искупительной жертвы. Многіе изъ насъ съ равнодушіемъ слышать и говорить о страданіяхъ и смерти Господней, какъ будто бы сіи предметы были для нихъ чуждые, не имѣющіе ни какого вліянія на ихъ настоящую и будущую судьбу.

Оплачемъ же, оплачемъ и сію нашу вину передъ Господомъ, лобызая Его неподвижныя, обогренныя кровію, руки и ноги.

Но что я склоняю васъ, Сл., къ настоящему плачу словами? Какъ будто самое зрѣлище, предлагающее очамъ вашимъ, не довѣсть къ возбужденію Хрістіанской печали. Посмотрите на изображенное предъ нами тѣло умершаго Богочеловѣка. Сей блѣдный, увѣчанный терніемъ ликъ Его, кажется, говоритъ предстоящимъ: «о вы, ларцающіеся именовъ

Моимъ, ученики и послѣдователи Мои? Видите, что Я претерпѣлъ, какимъ страданіямъ, какой смерти подвергся; и все это для васъ единственно, для вѣчнаго спасенія вашего. Будете ли вы послѣ сего неблагодарны ко Мнѣ? Станете ли еще огорчать Меня своей непокорностью? Захотите ли еще наносить удары Моему сердцу своимъ вѣроломствомъ?»

Ахъ, Господи! прости, прости намъ наши великія, наши ужасныя предъ тобою вины.

Мы знаемъ ихъ, чувствуемъ ихъ, желаемъ иногда даже исправиться; но по слабости естества своего, по силѣ надъ нами житейскихъ заботъ и развлеченій, не можемъ. Въ морѣ суеты влаемся мы, Господи, и въ пучинѣ грѣховъ утоаемъ. Самъ, Премилосердый, простри къ погибающимъ руку свою, да подъятые Тобою и къ Тебѣ привлеченные, спасемъ. Аминь.

С Л О В О

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христъ Іисусъ. (Филип. 2, 5).

Съ печальнымъ лицомъ стоите вы, Сл., вокругъ сего изображенія бездыханнаго тѣла Христова. Иначе стоять и нельзя; ибо тутъ вы видите чело, растерзанное терновыми иглами; видите руки и ноги, изъязвленные гвоздями; видите у самаго сердца ребро прободенное, и на всемъ тѣлѣ отъ главы до ногъ кровавыя язвы: все это невольно располагаетъ къ слезамъ, тѣмъ больше, что видится не на простомъ человѣкѣ, а на Сынѣ Божіемъ, пришедшемъ въ міръ для спасенія грѣшниковъ. Впрочемъ, сколь ни трогательно, сколь ни уми-

лительно это зрѣлище, но оно представляетъ намъ едва ли и половину того, что претерпѣлъ Иисусъ Христосъ; ибо здѣсь, на подлежащей намъ плащаницѣ, мы видимъ только разоренную храмину тѣла Его; а души, сего святилища мыслей и чувствованій, которое вмѣстѣ съ тѣломъ у него страдало, не видимъ. Что ощутили бы мы, если бы кто ввелъ насъ внутрь Его любвеобильнаго сердца, и далъ постигнуть все скорби, все муки, которыми терзалось оно во время предсмертныхъ страданій! Какою святою печалію по Божь объяты были бы тогда наши сердца! Съ какимъ сокрушеніемъ въ грѣхахъ, съ какою любовію къ ближнимъ, съ какимъ терпѣніемъ горестей и несчастій стали бы мы провождать дни временной жизни своей, заботясь только о наслѣдіи вѣчнаго живота! Вотъ почему св. Апостоль Павелъ совѣтуетъ Христіанамъ углубляться въ чувствованія страждущаго Иисуса Христа и согласовать съ ними свой собственный образъ мыслей и чувствованій, говоря: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ.*

И такъ размыслимъ теперь о томъ, что чувствовалъ Иисусъ Христосъ, молясь въ Геосиманскомъ саду, стоя предъ судилищемъ властей Іудейскихъ и пригвожденный ко кресту на Голгоѣ: такъ какъ сѣи три мѣста были свидѣтелями всего, что претерпѣлъ Онъ, для удовлетворенія за наши грѣхи небесному Правосудію.

И во первыхъ, войдемъ мысленно въ этотъ садъ, гдѣ Господь нашъ молился, готовясь на подвигъ всемірнаго искупленія. По словамъ Евангелистовъ, при входѣ сюда объялъ Его страхъ, и *начатъ ужасатися* (Мар. 14, 33). Вопрошаю св. Апостоловъ и Отцовъ Церкви: чего ужасался въ сіе время Христосъ?—Отвѣчаютъ: «яко человекъ, причастный всѣмъ немощамъ нашего естества, кромѣ грѣха, Онъ ужасался предстоявшихъ Ему страданій.» — Такъ, Сл., для человека обыкновеннаго опасеніе будущихъ золъ облегчается неизвѣстностью ихъ: можешь представить, что съ тобою или вовсе не случится несчастье, или по крайней мѣрѣ оно не столь велико, и постигнетъ тебя спустя долгое время. Иисусъ Христосъ уже напередъ совершенно зналъ все, что Ему суждено было претерпѣть отъ злобы враговъ Его. Зналъ Онъ всю лютость, всю нестерпимость грозящихъ Ему страданій, которыя вмѣщали въ себѣ болѣе, нежели сколько могло вынести все человѣчество совокупными силами. Зналъ, что этотъ океанъ мученій для него неизбѣженъ, что не позже, какъ чрезъ нѣсколько часовъ устремится онъ на Него. Словомъ, Ему казалось грядущее бѣдствіе уже настоящимъ. Уже терніе позорнаго вѣнца впзалось Ему въ чело своими острыми иглами; уже руки и ноги Его, пробитые насквозь гвоздями, подобно вѣтвямъ прилѣплялись къ крестному древу; уже глубокая язва у сердца источала послѣднія капли

жизни Его на землю: и дивно ли послѣ того, что Онъ, вступая въ садъ Гесеманскій, говорилъ ученикамъ: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти?* (Мат. 26, 38).

Но было, Сл., еще другое зло, удручавшее въ то время нашего Господа, — зло нравственное, зло, котораго виновникъ діаволъ, жертва — душа человѣческая, конецъ — ея вѣчная гибель: однимъ словомъ, это былъ грѣхъ. Безгрѣшный самъ по себѣ, Іисусъ Христосъ, изъ любви къ людямъ, принялъ на себя всю отвѣтственность за содѣянные ими грѣхи; и съ настоящей минуты, яко виновѣйшій противъ Бога, сталъ удовлетворять Его правосудію, предначиная Свою казнь сердечными страданіями. Если въ простомъ человѣкѣ, сколько нибудь некущемся о своемъ спасеніи, память содѣланнаго грѣха сопровождается скорбью: то какія муки должно было произвести въ сердце Богочеловѣка это чудовище, порожденное адомъ и вооруженное тысячею жалъ смертоносныхъ! Представленіе, съ одной стороны — низкой твари, дерзающей оскорблять, съ другой — Всевышняго Творца, оскорбляемаго злыми дѣлами; память всѣхъ беззаконій, совершенныхъ людьми отъ созданія міра, и предвѣденіе тѣхъ, которыя въ послѣдствіи будутъ совершаться ими до самаго представленія свѣта; сознаніе всей гнусности и богопротивности грѣха; страхъ вѣчныхъ мученій, определенныхъ въ наказаніе грѣшникамъ; ненависть къ діаволу, губи-

телю человеческихъ душъ; сожалѣніе о душахъ погибающихъ; горькое убѣжденіе въ невозвратимой потерѣ благоволенія Божія, въ справедливости гнѣва Верховнаго Судіи, въ неизбѣжности карательныхъ стрѣлъ, уже летящихъ съ неба на главу виновную, и безотрадное чувство виновности, которой нельзя загладить самымъ глубокимъ раскаяніемъ, вотъ чѣмъ раздиралось человеколюбивое сердце Спасителя, изволившаго, безъ всякой собственной вины, содѣлаться грѣхомъ, для нашего оправданія передъ Богомъ (2 Кор. 5, 24). Доказательствомъ сему служить троекратное поверженіе Его на лицѣ своемъ и кровавый потъ, который крупными каплями падалъ на землю. *Бысть же потъ Его яко капли крове каплющія на землю* (Лук. 22, 44).

Но что всего болѣе огорчало въ сіе время Геосиманскаго Подвижника, то это мысль, что хотя Онъ идетъ пострадать и умереть за цѣлый родъ человеческій; но множество людей, однакоже, не воспользуются плодами крестныхъ заслугъ Его. Прозрѣвая въ будущіе вѣки, видѣлъ Онъ многія племена язычниковъ, которыя состарѣются и умрутъ въ безумномъ служеніи идоламъ, не слыхавъ или не принявъ Евангельской проповѣди; видѣлъ Иудеевъ, изгнанныхъ изъ отечества, разсѣянныхъ по всему свѣту, которые, не смотря на то, скорѣе согласятся, подобно Каину, носить на челѣ печать отверженія, нежели сознаться въ винѣ своей и искать спасенія въ Томъ, Котораго

предки ихъ распяли; видѣть Христіанъ, отрожденныхъ водою Святаго Крещенія, воздоенныхъ млекою матери-Церкви Православной, которые, заразясь вольномысліемъ, предадутся разврату, поглумятся надъ писъменами Откровенія Божія, попрутъ уставы церковныя, и въ бѣснованіи невѣрія дерзнутъ изрыгать хулы на имя Того, Который за нихъ положилъ душу свою на крестъ. При видѣ толкаго множества людей, искупленныхъ цѣною дражайшей крови Его, и не смотря на сіе, имѣющихъ погибнуть на вѣки, *Отче!*-вопіетъ Онъ умоляющимъ гласомъ, - *Отче! да мило идетъ отъ Мене чаша сія* (Мат. 26, 39). «Я не отрекаюсь умереть, не жалю крови своей: но за кого хочешь Ты, чтобъ Я пролилъ ее? За идолопоклонниковъ ли? Увы! чѣмъ царства ихъ исчезнутъ въ невѣденіи спасительной истины. За моихъ ли соотчичей, чадъ Авраама? И изъ нихъ весьма немногіе возлягутъ съ праотцемъ своимъ въ царствѣ небесномъ. За Христіанъ ли? Ахъ! и въ этомъ стадѣ Моемъ предвижу Я много званыхъ, а мало избранныхъ.

«И пусть бы смерть Моя была единственно бесполезна; но она еще подастъ случай къ большому осужденію грѣшниковъ и къ вѣчному наказанію осужденныхъ. Вотъ самый жестокій ударъ Моему сердцу! Я долженъ буду нѣкогда мстить за Свою собственную кровь и произносить ужасный приговоръ

надъ тѣми, которыхъ столь нетерпѣливо желаю спасти. *Отче! да мило идетъ отъ Мене чаша сія.*»

Христіанины! внемлющій вздохамъ и стenanіямъ молящагося Искупителя, — обратись къ себѣ и размысли: не о тебѣ ли, въ числѣ многихъ другихъ, такъ скорбѣлъ и тужилъ Онъ тогда, предвидя твою въ будущей жизни злополучную участь? Не ты ли своею порочною жизнью, своимъ отчужденіемъ отъ св. Церкви и пренебреженіемъ уставовъ ея, вливалъ ядовитую желчь въ чашу страданій, которую исполнилъ Онъ до дна? Если не жаль тебѣ Господа, падающаго подъ бременемъ чуждыхъ грѣховъ; то пожалѣй ты хотя себя самаго, и оставь эту безнечность, это самодовольствіе, эту разсѣянность, которыя обнаруживаютъ крайнюю степень душевнаго поврежденія. Приличнo ли грѣшнику такое поведеніе при глубокой печали Того, который *ни единаго грѣха сотвори?* Сынъ Божій смущается при видѣ людскихъ беззаконій; а человекъ беззаконный спокоснѣ. Сынъ Божій скорбитъ; а человекъ утѣшается. Сынъ Божій распростертъ долу на лицѣ своемъ; а человекъ ходитъ съ поднятой главою. Сынъ Божій подвизается до кроваваго пота; а человекъ не выронитъ ни одной слезы, изъ являющей покаяніе. Какая предосудительная, ужасная противоположность!

Но последуемъ за Іисусомъ Христомъ изъ Геосимаіи въ Іерусалимъ, куда Онъ позволилъ при-

вести себя на судъ властей духовныхъ и свѣтскихъ, что бы подвергнуться крайнему поношенію и униженію со стороны челоуѣковъ. Сначала приводятъ Его къ первосвященнику Аннѣ, гдѣ, на вопросъ о ученіи, по мнѣнію допросителя, ложномъ, Онъ, за самый скромный отвѣтъ Свой, заушается отъ раба. Во дворѣ другого первосвященника Каіафы, надъ Нимъ, какъ надъ богохульникомъ уличеннымъ, архіерейскіе слуги ругаются цѣлую ночь: плетутъ на Него, заушаютъ Его, бьютъ Его по ланитамъ, и завязавши Ему глаза говорятъ: *пророчи намъ, Христе, кто есть ударей тѣ?* По утру связанный Онъ приводится въ преторъ и представляется Пилату, яко мятежникъ, запрещающій платить дань Кесарю и имѣющій замыслы на престоль. Царь Иродъ видитъ Его у себя, и въ насмѣшку повелѣваетъ одѣть въ бѣлую одежду, какъ челоуѣка, который пуждается съ здоровомъ разсудкѣ. На вторичномъ судѣ у Пилата, съ Нимъ сравниваютъ Варавву, извѣстнаго татя, крамольника, убійцу, и даже отдаютъ послѣднему предпочтеніе, — сколько вдругъ оскорбленій самыхъ жестокихъ! И кому же? Владыка неба и земли становится посмѣшищемъ презрѣнныхъ рабовъ. Воплощенная Благость обвиняется въ возмущеніи народной тишины. Вѣчная премудрость позорится именемъ скудоумія.

Святѣйшій святыхъ считается хуже разбойника. И вопреки столь дерзкимъ, столь наглымъ обидамъ

ни слова не говорить Подсудимый: Онъ яко глухъ не слышитъ и яко немъ не отверзаетъ устъ своихъ (Псал. 37, 14). Господи Иисусе! Что же безмолствуешь Ты, имѣя силу единымъ словомъ не только опровергнуть все вѣны, вводимыя на Тебя, но и уничтожить самыхъ обвинителей? Что такъ беззащитно терпишь несправедливыя оскорбленія? Отвѣчай, вступишь за Себя; это нужно для славы Того, который послалъ Тебя въ міръ; этого требуетъ честь ученія, которое Ты проповѣдывалъ, — польза религій, которую Ты основалъ, — доброе имя учениковъ, которыхъ Ты собралъ. Если ты равнодушенъ къ собственной славѣ, то огради хотя ихъ отъ поношенія и хулы! Но злословимый, безчестуемый Господь, вопреки убѣжденіямъ нашимъ, остается безгласенъ. Впрочемъ, самое безмолвіе Его есть выразительнѣйшій отвѣтъ Христіанамъ, принимающимъ участіе въ Его положеніи. — «Больно мнѣ, — говоритъ Онъ, — терпѣть оскорбленія со стороны Іудеевъ. Ни одинъ Царь, озлобленный своими подданными, ни одинъ отецъ, поруганный своими дѣтьми, не испыталъ того горькаго чувства, казое ощущаю Я, бесконечно превышающій ихъ и величїемъ и любовью въ отношеніи къ Моимъ оскорбителямъ. Однако же Я за тѣмъ и на землю сошелъ, чтобы, испытавъ все роды неслуженнаго униженія, воздвигнуть для потомковъ Адамовыхъ лѣствицу къ той высотѣ, съ которой

ниспалъ несчастный ихъ прародитель. Хочу извести Божество Свое до низайшихъ степеней челоуѣчества, дабы челоуѣчество, по слѣдамъ Моимъ, могло восходить до степени Божества. Хочу смиреніемъ Творца воздать за гордость твари разумной и привлечь снова благоволеніе Божіе къ людямъ, собравъ на главу Свою всѣ заслуженныя ими проклятiя. Хочу внушить каждому челоуѣку примѣромъ своимъ, да не мститъ онъ другимъ за оскорбленіе чести своей, признавая себя, яко грѣшникъ, достойнымъ безчестiя; да учится безмолвно переносить всѣ обиды, и смотря на Меня, безъ вины осужденнаго и поруганнаго, находить утѣшеніе въ самой язвительной клеветѣ.»

Слышите, слышите, что говорятъ Божественный Учитель нашъ: а мы, ученики Его, что дѣлаемъ? Не хотимъ стерпѣть отъ другихъ самаго малѣйшаго огорченiя: за одно обидное слово, часто безъ злаго умысла сказанное, готовы растерзать челоуѣка. Духъ мщенiя вторгся въ кроткое стадо Христово, и агнцовъ превращаетъ въ волковъ. Дошло до того, что стыдятся уже не мстительности, а терпѣливости; и оскорбленіе, по суду многихъ, почитается до тѣхъ поръ пятномъ лица оскорбленнаго, доколѣ не смоется кровью. Торжествуетъ злой духъ, распространяя между Христіанами столь адскія правила.

Наконецъ, со страхомъ и трепетомъ приближаемся мы, Сл., ко кресту, на которомъ виситъ распя-

тый Иисусъ, въ слѣдствіе суда беззаконнаго. Не изображаю тѣлесныхъ страданій, испытанныхъ Имъ сперва во дворѣ игемона, потомъ на Голгофѣ. Кто, кромѣ Святыхъ мучениковъ, совершенно пойметъ эту смертельную боль отъ бичей, раздирающихъ тѣло и обнажающихъ кости, — эту муку отъ тернія, котораго острыя иглы, ударяемыя тростью, пронзаютъ голову до самыхъ мозговъ, — это нестерпимое жало гвоздей, вонзающееся въ руки и ноги, — это ужасное положеніе между небомъ и землею, въ которомъ жизнь страдальца истекаетъ по каплямъ, — эту горечь смѣшаннаго съ желчію оцта, — эту предсмертную жажду, отъ которой вся внутренность жаждущаго превращается въ раскаленную печь? Правда, полезно было бы намъ, для укрощенія чувственности, изслѣдывать подробно тѣлесныя мученія, перенесенныя Спасителемъ на крестѣ: но теперь вниманіе наше обращается на другой предметъ, еще болѣе важный. — Приступая къ сотворенію человѣка, Богъ, по словамъ Писанія, держалъ совѣтъ въ тайнѣ своего троннаго единства, говоря: *сотворимъ человека* (Быт. 1, 26). На семъ основаніи позволительно предполагать подобный совѣтъ триипостаснаго Божества, приступающаго къ искупленію человѣка. — «Искупимъ человѣка!» — глаголетъ Богъ — Отецъ своему Единородному Сыну. — «Искупимъ!» — отвѣщаетъ съ готовностію Сынъ Божій. — «Но, Сыне Мой возлюбленный!» — говоритъ Вѣтхійъ день —

ми, — Твоя дражайшая кровь должна быть цѣною сего искупленія. Не оставляя плѣдра моего, спиди на землю, и, возлегши, яко агнецъ, на крестномъ жертвенникѣ, принеси Себя въ жертву за грѣхи всего чело-вѣчества.» — «Иду, Отче мой! — отвѣтствуетъ Сынъ, — облекусь плотию падшаго Адама, и каждый членъ ея, причастный грѣху, поражу смертельною болѣзнію; да сіе орудіе людскихъ преступленій, въ лицѣ Моємъ воспріиметъ казнь, равную своей виновности. Иду вытерпѣть всѣ муки геспны изъ любви къ чело-вѣкамъ. Но, Отче святыи! въ награду за крестныя заслуги Мои пощадишь ли Ты бѣдную тварь, которая дерзнула прогнѣвать Тебя?» — «Пощажу!» — отвѣщаетъ Отецъ. — «Не погубишь ли грѣшниковъ, которые, послѣ Моего пришествія въ міръ, станутъ огорчать Твою святость, не съ ожесточеннымъ упорствомъ, а по слабости поврежденнаго естества, сопровождая каждый проступокъ свой некрещенымъ покаяніемъ?» — «Не погублю!» — «Будутъ ли всѣ вѣрующіе во имя Мое, и терпѣливо несущіе крестъ свой за Мною, послѣ земнаго подвига участвовать въ той славѣ, которую Я нмѣлъ у Тебя прежде сложенія міра?» — «Будутъ!» — И вотъ исполненіе предвѣчнаго совѣта! Въ продолженіе трехъ часовъ на Голгоѣ совершается то, чего не можетъ объять цѣлая вѣчность. Богъ-Отецъ закалаетъ своего Единороднаго Сына, какъ жертву умилоствленія за грѣхи всего міра, при свидѣтельствѣ неба,

которое въ изумленіи меркнетъ, и при свидѣтельствѣ земли, которая отъ страха трепещетъ.

Трепещи и ты, лже-христіанинъ, вопреки примѣру Спасителя, лелѣющій плоть свою со страстьми и похотьми и отказывающійся, перенести ради Его, самое малое зло въ здѣшнемъ свѣтѣ. Последнее средство къ вразумленію твоему ты отвергася. Не Лазарь нищій лежитъ у вратъ твоихъ гробовъ, но Самъ Сынъ Божій, покрытый отъ главы до ногъ язвами, виситъ на крестѣ предъ тобою, чтобы тронуть твое сердце. И если оно при всемъ томъ, не чувствуетъ жалости, не полагаетъ предѣла преступнымъ угожденіямъ плоти и не хочетъ раздѣлить ни одной тѣлесной скорби съ Иисусомъ Христомъ, то ты жесточе самыхъ распинателей Его.

Такимъ то образомъ нераскаянность во грѣхахъ, мстительность и перенятіе временныхъ бѣдствій при видѣ І. Христа скорбящаго, уничиженнаго и распятаго, обнаруживаютъ въ человѣкѣ отсутствіе духа Христова. Горе сему человѣку, хотя бы онъ посылъ на себѣ имя православнаго Христіанина! Отречется отъ него на страшномъ судѣ имѣющій ключи царства небеснаго и скажетъ ему съ гнѣвомъ: «не знаю тебя!» А вы, Христолюбивыя души, скорбящія о грѣхахъ, прощающія другимъ обиды и безропотно несущія бремя временныхъ золъ! теките, украсивъ свѣтильники, во срѣщеніе своему Небесному Жениху. Вотъ, предъ вами

ликъ Его мертваго. Но скоро, въ полночи, воставъ изъ гроба, Онъ обрадуетъ васъ своимъ торжественнымъ явленіемъ въ Церкви; когда же наступитъ для васъ другая полночь, предшествующая вѣчному дню,—отверзетъ вамъ на небесахъ райскія двери. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЕДѢЛЮ СВ. АПОСТОЛА ООМЫ.

Блаженіи не видѣвшіи, и спроваживше. Іоан. 20, 29.

Сін слова Господни вы конечно замѣтили, Сл.,
внимая Евангеліе, которое сегодня читалось. Когда
св. Апостолъ Оома, не смотря на увѣреніе всѣхъ другихъ
Апостоловъ, видѣвшихъ воскреснаго Господа, сомнѣвав-
шійся цѣлые семь дней въ Его воскресеніи, наконецъ
въ осьмый день удостоился видѣть Его своими очами,
и съ чувствомъ сладкой увѣренности произнесъ: *Гос-
подь мой и Богъ мой!* тогда Воскресшій сказалъ
увѣровавшему Оомѣ: *яко видѣвъ мя, спровалъ еси;
блаженіи не видѣвшіи, и спроваживше.* Сказалъ ли это

Господь въ видѣ упрека Апостолу за то, что онъ не прежде повѣрилъ Воскресенію Его, какъ уже имѣвши личное свиданіе съ Нимъ, — или сказалъ это въ токъ соблазнованія, потому что Апостолъ, доколѣ не былъ убѣжденъ очевидностью въ истинѣ воскресенія Христова, по всей вѣрояности, тревожился и мучился объявленнымъ его сомнѣніемъ: во всякомъ случаѣ истинно то, что Господь отдастъ преимущество вѣрѣ предъ видѣніемъ или знаніемъ Апостола. *Блаженіи не видѣвшии, и сѣровавшии.*

Остановимся, Сл., на семь изреченій Господа Іисуса Христа; и хотя оно въ настоящемъ мѣстѣ относится собственно къ одному предмету, а именно къ Воскресенію Его; однако мы, для большаго назиданія нашего, рассмотримъ: не лучше ли, не благодѣтельнѣе ли знанія вѣра и вообще, а именно: въ отношеніи къ мудрости, къ добродѣтельной жизни и къ счастью человека.

II во первыхъ, что наиболѣе дѣлаетъ человека мудрымъ? Я разумно здѣсь не мірекую мудрость, ограниченную знаніемъ того, что относится къ землѣ и падаетъ на тѣлесныя чувства; но мудрость Христіанскую, которая воскрываетъ умъ человека къ небу и знакомитъ его съ предметами высшаго, духовнаго міра. Потому что сія только мудрость, по ученію Слова Божія, есть истинная, ведущая людей ко спасенію; всякая другая, если и имѣетъ какую цѣну, то развѣ въ отношеніи къ выгодамъ здѣшней временной

жизни (1 Кор. 11, 6-7). И такъ спрашиваю: что наиболѣе содѣйствуетъ человѣку въ пріобрѣтеніи истинной, душеспасительной мудрости — знаніе или вѣра? Что легче раскрываетъ и глубже напечатлѣваетъ въ умъ его сіи высокія истины, что есть Богъ — Творецъ, Промыслитель и Искупитель міра; что душа человѣческая безсмертна; что по ту страну гроба начинается для людей другая, совершенно новая жизнь, въ которой они воспріемлютъ за дѣла свои или вѣчную награду или вѣчное наказаніе? Должно согласиться, что предметы, о которыхъ мы упомянули теперь, совершенно недоступны для обыкновеннаго разумѣнія человѣка. Въ настоящемъ поврежденномъ состояніи своемъ, онъ не имѣетъ ока, чтобы видѣть ихъ такимъ же образомъ, какъ обыкновенно видитъ предметы земные. Око сіе, потемненное у него грѣхомъ первороднымъ, еще болѣе затмѣвается отъ его собственныхъ произвольныхъ грѣховъ: и если были люди, кои недостатокъ духовнаго зрѣнія, въ семъ случаѣ, пытались замѣнить своею догадливостью; то всѣ ихъ умышленія о Богѣ, о душѣ и будущей жизни оказались не болѣе основательны, какъ грезы спящаго или бредъ больного. Правда, что каждый изъ сихъ, такъ называвшихся, мудрецовъ имѣлъ многихъ послѣдователей ученія своего; но оно не только никого не убѣждало въ истинѣ, а напротивъ, подавало поводъ еще къ большимъ въ разсужденіи ея сомнѣніямъ, прпво-

дню пылливый разумъ учениковъ въ совершенное замѣшательство, такъ что сами учителя ихъ, послѣ долговременныхъ, но тщетныхъ усилій, постигнуть духовный міръ, наконецъ или бросали свое предпріятіе, какъ неудобносполнимое, или умирали съ отчаянія, дѣлавшись жалкою жервою неумѣстнаго любопытства.

Если же такъ безуспѣшны покушенія человѣческаго ума проникнуть въ небесныя тайны: то что остается дѣлать человѣку, желающему получить здравыя понятія о Богѣ, о душѣ своей и о вѣчности? Вѣровать, Сл., съ младенческимъ простодушіемъ принимать за истину то, что сказано о сихъ предметахъ въ Божественномъ Откровеніи. Одна вѣра убѣждаетъ человѣка въ истинахъ, относящихся къ духовному міру. Ибо вѣрующій разсуждаетъ самъ съ собой такимъ образомъ: «я не могу доказать справедливости ученія о предметахъ сверхъчувственныхъ, предлагаемаго мнѣ въ Слово Божіе, это правда: но я знаю то, что Изрекшій Слово сіе, съ одной стороны, столько премудръ, что не можетъ обмануться Самъ въ разсужденіяхъ предметовъ; съ другой, столько святъ, что не захочетъ вводить меня даже въ малѣйшее касательно ихъ заблужденіе; этого для меня довольно, чтобы ни сколько не сомнѣваться въ истинѣ Его ученія о небесномъ; и хотя я вполне не понимаю сего ученія, однако столько убѣжденъ въ немъ, что готовъ за исповѣданіе его умереть.»—Не правда ли, Сл., что

такое твердое убѣжденіе въ истинѣ, хотя она и не утверждается ни на какихъ доказательствахъ, во сто кратъ лучше той безпокойной мнительности, которая сопровождаетъ ученаго изслѣдователя небесныхъ тайнъ? Впрочемъ вѣрующій, при всемъ незнаніи доказательствъ на истинны имъ принимаемая, не можетъ быть сочтенъ легковѣрнымъ: онъ имѣетъ на своей сторонѣ такой способъ удостовѣренія, который несравненно превосходитъ всѣхъ способовъ, употребляемыхъ для сего ученостью; онъ имѣетъ на своей сторонѣ духовный опытъ. Ибо по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ и укрѣпляется въ немъ вѣра, Духъ Святой, по свидѣтельству Писанія, болѣе и болѣе очищаетъ и просвѣтляетъ духовныя очи его, такъ что наконецъ онъ, еще находясь въ грубой одеждѣ плоти, удостоивается, по временамъ, какъ бы приподниматься отъ земли къ небу и видѣть тамъ, сколько позволяетъ ограниченность взора его, неизглагозанныя тайны Царствія Божія. Разительный примѣръ сего тайновидѣнія мы усматриваемъ въ св. первомученикѣ Стефанѣ, который, за нѣсколько минутъ до смерти своей, видѣлъ отверстыя небеса и Иисуса столцаго одесную Бога (Дѣян. 7, 56). Св. Апостолъ Павелъ также рассказываетъ о себѣ, что онъ нѣкогда восхищенъ былъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченныя глаголы, которыхъ невозможно передать человѣку (2 Кор. 12, 4). Св. Евангелисту Іоанну дано было од-

нажды такъ близко разсмотрѣть состояніе Церкви торжествующей на небѣ, и такъ ясно предвидѣть будущую судьбу Церкви воинствующей на землѣ, что онъ со всѣми подробностями изобразилъ то и другое въ особой священной книгѣ, (Апок. 1, 10 и далѣе). Подобно сему весьма многіе изъ Мучениковъ, Исповѣдниковъ и другихъ непоколебимыхъ въ вѣрѣ мужей, сподоблялися еще на землѣ непосредственно созерцать славу Божию: кто изъ нихъ бесѣдовалъ съ Ангеломъ; кто видѣлъ Божию Матерь, горѣ молящуюся за Христіанъ; кто зрѣлъ души усопшихъ людей, когда онѣ, по разлученіи съ тѣломъ, еще проходятъ до назначеннаго имъ мѣста путемъ различныхъ мытарствъ, или уже, послѣ частнаго надъ ними суда, обрѣтаются на своихъ мѣстахъ, — которая въ свѣтлѣ, которая въ мрачномъ, — ожидала суда общаго и рѣшительнаго. И есть ли, не знаю, изъ праведныхъ скончавшихся въ вѣрѣ, такой, который бы въ продолженіе жизни своей, не имѣлъ утѣшенія хотя разъ взглянуть на тотъ, существующій въ пространствѣ и времени, свѣтъ, куда столько хотѣлось ему переселиться отъ здѣшняго стихійнаго міра. Такимъ образомъ то, что для знаменитѣйшихъ мудрецовъ вѣка сего составляетъ неразрѣшимый вопросъ, при содѣйствіи Благодати Божіей, удобно постигается простыми людьми, просвѣщенными вѣрою. *Исповѣдаются, Отъ небесе и земли*, сказалъ Іисусъ Христосъ,

лко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. (Лук. 10, 21).

Показавши, что вѣра умудряетъ человѣка гораздо болѣе всякаго знанія, мы теперь перейдемъ, Сл., къ второй части нашей бесѣды и постараемся объяснить, что и добродѣтельнымъ становится человѣкъ единственно отъ вѣры, а не отъ знанія самаго глубокаго и основательнаго. По мнѣнію очень многихъ правонаблюдателей, все пороки заражающіе человѣческое общество, происходятъ отъ невѣжества людей порочныхъ. Научите, говорятъ они, самаго закоренѣлаго злодѣя понимать все достоинство добродѣтели, дайте ему выразумѣть, почувствовать всю гнусность порока, — и вы увидите, что изъ этаго самаго злодѣя со временемъ выйдетъ добродѣтельнымъ и самый человѣкъ. Заключение по видимому справедливое; но оно съ опытомъ не согласно. Значительная часть порочныхъ людей имѣетъ отягченную образованность. Да и между необразованными людьми нѣтъ ни одного, столь безмышленнаго, который не умѣлъ бы различить доброе отъ худаго. Самый закоренѣлый злодѣй, уже по вѣншнюю своей разумной природы, стыдится сколько нибудь порока и чувствуетъ невольное уваженіе къ добродѣтели. Слѣдственно, для того, чтобы изъ порочнаго сдѣлаться добродѣтельнымъ, не довольно знать, что хорошо и что худо, даже не до-

вольно уважать первое и гнушаться послѣдняго. Для сего нужна еще сила воли, приводящая въ исполненіе то, что одобряютъ разумъ и сердце; для сего нужна такая сила, которая бы во всякое время: и отражала нападенія, чинимыя на человѣка злымъ духомъ, и расторгала съѣти соблазна, коими опутать его старается міръ, и, наконецъ, укрощала ярость домашнихъ и всегдашнихъ враговъ его, страстей. Знаніе, сколько ни будь оно совершенно, сообщить таковой силы человѣку не можетъ. Просвѣщенный грѣшникъ очень хорошо понимаетъ грѣховность своего поведенія, даже иногда имѣетъ желаніе не творить болѣе грѣха; однакожь творить его; потому что не въ состояніи преодолѣть тѣхъ непріязненныхъ силъ, которыя ко грѣху его увлекаютъ. Столь жалкое положеніе грѣшника, коему просвѣщенный умъ служить единственно для того, чтобы озарять все глубины его развращенія, превосходно изобразилъ св. Ап. Павелъ, поставя самаго себя въ сіе положеніе. *Соуслаждаюся, говоритъ онъ, закону Божию по внутреннему желанію: вижу же или законъ со устъ моихъ, противоболотоющъ закону ума моего, и пачающъ мя законами грѣховными, сущими во удѣлахъ моихъ. Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе, не обрѣтаю: не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю* (Рим. 7, 18-19-25). И потомъ какъ бы самъ въ себѣ не-

пытывая столь тяжкую внутреннюю борьбу, оканчивающуюся всегда побѣдою плоти надъ духомъ, восклицаетъ: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* (Рим. 7, 24).

Здѣсь, при видѣ грѣховной бездны, поглощающей человечество, и не зная ни какихъ средствъ, могущихъ оттолкъ извлечь его, языческій мудрецъ пришелъ бы въ отчаяніе; но проповѣдникъ Евангелія, знающій вѣрное средство противъ грѣха, ободряется, и съ чувствомъ человека утопавшаго въ волнахъ, котораго спасаютъ отъ смерти, восклицаетъ: *благодарю Бога моего Іисуса Христа Господи нашего милости.* (Рим. 7, 25). Сл., одна вѣра въ Іисуса Христа, одно безпрекословное повиновеніе заповѣдамъ Его, способно произвести то, что врожденная, закоренѣлая, господствующая въ душѣ склонность къ грѣху, наконецъ уступастъ влеченію къ святости; и человекъ, прежде своими пороками низводившій себя до степени животныхъ, вдругъ поднимается на степенъ духовнаго совершенства, равняющую его небожителямъ. Примѣры столь чуднаго перерожденія людей посредствомъ вѣры безчисленны въ исторіи вѣры; но для краткости мы представимъ здѣсь только немногіе изъ нихъ, самыя извѣстнѣйшіе. Вспомнимъ о Закхѣ сребролюбомъ, который, принявъ Спасителя въ домъ свой, конечно уже съ вѣрою, тотчасъ вызвался раздать половину своего имущества бѣднымъ и каждому изъ

обниженныхъ имъ заплатить четверницею. Приведемъ на память блудную жену, которая, по винушенію вѣры, повергшись предъ Іисусомъ Христомъ, съ раскрытіемъ о грѣхахъ своихъ, столь жаркую показала къ Нему любовь, что омывала ноги Его слезами, отирала ихъ волосами своими и лобызала. Укажемъ на вѣсѣннаго съ Господомъ на крестѣ разбойника, который, не усомнясь въ одномъ изъ распятыхъ съ нимъ признать Сына Божія, внезапно испыталъ такую спасительную въ самомъ себѣ перемену, что съ креста, заслуженнаго злодѣяніями своими, удостоился первый войти съ Господомъ въ рай. Скажемъ о Савелѣ, нѣкогда гонителѣ св. Церкви и мучителѣ Христіанъ, который, послѣ обращенія своего къ Іисусу Христу, сдѣлался вдругъ такимъ ревностнымъ проповѣдникомъ Христіанства и такимъ пламеннымъ защитникомъ вѣрующихъ, что желалъ запечатлѣть смертію любовь свою ко Христу и его послѣдователямъ. Но нельзя въ короткое время даже перечислить всѣхъ грѣшниковъ, начавшихъ благочестивую жизнь съ минуты увѣрованія во Христа. Нельзя пересказать объ всѣхъ любителей мірскаго веселія, кои послѣ того удалились въ пустыни, оплакивать грѣхи свои,—обо всѣхъ роскошныхъ и невоздержныхъ, кои наложили на себя изнурительное постничество,—обо всѣхъ властолюбцахъ и славолубцахъ, кои по своей волѣ низшедъ въ неизвѣстность, явились образцами смиренія и покорно-

сти, обо всѣхъ обожателяхъ злата, нарушителяхъ справедливости, притѣснителяхъ вдовъ и сиротъ, кои послѣ того своимъ безкорыстіемъ, щедростію и услужливостію, изумили самыхъ опытныхъ въ жизни благочестивой. Однимъ словомъ, всякой изъ вѣровавшихъ истинно, *яко Іисусъ есть Христосъ*, съ того самаго времени становился совершенно инымъ человекомъ, такъ что, по словамъ св. Ап. Іоанна, уже грѣха не творилъ и даже не могъ согрѣшати. (1 Іоан. 5, 9; 5, 1). Откуда же, Сл., вѣрующій часто не только неученый, но и вовсе необразованный, заимствуетъ сію твердую, непоколебимую силу въ добръ, которой ни когда ученость и образованность дать человеку не могутъ? Источникъ этой нравственной силы есть Благодать, которая въ сердцѣ вѣрующаго, отверстое сыновнимъ, безпрекословнымъ послушаніемъ воли Божіей, обильно изливается съ неба. Она-то врачуетъ наследственную немощь человеческого естества (2 Кор. 12, 9): она-то безплодныя вѣтви естественныхъ помысловъ, желаній и дѣйствій, приращаетъ къ плодотворной лозѣ (Іоан. 15, 5), и на сухія кости внутренняго человека изводитъ духъ жизни (Еф. 2, 4-5). Если вѣрующій, по обѣщанію Спасителя, имѣетъ столь великую власть надъ видимымъ міромъ, могущимъ причинить ему только временный вредъ, *яко и горы ему представляти* (Мар. 11, 23): то каково должно быть его могущество въ мірѣ невидимомъ,

гдѣ онъ принужденъ бороться съ многочисленными врагами своего спасенія вѣчнаго, и особливо съ лютейшимъ и упорнѣйшимъ изъ всѣхъ враговъ — съ самимъ собою!

Отсюда вы ясно видите, Сл., что вѣра несравненно болѣе всякаго знанія способствуетъ добродѣтельной жизни; остается намъ показать, что она же и счастливить человѣка на землѣ гораздо болѣе всѣхъ, самыхъ обширныхъ и самыхъ утопченныхъ познаній. Общее между учеными мнѣніе, что люди бываютъ несчастливъ отъ неумѣнія здраво судить о вещахъ и отъ незнанія многихъ полезныхъ правилъ, кои бы надлежало имъ наблюдать въ жизни общественной и семейной. На примѣръ, говорятъ они желающему прожить благополучно свой вѣкъ: «если ты хочешь имѣть истинныя удовольствія въ жизни, то непременно занимайся какимъ либо дѣломъ, ибо трудъ есть пища усладительная. Желаетъ ли сдѣлать удовольствія свои продолжительными, будь умѣренъ, наслаждаясь ими; въ счастіи не возносись духомъ до гордости, въ несчастіи не упадай до отчаянія; если какое бѣдствіе постигнетъ тебя, представляй, что оно скоро пройдетъ; если о тебѣ худо отозвались въ обществѣ, если не наградили тебя по заслугамъ, вспомни, что ты отъ того не сдѣлался хуже, и утѣшайся сознаніемъ собственнаго своего достоинства». . . Изъ сихъ и подобныхъ симъ правилъ составилось, такъ называемое, искусство быть

счастливымъ, за которое, конечно, всякой изъ насъ согласенъ бы дорого заплатить, если бы увѣренъ былъ въ полученіи отъ него общаею пользою. Но, къ сожалѣнію, всѣ начертанія сего искусства, сколь ни исполнены они здравыхъ и основанныхъ на опытности сужденій, составляютъ предметъ занимательнаго чтенія для насъ, пока мы дѣйствительно счастливы: въ случаѣ же несчастія, постигшаго насъ, они не только не доставляютъ утѣшенія нашему сердцу, но еще болѣе раздражаютъ его своими бесполезными представленіями. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите больному, стелющему на одрѣ, самую краснорѣчивую главу о перенесеніи тѣлесныхъ болѣзней: облегчитъ ли это хотя сколько нибудь его нестерпимую тѣлесную боль?—скажите въ утѣшеніе человѣку, потерявшему имущество свое, что онъ можетъ разбогатѣть опять; — невинному, ставшему жертвою людской клеветы, что рано или поздно невинность его откроется къ стыду его обвинителей; — отцу и матери, оплакивающимъ раннюю смерть единственнаго любезнаго сына, что смерть есть зло неизбежное въ мірѣ, что слезы и рыданія въ настоящемъ случаѣ бесполезны. Ахъ! всѣ эти холодныя увѣщанія разсудка прольютъ ли хотя каплю слезы на свѣжія раны сердець, злополучіемъ пораженныхъ? Утолятъ ли хотя на время свирѣпость печали, которая подобно врагу терзаетъ всю внутренность злополучныхъ? *Какъ мнѣ утѣшаете суетными* (Іов. 21, 54) — говоритъ Іовъ друзьямъ своимъ,

по обыкновенію, утѣшавшимъ его во время несчастія. Всѣ ваши слова, кажуціяся вамъ премудрыми, ни сколько не облегчаютъ скорби моей: *не обрѣтаю въ васъ истины* (16, 10). Нищій, безчадный, покрытый отъ главы до ногъ гноемъ, если я имѣю твердость безропотно нести бремя золъ меня удручающихъ, то сямъ обязанъ я не совѣтамъ вашимъ, нѣтъ; меня укрѣпляетъ въ томъ вѣра, что всѣ теперешнія бѣдствія мои произошли единственно по опредѣленію воли Господней, *отъ Господа ми сія совершишася* (19, 26).

Вотъ, Сл., чѣмъ утѣшается праведникъ во время своихъ несчастій! Вѣра въ Промыслъ Божій уже и сама по себѣ не позволяетъ несчастному предаваться безмѣрной печали. Впрочемъ, какъ нѣчто человѣческое, оставленное безъ помощи Высшей, она еще не могла бы совершенно исцѣлить сердце, бѣдствіемъ уязвленное, и чувство скорби, едва успѣвшее коснуться души, претворить въ чувство веселія. Но какъ тѣло, получившее рану, по необходимости ощущаетъ боль: такъ душа, пораженная несчастіемъ, не можетъ не чувствовать скорби. Но вѣрующій въ І. Христа, среди злополучія, не остается при однихъ своихъ недостаточныхъ силахъ. Изъ глубины золъ подымая руки къ небу, и вопія о помощи Божіей, онъ получаетъ отъ Господа Благодать, которая въ сердце, огнемъ бѣдствій разжженное, подобно какъ въ пещь Вавилонскую, ниспадая рососою, тотчасъ погашаетъ

палящую его скорбь, и самого человека, несчастіе потерпѣвшаго, вмѣсто жалобныхъ воплей, располагаетъ пѣть радостный гимнъ хвалы и благодарности Богу. Симъ-то благодатнымъ пособіемъ укрѣпленные, св. Апостолы съ радостію принимали на Іудейскомъ соборѣ безчестіе за имя Христово (Дѣян. 5, 41); сей — то силы исполнясь, святые Мученики восхищались своими узами, за вѣру носимыми; и на мѣсто мучительной казни текли, какъ на веселое пиршество; сія-то небесная помощь содѣлывала Пастырей Церкви, защитниковъ правовѣрія, столь великодушными среди гоненій, что низвергаемые съ святительскихъ сѣдалищъ своихъ, заключаемые въ темницы вмѣстѣ съ преступниками, и выводимые оттолѣ въ раздранныхъ рубищахъ на поруганіе черни, они благословляли враговъ своихъ и вмѣсто мщенія испрашивали имъ прощеніе у небеснаго Судіи. Но что за свидѣтелями истины сей обращаемся мы къ временамъ протекшимъ? И нынѣ, Сл., истинно вѣрующіе въ І. Христа, и нынѣ, какъ прежде, почерпаютъ изъ источника Благодати столько крѣпости въ бѣдахъ, столько утѣшенія въ горестяхъ своихъ, что могутъ, вмѣстѣ съ Апостоломъ, сказать о себѣ: *укоряемы благословляемъ, гонимы терпимъ, хулимы утѣшаемся* (1 Кор. 5, 12). Пусть же разумъ, надмѣнный своими знаніями, сдѣлаетъ это! Пусть поспоритъ онъ съ вѣрой въ сообщеніи несчастному благодушія, если не стыдится обнару-

жить предъ ней свою крайнюю слабость! *Блаженни не видѣвшіи и вѣровавшіе.*

И такъ нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что вѣра преимущественно предъ всѣми знаніями дѣлаетъ человека истинно мудрымъ, добродѣтельнымъ и счастливымъ. Впрочемъ, утверждая за вѣрою сіе преимущество, мы отнюдь не хотимъ опорочивать знаній; ибо есть знанія о земныхъ вещахъ не противныя ученію Христіанскому и весьма полезныя въ общественной жизни. Мы хотимъ только обличить во лжи нѣкоторыхъ лжеучителей, дерзающихъ человѣческое знаніе предпочитать Божественной вѣрѣ. Они говорятъ, что вѣра, какъ совершенно — рабская подчиненность чуждому Уму, чуждой Волѣ, чуждому Промыслу, нужна только для простаго народа, который необразованъ: но люди просвѣщенные, свѣдушіе въ наукахъ, могутъ обойтись и безъ ея помощи; потому что уже сами собою находятъ ближайшій и вѣрнѣйшій путь, ведущій ихъ къ мудрости, къ добродѣтели и счастью. Сколь ложно, сколь противно здравому смыслу и опыту сіе ученіе, вы это уже видѣли, Слушатели!

Посему никто изъ васъ не долженъ склоняться на лъстивыя предложенія людей говорящихъ противу вѣры, если не хочетъ подвергнуться бѣдственной участи, которая постигла нѣкогда прародителей нашихъ. Вы знаете, что они были премудры, певнины и счастливы въ раю, доколѣ, какъ дѣти, безпрекословно вѣрили

и покорялись Божіей заповѣди; но какъ скоро они поколебались въ вѣрѣ своей, склонившись на совѣты змія, обѣщавшаго имъ высокое знаніе, тотчасъ потеряли и мудрость свою и непорочность и счастье. То же самое случится можетъ и съ нами. Ибо и нынѣ, какъ вѣра въ І. Христа, соединенная съ дѣтскою Ему покорностію и преданностію, спасаетъ человѣка; такъ, напротивъ, враждебная ей, надмѣнная своими силами и успѣхами, любознательность губить его. Будемъ же, Христіане, наче всего стараться о томъ, чтобы съ дѣтства посѣянное въ насъ сѣмя вѣры, отъ часу болѣе укоренилось и возростало въ насъ, заглушая собою шевелы суетности, кои врагъ скрытымъ образомъ насаждаетъ въ сердцахъ нашихъ. Отвертимъ свой слухъ отъ оболѣстительнаго гласа тѣхъ мудрецовъ, кои предлагаютъ намъ плодъ запрещеннаго знанія, вкушенный ими самими, и преклонимъ главы къ лону нашей Матери — Церкви, которая неусынно поучаетъ чадъ своихъ спасительной вѣрѣ. Пусть лучше міръ посмѣется надъ нашимъ невѣжествомъ, нежели дойти до того, чтобы Господь осудилъ насъ за малую вѣру. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ СЛѢПОРОЖДЕННАГО.

изъ текста: *Дажде славу Богу: мы слыши, яко человекъ сей грешенъ есть.* Иоан. 9, 24.

Такъ отзываются объ Иисусѣ Христѣ Фарисеи, по случаю исцѣленія слѣпородженнаго человека. Слухъ о семъ чудѣ сначала показався имъ невѣроятною сказкой, или лучше сказать, они не хотѣли вѣрить этому слуху. *Не яша въпръи о немъ.* Когда же показаніе родителей исцѣленнаго удостовѣрило ихъ въ справедливости слуха, и имъ уже ни какъ нельзя было оспаривать дѣйствительности исцѣленія: тогда, — что дѣлать? — Стали порицать Того, кто исцѣлилъ; чтобы, унизивъ Чудотворца, ослабить уваженіе къ самому чуду.

Дажь славу Богу: мы омы, яко человекъ сей грѣшенъ есть. Что за причина сего столь превратнаго суда? Причиной тому двѣ злыя страсти, зависть и несправисть, вооружавшія Фарисеевъ противъ Іисуса Христа. Сквозь черное стекло сихъ страстей, все что ни дѣлалъ Іисусъ Христосъ, представлялось имъ темнымъ.

Впрочемъ не обвиняйте, Сл., однихъ Фарисеевъ за слова, внушенныя имъ желчными чувствами: таково свойство злорѣчивыхъ людей вообще. Приписываютъ ли они другому порокъ, котораго тотъ не имѣетъ;—разсказываютъ ли о чемъ дѣйствительномъ проступкѣ со всѣми подробностями, увеличивающими важность его;—помрачаютъ ли добрыя качества ближняго, обнаруживая въ немъ скрытную слабость;—оспориваютъ ли чужія достоинства, чужія заслуги, прославляемыя общею молвою;—молчатъ ли о чужихъ добродѣтеляхъ въ то время, когда польза или честь ближняго требуетъ, чтобъ онѣ были извѣстны: во всѣхъ сихъ случаяхъ языкъ злорѣчивый движется какою нибудь недоброю страстью, и сколько черпнеть имя злословимаго, столько же подаетъ худое понятіе о самомъ злословящемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди подверженные слабости сей, не понимаютъ вполне, сколь невыгодно положеніе ихъ, и, вредя другимъ, забываютъ свой собственный вредъ. А посему нашъ долгъ вразумить заблуждающихъ, давъ имъ почувствовать всю преступность злословія,

что мы и сдѣлаемъ теперь, обратя вниманіе наше, во первыхъ, — на того, кто злословить; во вторыхъ, — на тѣхъ, которые бываютъ жертвой злословія; въ третьихъ, — на то, какимъ образомъ совершается этотъ, къ несчастію, почти всѣми любимый и извиняемый грѣхъ.

Иисусъ Христосъ, проповѣдуя Евангеліе, ни кому изъ людей не давалъ права злословить. *Не судите,* говорилъ Онъ, *да не судили будете* (Мат. 7, 1). Не смотря на сіе запрещеніе, весьма многіе сами себя дѣлаютъ судіями человѣческихъ дѣлъ, — сами, по доброй волѣ, берутся преслѣдовать людскія заблужденія и пороки со всею неумолимою строгостью. Кто же эти люди, по видимому, такъ ревностно заботящіеся о искорененіи нравственнаго зла въ человѣческомъ родѣ? Это — человѣкъ праздный, который, ни чѣмъ другимъ не занимаясь, кромѣ ежедневнаго хожденія изъ дома въ домъ по цѣлому городу, имѣетъ столько наблюдательности, чтобы слѣдить за сокровенными безпорядками въ разныхъ семействахъ, и столько остроты, столько краснорѣчія, чтобы передать свои наблюденія другимъ въ занимательномъ видѣ, и возбудить ими общій смѣхъ одобренія. Это — женщина, мучимая тайною ревностью, живо помнящая нанесенное ей оскорбленіе, и жестоко обиженная предпочтеніемъ, оказаннымъ передъ нею другимъ, у которой языкъ превращается въ жало, слова въ ядовитую желчь,

какъ скоро она услышитъ чей либо выгодный отзывъ о лицахъ ей ненавистныхъ. Это — человекъ должностной, которому, при недостаткѣ способностей, а можетъ быть, и раченія по службѣ, не благопріятствуетъ счастье; но который, однакоже, столько гордъ, что присвоаетъ себѣ право на высшія почести: у него съ языка не сходитъ осужденіе: начальниковъ — въ лицепріятін, подчиненныхъ — въ низкой лестн и пресмыкательствѣ. Это — промышленникъ, который разстроивъ дѣла свои собственною оплошностію, вопіетъ на обманъ, на коварство, на злой умыселъ извѣстныхъ людей, будто бы разорившихъ его; или, отъ крайней скупости, называетъ новый, самый ничтожный налогъ на него не иначе, какъ притѣсненіемъ. Это — человекъ безъ всякихъ достоинствъ, который, пороча другихъ, надѣется хотя тѣмъ выиграть нѣкоторое преимущество передъ ними; или даже человекъ дурныхъ правилъ, ославившій себя порочною жизнью и изгнанный презрѣніемъ изъ общества благороднаго, который мститъ за свое отверженіе, рассказывая оскорбительныя исторіи и сочиняя обидныя сказки касательно лицъ, прервавшихъ дружеское общеніе съ нимъ. Вотъ сонмъ хулителей, достойныхъ большей хулы за свое празднлюбіе, за свою зависть, гордость, алчность, и мстительность! Вотъ судін-самозванцы, которые, по выраженію Спасителя, видятъ сучецъ во оцѣ брата своего, а бревна, которое въ ихъ собственномъ окѣ, не замѣчаютъ! (Мат. 7, 3).

Человѣкъ добродѣтельный, любящій Бога и ближняго, хотя бы даже обязанъ былъ смотрѣть за чужимъ поведеніемъ и исправлять пороки подвластныхъ ему, никогда однакоже не позволитъ себѣ злорѣчить. Онъ обличитъ виновнаго въ преступленіи, наговоритъ ему множество горькихъ истинъ прямо въ глаза; но не станетъ смѣяться надъ нимъ, не станетъ позорить его за очно предъ людьми посторонними; отъ чего строгій выговоръ отца или начальника можно уподобить пожу въ рукахъ врача, который отсѣкаетъ имъ гнилые члены для спасенія прочаго тѣла. А насмѣшка или брань въ устахъ злорѣчиваго есть тоже, что ножъ въ рукахъ убійцы, который рѣжетъ имъ человѣка, чтобы завладѣть его достояніемъ. И такъ остерегись ты, вооруженный остріемъ языка и подстергающій ближняго съ намѣреніемъ отнять у него драгоценнѣйшее сокровище — честь! Язвы другихъ словами безъ всякаго права, ты доносишь на себя самаго, и хула, изрыгаемая тобою, прежде чѣмъ успѣетъ опорочить другаго, уже служить уликой твоего собственнаго развращенія.

Но еще виднѣе будетъ преступность злословія, если примемъ въ разсмотрѣніе достоинство лица, обыкновенно, бывающихъ предметомъ его, и великость вреда, отсюда происходящаго. Замѣтьте, Сл., что языкъ поносителя никогда не касается такихъ людей, которые безъ того уже находятся въ общемъ презрѣніи.

Чернаго не марають; потому что пятно, положенное на темномъ предметѣ, было бы не примѣтно. Для яркости тѣней нужно свѣтлое поле. Посему-то хулители всегда нападаютъ на лица почтенныя въ обществѣ, стараются замѣтить слабости и пороки за тѣми, которые сльвуть примѣромъ неукоризненной жизни или по крайней мѣрѣ заслуживаютъ уваженіе по своему сану, полу и состоянію. Первымъ предметомъ злословія бываетъ полъ нѣжный, и въ немъ преимущественно юный возрастъ. Дѣвицу, едва вступившую въ свѣтъ и привлекающую на себя общее вниманіе, подвергаютъ подозрѣніямъ въ нескромности; каждый взглядъ ея, каждое слово толкуютъ оскорбительнымъ образомъ для ея цѣломудрія. Тутъ есть надъ чѣмъ пошмѣяться, есть чѣмъ позабавить другихъ. И если клевета встрѣчается съ легковѣріемъ, если дурной слухъ, подобно сѣверному вѣтру, разносится вѣстовщиками изъ дома въ домъ, и цвѣтъ дѣвственной непорочности увядаетъ во мгнѣніи свѣта: что нужды? этаго и хотѣлось клеветнику. Успѣвши въ зломъ умыслѣ, онъ бросаетъ жертву свою и отдыхаетъ на лаврахъ. — Другой любимый предметъ злословія есть брачное состояніе. На супруговъ, на ихъ взаимныя отношенія наводитъ она лживое стекло свое, и малѣйшій поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ, провозглашаетъ уликой въ измѣнѣ или невѣрности. Супруги, огорченные худою молвою на счетъ ихъ,

начинають подозрѣвать другъ друга, ссорятся. Не думайте, чтобы столь печальныя слѣдствія заставили раскаяться виновника оскорбительной лжи; нѣтъ! чѣмъ вреднѣе, чѣмъ гибельнѣе дѣйствіе сплетней его; тѣмъ больше пищи его ѣдкому языку, тѣмъ больше матерія для новыхъ его *сатирическихъ* повѣстей. — Далѣе, мечъ злыхъ устенъ изощряется противъ всего облеченнаго достоинствомъ власти. Порочать строгихъ родителей предъ глазами сына, желая склонить его къ исканію независимости. Издѣваются надъ учителемъ, который преслѣдуетъ лѣпость учениковъ. Осмѣиваютъ блюстителя нравственности, котораго зоркое око открываетъ пороки въ самыхъ сокровенныхъ убожищахъ, и котораго жезлъ пещадно караетъ буйное своеволие. И вы, устрояющіе общее благо, по вѣренной вамъ части государственнаго управленія, вы также имѣете своихъ Давидовъ и Авироновъ, ропшущихъ на ваши преимущества и опорочивающихъ служеніе ваше. Нѣтъ нужды, что отъ злыхъ сужденій на счетъ сильныхъ земли зараждается въ народѣ духъ непокорности, поднимается ропотъ, воспаляются искры мятежа и цѣлое царство можетъ погибнуть, какъ и дѣйствительно многія погибли: хулитель это знаетъ, и не престаётъ однакожъ злословить, забавляясь разрушительнымъ дѣйствіемъ рѣчей своихъ, подобно глупому отроку, который забавляется, шатая ветхую стѣну, не

смотря на то, что она, развалившись, может убить его самого. — Наконецъ, демонъ злорчїя не оставляетъ въ покоѣ даже людей отказавшихся отъ міра и посвятившихъ себя благочестію, вторгается съ дерзкими насмѣшками въ обители иноковъ, въ пещеру затворника, и, какъ стрѣлою, метитъ язвительными словами, чтобы поразить въ самомъ святилищѣ служителей вѣры. Истинно то, о Боже мой, что мы, поставленные строителями Таинъ Твоихъ и пастырями духовнаго стада, не всегда ведемъ жизнь достойную нашего званія, нередко впадаемъ въ слабости, общія душамъ ввѣреннымъ нашему попеченію, и служимъ камнемъ преткновенія для тѣхъ, которымъ должны были предшествовать своимъ примѣромъ на пути ко спасенію. Но предосудительное поведеніе нѣсколькихъ лицъ должно ли быть упрекомъ цѣлому званію? Самые виновные между нами, равно какъ и въ прочихъ сословіяхъ, на судѣ любви, снисходительной къ чуждымъ грѣхамъ, не больше ли заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ укоризны? Ибо на землѣ службу Божию совершаютъ не Ангелы, а такіе же грѣшные люди, какъ и всѣ. Для чего же съ особенною жестокостью нападать на служителей алтаря? Что хочеть хунитель освященнаго сонма, когда знаетъ, что порицая служащихъ въ дому Божіемъ, легко можно внушить охлажденіе къ самой Церкви и къ вѣрѣ? Хула его не обнаруживаетъ ли внутренняго нерасполо-

женія къ вѣрѣ и Церкви? Не свидѣтельствуешь ли о тайномъ желаніи оправдать чѣмъ либо собственные пороки и успокоить преступную совѣсть? Ахъ, судія жестокій и злопамѣренный! вспомни участь Корей, и побойся, безъ права и часто безъ всякаго основанія, поносить то званіе, которое, Богъ отдѣлилъ отъ среды прочихъ людей себѣ на служеніе. Въ числѣ поносимыхъ тобою, конечно, есть хотя десять праведныхъ мужей, которыхъ молитвами, можетъ быть, все мы и живы.

Не такъ поступаетъ человекъ, украшенный скромностью и смиреніемъ. Глубоко сознавая свои недостатки, онъ совѣстится пересуждать даже равныхъ себѣ, тѣмъ болѣе высшихъ или по чему нибудь достойныхъ общаго уваженія; не довѣряетъ собственнымъ глазамъ при видѣ чужихъ погрѣшностей, сомнѣвается въ справедливости обидныхъ на счетъ ближняго слуховъ. Когда же худыя свойства или поступки другаго столь очевидны, что нельзя уже ихъ ни-конимъ образомъ ни отвергнуть ни оправдать; тогда втайнѣ скорбитъ о виновномъ, и отъ всей души молится Богу о его исправленіи, не могши содѣйствовать тому иначе, то есть, ни силою власти, ни мѣрами увѣщанія.

Отсюда видите, Сл., сколь худое понятіе по-дается о себѣ человекъ злоязычный, будучи самъ предосудительныхъ качествъ и осуждая лица достой-

ныя уваженія. Мнѣ остается сказать, какъ дѣйствуетъ онъ противъ ближняго, стараясь помрачить его добрую славу. Не говорю уже о злословіи грубомъ, о сихъ ругательствахъ, которые безъ стыда и искусства говорятъ на счетъ чести другаго все, что имъ придетъ на языкъ, и употребляютъ при этомъ случаи выраженія, тонъ голоса и всѣ приемы, свойственные людямъ разсерженнымъ. Для чего обличать въ храмѣ Божіемъ то, что не пользуется одобреніемъ самаго свѣта? Есть другой родъ злословія, хотя стольже порочный, но болѣе принятый въ свѣтъ; потому что порочность его меньше замѣтна. Отнимаютъ у ближняго честь только самымъ тонкимъ, самымъ вѣжливымъ образомъ. Бросаютъ въ другаго камень, можно сказать, изъ за стѣны такъ, чтобы ударъ былъ нанесенъ, а виновникъ удара оставался неизвѣстенъ. Даютъ злорѣчію такой видъ, что можно подумать, будто оно происходитъ отъ искренняго расположенія къ ближнему, хотя на самомъ дѣлѣ этотъ ближній у нихъ, какъ тернъ въ глазу. Ахъ, сколь хитра и лицемерна злость человѣка, дѣлающаго покушеніе на чужую честь! Съ вами встрѣчается одинъ изъ подобныхъ людей, имѣющій поникшее чело, заплаканные глаза, и голосомъ, прерывающимся отъ вздоховъ, начинаетъ рассказывать: «Такой-то совершилъ такое-то преступленіе. Вы представить себѣ не можете, какъ это убиваетъ меня. Богъ знаетъ, чего бы я не сдѣ-

лазъ, чтобы какъ нибудь закрыть исторію о его скверномъ поступкѣ: но не возможно, весь городъ уже говорить о томъ; и я, сколько ни люблю этого человека, долженъ однакожь съ сожалѣніемъ признаться, что молва объ немъ справедлива и даже еще снисходительна.» — Не вѣрьте этимъ слезамъ; это крокодиловы слезы, которыми прикрывается ковь осужденія, и посредствомъ которыхъ хотятъ привлечь и васъ къ соучастію въ терзаніи несчастной добычи. Другой нарочно хвалить то лице, которое намѣревается очернить. Похвала добродѣтелямъ служить у него свѣтомъ, увеличивающимъ черноту порицаемаго проступка.

«Честнѣйшій, благороднѣйшій человекъ! — восклицаетъ онъ, пристава къ разговору о ближнемъ; жаль только, что въ немъ есть одна постыдная слабость.» — «Эта женщина рѣдкихъ достоинствъ! отлично умна, ангельски-добра, благотворительна къ бѣднымъ; однимъ словомъ, не будь несчастной страсти ея къ тому - то, она была бы у насъ образецъ совершенства.» — «Этотъ чиновникъ въ большомъ уваженіи, и совершенно заслуживаетъ его: но кто безъ грѣха? за нимъ то же водятся нѣкоторые грѣхи, какъ за всеми другими.» — Такимъ образомъ злословящій, подобно древнимъ языческимъ жрецамъ, украшаетъ цвѣтами жертву свою, ведомую на закланіе. Есть злоязычники, которые, чтобы придать благовидность рѣчамъ сво-

имъ, выдають себя за ревнителей свѣтой вѣры и блага общественнаго, стараются, по ихъ словамъ, остановить разливающійся потокъ беззаконія и спасти другихъ отъ соблазна, обнародывая имена и дѣянія порочныхъ людей. Ихъ всегда можно отпичить отъ праваго суди по изступленности жалобъ и по рѣзкому тону приговоровъ, отзывающихся проклятіемъ; лицемеріе ихъ открывается изъ того, что они никогда не встають на порокъ, отдѣльно отъ лица порочнаго; а всегда провозглашаютъ имя человѣка, котораго поведеніе хотятъ осудить. Такъ, подъ видомъ попеченія о благѣ народномъ, Авессаломъ хулилъ Давида, отца своего, чтобы, очернивъ въ обществѣ мнѣніи, низвергнуть его съ престола. Такъ съ видимою ревностію поборниковъ вѣры, Фарисеи клеветали на Іисуса Христа, чтобы содѣлать Его повиннымъ смерти. Другіе по скромности, опасаясь быть уличенными въ клевету, употребляютъ уловку безмолвнаго осужденія: не произносятъ ни одного укоризненнаго слова на счетъ ближняго; однакоже гдѣ имъ надобно, умбють еще лучше внушить подозрѣніе противъ него, давая взглядомъ, улыбкой, киваніемъ головы и прочими вѣчными знаками, разумѣть, что они рассказали бы объ немъ много дурнаго, если бы захотѣли. Расчетъ весьма вѣрный для безопасности обвинителя: ибо отъ доноса, не опредѣленнаго словами, можно всегда отпереться. У нѣкоторыхъ знатоковъ въ ис-

куествъ злословія есть хитрость инаго рода: чтобы сдѣлать занимательнѣе предметъ своей рѣчи, сообщаютъ объ немъ другому за тайну, подъ условіемъ молчанія. Говорятъ: «я хочу пересказать вамъ о такомъ-то дѣлѣ, только съ уговоромъ, чтобы вы не говорили о томъ ни кому, и чтобы это осталось тайною между нами. Разглазка можетъ обезславить пѣсколько лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло. Такъ будьте скромны: надобно имѣть снисхожденіе къ слабостямъ ихъ и побережь ихъ добрую славу.»— Коварное предостереженіе!— восклицаетъ, Святый Златоустъ,— ты хочешь, чтобы другіе, которымъ открываешь преступленіе ближняго, поберегли его честь, а самъ отъказываешься беречь? Бывъ единственнымъ владѣтелемъ тайны, ты не умѣлъ се сохранить, и требуешь, чтобы твои повѣренныя за тебя сохранили ее?— Никогда! искра въ порошокъ не удержится. Все слышанное отъ тебя перескажутъ они другимъ также, какъ ты, по секрету; и этотъ секретъ, черезъ нѣсколько дней, сдѣлается предметомъ общаго разговора.

Такимъ-то образомъ злословіе, о которомъ мы теперь говоримъ, съ низкими страстями своего виновника, съ дерзостью и жестокостью противъ тѣхъ, кому вредитъ оно, соединяетъ еще преступную тонкость мѣръ и лукавство пріемовъ. Есть ли что хуже и презрѣннѣе между людскими пороками? Не безъ причины Св. Писаніе такъ сильно нападаетъ на злорѣчи-

выхъ людей, называя гортань ихъ отверстымъ гробомъ (Пс. 5, 10); языкъ ихъ уподобляя змѣнному жалу (Еккл. 10, 11); или всепождающему огню (Іак. 3, 5); и подъ устнами ихъ открывая ядъ аспидовъ (Пс. 139, 4). А Св. Апостолъ Петръ, по свидѣтельству одного изъ учениковъ его, (*) еще строже отзывался о людяхъ такого рода: онъ относилъ ихъ къ разряду убійць, и даже приписывалъ имъ большую лютость, нежели обыкновеннымъ убійцамъ; потому что сіи отнимають у человѣка жизнь, а тѣ честь, которая самой жизни дороже.

Но обвиняя злорѣчивый языкъ нельзя одобрить и уха, которое слушаетъ его съ удовольствіемъ. Такъ, Сл., вы грѣшите внимая злословію; потому что своимъ потворствомъ ободряете поносителя. Страсть къ пересудамъ становится общею, ежедневною въ свѣтѣ не отъ чего другаго, какъ отъ гибельнаго снисхожденія къ осуждающимъ. Почему вы не заграждаете уста имъ, не стараетесь ихъ увимать, когда можно, или по крайней мѣрѣ своею холодною, своимъ прискорбіемъ не даете замѣтить, что насмѣшливость ихъ противна вашему вкусу? Если бы у васъ достало духу сказать злоязычнику тоже самое, что нѣкогда говорилъ одинъ Вселенскій учитель (**): «хочешь ли ты мнѣ похвалить кого? съ радостью слушаю. Хочешь ли по-

(*) Св. Климентъ.

(**) Св. Іоаннъ Златоустъ.

смѣяться надъ кѣмъ? Я затыкаю уши мои. Какая мнѣ надобность знать, что такой-то уличенъ въ лихоимствѣ, что такая-то ведетъ зазорную жизнь! Ты долженъ безпокоиться единственно о тѣхъ грѣхахъ, за которые нѣкогда будешь отвѣчать передъ Богомъ. Такъ займись лучше исправленіемъ своихъ погрѣшностей, чѣмъ порицать чужія; и строже присматривай за собою, нежели за тѣмъ, какъ ведутъ себя посторонніе.»—Еслибы, говорю, достало у васъ духу подобнымъ образомъ оговаривать злорѣчивыхъ людей; то нѣтъ сомнѣнія, что ихъ осталость бы очень не много, и эти вредные языки, замѣтя общее къ себѣ презрѣніе, по необходимости бросили бы наконецъ свою злую привычку.

Посему, въ заключеніе бесѣды нашей, предлагаю два правила, какъ слѣдствія всего, сказаннаго мною доселѣ. Первое правило касается людей, склонныхъ къ злорѣчію, и можетъ быть выражено такъ: «Не произноси ни одного слова, не дѣлай ни какого нѣмого знака, относящихся къ безчестию ближняго, опасаясь тѣмъ подать весьма невыгодное понятіе о умѣ и сердцѣ своемъ: о умѣ потому, что покажешь недостатокъ самопознанія,—о сердцѣ, потому что обнаружишь непріязненныя чувства къ другимъ.»—Второе правило относится къ тѣмъ, которые имѣютъ несчастіе слушать насмѣшливыя или хульныя рѣчи другаго, и, смотря по различнымъ отношеніямъ слушающихъ къ

лицу говорящему, предписываетъ поступать такимъ образомъ:—«Если ваше достоинство, вашъ санъ даютъ вамъ нѣкоторую власть надъ человекомъ злословящимъ; то вы обязаны приказать ему замолчать, остановить его среди порицательной рѣчи и отнюдь не позволять ей продолженія. Если же вы не имѣете власти сей, то должны стараться переменить предметъ разговора, должны вступить за обвиняемое лице, представить съ кротостью, что, можетъ быть, вины, вводимыя на оное, ложны,—принять на себя видъ скучный и печальный, въ доказательство, что слова порицателя не любви вамъ, и наконецъ оставить общество, буде нѣтъ иного средства къ обузданію дерзкаго языка.»

О Ты, имѣющій нѣкогда судить насъ за каждое, не только вредное, но и праздное слово! Визьды растлѣнность нашего естества, склоннаго къ осужденію ближнихъ нашихъ: все мы, безъ исключенія, причастны сему грѣху; и если языкъ нашъ иногда удерживается отъ хульныхъ рѣчей, то сердце наше сонзвоняетъ чужому хуленію. Молимся убо тебѣ, Господи! послан Ангела своего съ углемъ горящимъ, да прикоснется устамъ нашимъ и очиститъ беззаконіе ихъ. Даруй намъ столько мудрости, чтобъ видѣть свои токмо грѣхи, и столько любви, чтобъ ни словомъ ни мыслію не осуждать нашего брата. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ 10-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Изъ текста: *Сей родъ не исходитъ токмо молитвою и постомъ.*
Мат. 17, 21.

Нѣкогда Господь, какъ повѣствуетъ нынѣ чтенное Евангеліе, исцѣлилъ бѣсповатаго отрока, повелѣвъ бѣсу выдти изъ него. По сему случаю Апостолы, старавшіеся прежде тому же больному подать помощь, но тщетно, приступили къ Іисусу на единѣ и спрашивали его: Господи! отъ чего же мы не могли выпать бѣса? Господь имъ отвѣчалъ: *сей родъ не исходитъ токмо молитвою и постомъ.* Отвѣтъ, заключающій въ себѣ столько душеспасительныхъ истинъ, что мы съ великою пользою можемъ избрать его

предметомъ настоящаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, хотя сказанныя Господомъ слова и представляются въ началѣ касающимися до однихъ людей одержимыхъ бѣсами, но вникая прилежнѣе, увидимъ, что онѣ равно относятся и ко всѣмъ намъ, Сл.-Почему? потому что и мы, если не служимъ, какъ отрокъ Евангельскій, жилищемъ темнаго духа, (отъ чего Боже сохрани!), то по крайней мѣрѣ часто подвергаемся злостворному его вліянію, поражающему въ насъ нечистые помыслы и пожеланія, воспламеняющему буйныя страсти, внушающему намъ злыя намѣренія, подстрекающему на дѣла законопреступныя; словомъ, очень часто подвергаемся различнымъ искушеніямъ отъ злаго духа. А такимъ образомъ, если бы и изъ насъ кто, мучимый сего рода недугомъ, спросилъ теперь, подобно какъ нѣкогда спрашивали Апостолы: отъ чего при всемъ стараніи, не можетъ изгнать изъ своего сердца злыхъ помысловъ, нечистыхъ пожеланій, преступныхъ наклонностей, порочныхъ навыковъ? то на вопросъ его надлежало бы отвѣчать тѣми же словами Спасителя: *сей родъ не исходитъ токмо молитвою и постомъ*. Молитва врачуетъ душу, постъ врачуетъ тѣло человѣка, подверженнаго искушеніямъ. Размыслимъ о томъ и о другомъ въ настоящія минуты.

Что есть молитва? Молитва есть такое расположеніе духа, въ которомъ человѣкъ, отвергаясь собст-

наго разума и собственной воли, поручаетъ себя неповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго съ безусловною покорностію младенца. Посему помышленіями и желаніями молящагося равно какъ и всею дѣятельностію его, управляетъ Тотъ, котораго распоряженію онъ всего себя предать. — Что есть молитва? Молитва есть гласъ, изъ глубины души восходящій на небо и сливающійся тамъ съ молитвеннымъ хоромъ Безплотныхъ, никогда не умолкающимъ предъ престоломъ Вѣчнаго. Внявъ сему гласу, Св. Ангелы, опредѣленные къ храненію людей, слетаются къ душѣ молящагося и осѣняютъ ее своими крылами. — Что есть молитва? Молитва есть духовное приближеніе человека къ Богу, или паче собесѣдованіе съ Богомъ, какое только возможно для существа въ смертномъ тѣлѣ обитающаго. Посему душа молящагося или возносится на небо въ пресвѣтлый чертогъ Тріипостаенаго Божества, или сама становится небомъ, заключающимъ въ себѣ Невмѣстимаго, по сему утѣнительному обѣтованію: *къ нему приидеши и обитель у него сотвориши*. Если таковы свойства и дѣйствія молитвы, Сл., то нѣтъ ничего могущественнѣе къ отраженію искушеній, наводимыхъ злымъ духомъ на человека. Ибо можетъ ли лукавый замануть въ свою сѣть того, кто непрестанно, какъ младенецъ, водится Духомъ Божиимъ, на силы собственные не полагаясь? Успѣетъ ли врагъ нанести ударъ или самое легкое уязвленіе тому, кого

охраняють Ангелы, вооруженные огненными мечами? Посмѣетъ ли нечистый приблизиться къ тому свя-
тилицу, гдѣ чуднымъ образомъ происходитъ благо-
датное собесѣдованіе человѣка съ Богомъ? И это все
должно считать не предположеніемъ токмо, основан-
нымъ на правильныхъ соображеніяхъ; но непрелож-
ною истиною, подтверждаемою ежедневнымъ опы-
томъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько людей, кои, во дни
злаго искушенія своего, прибѣгая къ молитвѣ, полу-
чаютъ отъ ней вѣрную помощь. Иного тревожатъ
день и ночь безпокойныя сомнѣнія въ святѣйшихъ
истинахъ вѣры и нравственности; чѣмъ болѣе думаетъ
о нихъ, чѣмъ болѣе старается изслѣдовать, тѣмъ мрач-
нѣе становится для него предметъ, тѣмъ нестройнѣе
его мысли; и ни книги, ни разговоры съ другими,
ни кто не помогаетъ ему. Но какъ скоро станетъ онъ
на молитву и произнесетъ со умиленіемъ: *Господи!*
открой очи мои, да разувѣрю чудеса отъ закона
твоего; Господи! просвѣти мое сердце, еже помрачи
лукавое похотѣніе: вдругъ нѣкое горнее сіяніе про-
ливается въ его душу, и онъ чувствуетъ радость че-
ловѣка, изъ мрачной бездны исходящаго на свѣтъ
солнечный. На другаго, обращающагося среди жи-
тейскихъ нуждъ и попеченій, нападаетъ временемъ
такая грусть, такая тоска, что самая жизнь становит-
ся ему въ тягость; и ни родство, ни дружба не имѣ-
ютъ достаточныхъ силъ къ его утѣшенію. Что же

дѣлаеть снѣдаемый скорбію чловѣкъ? Онъ возводитъ очи свои на небо, изливаетъ душу свою въ молитвѣ; и въ одно мгновеніе облако печали разсѣяно, небесная отрада возвращается въ его сердце. Иной, потернѣвъ жестокую обиду отъ непріятелей, въ первыя минуты оной предается яростному гнѣву. Сія непостоялая страсть внушаетъ ему адскія средства къ отмщенію; кровь страшно закипаетъ въ его жилахъ, дыханіе стѣсняется въ его груди, слова замирають на блѣдныхъ устахъ: ужасное, гибельное положеніе! Но вотъ раздраженный подходитъ къ изображенію Распятаго Господа, взираетъ на язвы, на кровь Его, приводитъ себя на память молитву, произнесенную Имъ съ креста, молитву любви, прощающей убійцамъ: *Отче, прости имъ, не вѣдайтъ бо, что творятъ*; и сею Божественною молитвою растроганный, умиленный до слезъ, повергается къ подножію Покунителя, лобзая мысленно враговъ и забывая всѣ обиды. Другой, лишенный своего имуществъ, или неспытавшій измѣну друзей, или разлученный на вѣки съ любезнѣйшими сердцу, впадаетъ въ мрачное отчаяніе: свѣтъ кажется ему тогда темницею или обширнымъ гробомъ; на небѣ усматриваетъ онъ одну грозную силу, вооруженную перунами; на землѣ одиѣ жертвы всемогущей мести, одни труны, назначенныя къ разрушенію; и ропщущій на судьбу, недовольный бытіемъ своимъ, слышитъ уже адскій голосъ, шепчущій ему въ уши:

«умри; вотъ ядъ, вотъ мечъ — конецъ всѣмъ мученіямъ!»- Увы! что было бы съ симъ несчастнымъ, стоящимъ на краю гибели, еслибъ не поспѣшила къ нему на помощь дщерь неба — святая молитва? Къ счастью, посланная свыше, она вооружаетъ его десницу крестнымъ знаменіемъ, преклоняетъ на землю его колѣна, отверзаетъ его уста; и новый Іовъ, подкрѣпленный вѣрою и упованіемъ на Промыслъ, осязая на себѣ руку Господню, дающую и отъемлющую блага, восклицаетъ: *Господь даде, Господь и отъя; буди иля Господне благословенно во вѣки!* Но можно ли, изчислить всѣ случаи, въ коихъ обнаруживается цѣлительная сила молитвы противу злыхъ искушеній? Всякая соблазнительная мысль, всякое плотское чувствованіе, всякое беззаконное пожеланіе изгоняется изъ сердца молитвою. Молитва притупляетъ огонь сладострастія; молитва воздерживаетъ языкъ отъ осужденія и клеветы; молитва смягчаетъ жестокосердіе; молитва укрощаетъ бурные порывы честолюбія и любостыжанія; молитва истребляетъ страхъ во время опасности; молитва смиряетъ гордыню во дни благополучія. Словомъ, нѣтъ ни легкаго движенія, ни сильной бури, воздвигаемыхъ въ душѣ человѣческой злымъ духомъ, коихъ бы кроткое дыханіе молитвы не утишило и не принесло въ порядокъ.

Но какъ съ душею человека тѣснѣйшимъ образомъ соединено тѣло, которое по различнымъ состоя-

ніямъ своимъ, можетъ или способствовать или вредить намѣреніямъ злобнаго искушителя: то сверхъ молитвы, врачующей душу, требуется еще другое средство, служащее къ врачеванію тѣла, противу злыхъ искушеній. Сіе послѣднее средство есть постъ, или воздержаніе отъ излишней пищи и излишняго питія. Ибо когда тѣло бываетъ обременено роскошными яствами и распалено неумѣреннымъ питіемъ, тогда оно не въ состояніи противиться злымъ искушеніямъ: безслаіе и нерадѣніе овладѣваютъ имъ такъ, что при первомъ впечатлѣніи соблазна, оно уступаетъ, увлекаемая съ собою въ плѣнь самую душу. Постъ, напротивъ, уменьшая количество пріемаемой пищи, охлаждая до извѣстной степени кровь, сообщаетъ тѣлу нашему бодрость и терпѣніе; два сильнѣйшія орудія къ отраженію діавольскихъ нападеній. У постящагося ни очи не дремлютъ, ни руки не ослабѣваютъ на молитвѣ; постящемуся легко перенести и зной и холодъ и всякія тѣлесныя пужды въ подвигахъ благочестія; постящійся бываетъ осмотрительнѣе въ опасностяхъ, мужественнѣе среди несчастій, дѣятельнѣе въ исполненіи благихъ предпріятій; кратко сказать, что были тѣлесныя упражненія для древнихъ борцовъ, сражавшихся съ людьми и звѣрями, то самое для Христіанъ борющихся съ діаволомъ составляетъ постъ. Ибо какъ тѣ, напередъ укрѣпивъ свое тѣло различными воинственными упражненіями, выходили

на поприще съ твердою увѣренностію въ побѣдѣ: такъ равно сей, укрѣпленный постомъ, можетъ смѣло выходить на духовную брань и торжествовать надъ всѣми злобными ухищреніями ада.

Послѣ сего пусть акеумствующіе презрители св. поста говорятъ намъ, что пощеніе не есть необходимая человѣку добродѣтель, что можно и безъ поста спасти свою душу: мы, православные сыны св. Церкви, не станемъ ихъ слушать, будучи внутренно убѣждены въ важности и душеспасительности сего святаго дѣла. Ибо знаемъ по опыту, что гдѣ свято сохраняется постъ, тамъ всѣ добродѣтели процвѣтають; что души благочестивыя, сердца преданные Богу, находятся единственно тамо, гдѣ царствуетъ умѣренность съ воздержаніемъ. Напротивъ, гдѣ суетловіе, гдѣ осужденіе, гдѣ брань и ядовитыя наемъшки наиболѣе слышатся, какъ не за пиршественными столами? Гдѣ волюдумство смѣлѣе, гдѣ языкъ необузданнѣе, гдѣ страсти неистовѣе, гдѣ поведеніе наглѣе и неблагопристойнѣе, какъ не въ мѣстахъ чревоугодно посвященныхъ? И такъ да заградятся уста порицающихъ святыя посты.

Мы, Христіане, получивъ отъ православныхъ предковъ своихъ въ наслѣдство два неоцѣненныя сокровища, — постъ и молитву, потщимся сохранить оныя въ цѣлости, не смотря на противный примѣръ сыновъ вѣка сего, не смотря на ревностныя съ ихъ

стороны и самыя обольстительныя убѣжденія послѣдовать ихъ примѣру.

Погибая сами, видно, хотятъ они погубить и другихъ вмѣстѣ съ собою. Но да не совершится ихъ гибельный замысль сей; да обратятся паче они сами на путь истины, съ котораго совратились. Св. Церковь, исполненная материяго сожалѣнія къ заблуждающимъ сынамъ своимъ, не престаетъ ходатайствовать у Господа о спасеніи ихъ; а насъ, предостерегая отъ соблазна, не престаетъ поучать, особенно въ настоящіе дни поста и молитвы, сими словами Писанія: *Трезвитесь и бодрствуйте; бдите и молитесь, да не увидете въ напасть. Аминь.*

С Л О В О

Изъ текста: *Любите враги ваша. Лук. 51, 35.*

Ни къ чему такъ часто, такъ убѣдительно не склонялъ Иисусъ Христосъ людей, какъ ко взаимной между собою любви: и однакожь, признаемся, Сл., между людьми донынѣ самый обыкновенный и самый закоренѣлый порокъ,—вражда. Въ болыше или меньше одержимы ею, какъ будто какою заразой. Вражда существуетъ и между людьми знатными и между простолюдинами, и между купцами и между ремесленниками, и между учеными, художниками, и между людьми свѣтскими и между людьми духовными. Враж-

дуютъ между собой не только чужіе или просто знакомые, но нерѣдко и такіе люди, коихъ соединяетъ родство самое кровное: враждуютъ между собою братья, супруги, родители съ дѣтьми и дѣти съ родителями. Вражда, существующая между людьми, не ограничивается одною скрытною злобой, одними оскорбительными словами; но часто, бываетъ виною такихъ тяжёлыхъ дѣлъ, которыя оканчиваются совершеннымъ разореніемъ ближняго. Однимъ словомъ, — изъ всѣхъ золъ, доселѣ угнетающихъ человѣческій родъ, вражда едва ли не есть зло самое общее, самое лютое и самое гибельное. Какъ бы счастливы были мы, Сл., и какое богоугодное совершили бы дѣло, если бы общимъ стараніемъ нашимъ, при помощи Божіей, зло это между нами искоренилось вовсе! Конечно это не легко, однако возможно, — возможно тѣмъ больше, что гнѣвъ, питаемый нами на ближняго, рѣдко основывается на чѣмъ нибудь справедливомъ; а чаще бываетъ или безъ всякихъ причинъ или по причинамъ не стоящимъ уваженія; и если вражда есть точно нѣкотораго рода болѣзнь, то можно сказать, что мы по большей части бываемъ ею больны сами отъ себя. «Какъ же излѣчиться отъ сей произвольной болѣзни?» — спросите вы. Объяснить это по возможности будетъ предметомъ настоящаго слова.

Люди злые и мстительные, обыкновенно, думаютъ, что если бы не было враговъ, то не было бы и вражды;

еслибъ ни кто имъ не дѣлалъ обидъ, то и обижаться имъ было бы не чѣмъ. «Обезоружьте, — говорятъ они, — непріятелей нашихъ; отнимите у нихъ всякую возможность вредить намъ: и мы ни въ какой враждѣ съ ними не будемъ.» Такое разсужденіе показываетъ совершенную нерасположенность къ примиренію; потому что для достиженія его предлагаетъ невозможное средство. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, такъ умягчить сердца, такъ обуздать языкъ и волю окружающихъ насъ людей, чтобы ни одинъ изъ нихъ, ни словами ни поступками, не причинялъ намъ ни малѣйшаго оскорбленія? Это значило бы то же, какъ если бы кто, подверженный частой простудѣ, сталъ требовать, чтобы врачи, для его здоровья, исправили климатъ и перемѣнили худую погоду. Не лучше ли позаботиться о укрѣпленіи своей души противъ всего непріятнаго въ общежитіи, подобно какъ укрѣпляется тѣло противъ перемѣнъ воздуха, вредящихъ здоровью? Не лучше ли пріучить самого себя быть нечувствительнымъ, или, по крайней мѣрѣ, сколь можно болѣе, равнодушнымъ ко всякой обидѣ, рукою ближняго намъ наносимой? Мы не властны удержать другаго отъ оскорбительныхъ для насъ рѣчей и поступковъ: но оскорбляться тѣмъ, или не оскорбляться, — это отъ нашей воли зависитъ.

И точно, въ понятіи о враждѣ должно различать между собою двѣ вещи: во первыхъ, обиду; во вторыхъ,

огорченіе, причиняемое сію обиженному. Часто отъ того только и происходитъ вражда, что сіи двѣ вещи, по ошибкѣ, принимаются одна за другую. Часто бываетъ, что ближній, на котораго мы во гнѣвъ, никогда и на мысли не имѣлъ сдѣлать намъ зло: но его слово, или поступокъ, сами по себѣ невинныя, почему нибудь огорчили насъ сильно; болѣзненность впечатлѣнія, полученнаго нами, мы поставляемъ въ вину тому слову и тому поступку, и на чловѣка, который сказалъ или сдѣлалъ сіе, почитаемъ себя въ правѣ сердиться. Такъ дѣти сердятся на бездушную вещь, которая, по собственной ихъ неосторожности причинила имъ боль.'

Отчего же это происходитъ, Сл., что мы часто огорчаемся тѣмъ, въ чемъ, по существу вещи, нѣтъ ничего для насъ не только вреднаго, но и обиднаго? Это происходитъ, во первыхъ, отъ нашего неразумія, которое на слова и поступки ближняго, обыкновенно, смотритъ только съ худой стороны; во вторыхъ, отъ какого-то мрачнаго расположенія души, при которомъ все окружающее насъ, сколько бы хорошо ни было само по себѣ, представляется намъ въ дурномъ видѣ; въ третьихъ, и преимущественно, отъ страстей, которыя, обладая нами, производятъ болѣзненное раздраженіе въ чувствахъ; такъ что все, противное ихъ вкусу, не можетъ коснуться до насъ, не причинивъ намъ чувствительной боли.

II во первыхъ, виною вражды бываетъ неразуміе чловѣка! *Не вѣдѣтъ бо, что творятъ*, сказалъ Спаситель о Іудеяхъ, распинавшихъ Его на крестѣ (Лук. 23, 34). *Не вѣдѣтъ*. Въ самомъ дѣлѣ, сколько ссоръ, сколько взаимныхъ неудовольствій истребилось бы въ самомъ зародышѣ, если бы люди, почитающіе себя обиженными, узнали истинныя причины тому, что ихъ въ поведеніи ближняго такъ огорчаетъ? Изслѣдуйте въ спокойную минуту вы, питающіе на кого либо гнѣвъ, заслуживаетъ ли точно, обида, сдѣланная имъ, вашего гнѣва. Быть можетъ, слова ближняго, уязвившія самолюбіе ваше, были только слѣдствіемъ опрометчиваго простодушія или нескромной шутливости. Быть можетъ, поступокъ другаго, жестоко васъ огорчившій, произошелъ просто отъ глупости, отъ необразованности, или отъ нрава по природѣ утрюмаго. Какіхъ грубостей не наговоритъ вамъ вспыльчивый чловѣкъ, въ минуты своей горячности, имѣя впрочемъ самое доброе и нѣжное сердце! На что неприличное, иногда даже дерзкое, не способенъ бываетъ рѣшиться тотъ, кого несчастныя обстоятельства жизни и службы довели до отчаянія! Легкомысліе, недостатокъ характера, болтливость, неосторожность, неопытность, даже излишняя откровенность и простота: вотъ истинныя причины многихъ рѣчей и поступковъ, въ которыхъ чловѣкъ, не знающій ни людей ни свѣта, обыкновенно подозрѣваетъ гнусную противъ себя

злоумышленность. Повѣрьте, какъ ни повреждена человѣческая природа, однако человѣкъ болѣе немогъ нежели золь; болѣе лѣнивъ къ дѣланію другимъ добра, нежели склоненъ къ устройенію чуждой гибели. Злодѣи въ собственномъ смыслѣ, то есть, дѣлающіе зло единственно по ненависти, единственно для адскаго удовольствія видѣть чужую гибель, такіе злодѣи едва ли найдутся на землѣ; а если бы и нашлись, то ихъ должно относить къ числу больныхъ, потерявшихъ здравый разумъ, которые въ очахъ мудраго заслуживаютъ одно состраданіе. Ихъ, какъ звѣрей, надобно беречься; но ненавидѣть и предавать въ жертву своему мщенію — не за что. Такъ основательное знаніе людей и свѣта, ни слишкомъ уменьшая, ни слишкомъ увеличивая недостатки свойственные человѣку, ослабляетъ печальное дѣйствіе золь, рукою ближняго намъ причиненныхъ; и искръ гнѣва, отъ сего естественно загарающей, не позволяетъ превратиться въ сильное пламя.

Во вторыхъ, вражда зависить отъ мрачнаго расположенія души. *Мужъ лрый*, по словамъ Премудраго, *устролетъ брани* (Прит. 15, 18). Есть въ природѣ человѣческой свойство — печальный памятникъ грѣха первороднаго, — свойство, которое можно назвать душевною болѣзнію, состоящее въ какомъ-то затмѣніи мыслей, въ какомъ-то ожесточеніи сердца, разслабленіи воли и притупленіи чувствъ; что все

обыкновенно сопровождается задумчивостію, тоскою и совершеннымъ охлажденіемъ къ жизни. Несчастный, съ симъ свойствомъ родившійся или получившій оное въ слѣдствіе многихъ золъ, имъ испытанныхъ, или имъ учиненныхъ, бываетъ самымъ тягостнымъ членомъ общества и семейства. Все что ни дѣлается, что ни говорится другими, кажется ему чернымъ, сквозь черное стекло его внутренней скорби. Правительство награждаетъ его общественныя заслуги: эта награда, въ глазахъ его, есть не болѣе, какъ дневная плата наемнику. Товарищи по службѣ, по торговлѣ и ремеслу ласково съ нимъ обращаются: ихъ ласки почитаетъ онъ языкомъ лицемерія и пагубною приманкой для легковѣрныхъ. Домашніе заботятся о его здоровьи, наблюдаютъ каждый его взоръ, каждое мановеніе, желая во всемъ ему угодить: ихъ нѣжная заботливость объ немъ кажется ему докучливымъ безпокойствомъ.

Его просить о милости, снисхожденіи: это тонкая сѣть враговъ, думаетъ онъ, хотящихъ уловить его въ нарушеніи справедливости. Его благодарять за оказанную помощь: это вѣжливый способъ навязываться къ нему на новыя одолженія. Напрасно вы станете измѣнять свой видъ, свое положеніе, чтобы примѣниться къ суровому нраву сего человѣка: ваше веселое лицо представляется ему насмѣшливымъ, вашъ угрюмый видъ для него подозрителенъ и опасенъ; вы начали

свободно говорить съ нимъ, — это, по его мнѣнію, дерзость; вы стали передъ нимъ молчать, — это обидная къ его словамъ невнимательность. Однимъ словомъ, люди этого свойства увѣрены, что въ разстроенномъ состояніи души ихъ виновны единственно ихъ окружающіе, и рады малѣйшему неудовольствію со стороны ближняго, чтобы имѣть случай вымѣстить на немъ то зло, которое они внутри себя терпятъ. Такъ Саулъ, одержимый недугомъ унынія, гонитъ Давида потому только, что сего доблестнаго юношу всѣ любили и почитали; такъ, въ припадкѣ бѣснованія, покушается онъ на жизнь Іонаана, когда тотъ осмѣлился сказать ему нѣсколько словъ за своего невиннаго друга.

Въ третьихъ, и всего болѣе, вражда происходитъ отъ обладающихъ человѣкомъ страстей, каковы любостяженіе, сластолюбіе, гордость и зависть. *Откуда брани и свары въ васъ?* — говоритъ св. Апостоль Іаковъ, — *не отсюду ли, отъ сластей вашихъ, воюющихъ во удыхъ вашихъ?* (Іак. 14, 1).

Человѣкъ любостяжательный ни къ кому не можетъ имѣть сердечной любви; потому что въ каждомъ изъ ближнихъ своихъ онъ видитъ или совмѣстника, раздѣляющаго съ нимъ корысть, или соперника, полагающаго преповы его обогащенію, или татя, изыскивающаго время къ похищенію его сокровищъ. Онъ ропщетъ на Правительство, будто бы требующее съ него обременительной дани; жалуется на своихъ род-

ныхъ, кровныхъ, конхъ содержаніе будто бы его въ конецъ разоряетъ. Заключая по своему холодному сердцу, онъ не вѣритъ ни чьей самой нескрѣпѣй, самой безкорыстной къ себѣ привязанности; и старостию или болѣзнію поверженный на постель, думаетъ, что его жена и дѣти, не смотря на видимые знаки печали, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ смерти его, дабы поскорѣе расточить собранное имъ богатство. Корыстолюбіе подавляетъ въ человѣкѣ все благородныя чувства и дѣлаетъ его своимъ невольникомъ. Для корыстолюбца, можно сказать, нѣтъ ни родства ни дружбы ни другихъ священныхъ узъ, соединяющихъ человѣчество. О низкая, гнусная страсть! какихъ злыхъ и пагубныхъ дѣлъ ближняго дѣла не была ты виною! Сколько добродѣтельныхъ и невинныхъ людей содѣлалось жертвою твоей ненасытности! Ты древле подстрекала языкъ Валаама изречь проклятiе на народъ Божій; ты склонила Іуду запечатлѣть уста Господни предательскимъ лобзаніемъ.

Но и сластолюбіе, Сл., или страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ не рѣже и не меньше озлобляетъ человѣка противу ближнихъ. Зараженный этою страстью бываетъ во гнѣвѣ на своихъ начальниковъ, коль скоро они къ нему строги и по дѣламъ службы взыскательны; бываетъ во гнѣвѣ и на своихъ подчиненныхъ, если сіи не такъ добры и услужливы, чтобы самимъ дѣлать все за него. При его безчисленныхъ прихотяхъ

ему всегда слишкомъ мало получаемаго имъ по должности жалованья: его тяготятъ большіе долги, нажитые лакомствомъ и щегольствомъ: онъ сердится на своихъ оброчниковъ, которые съ полей своихъ, быть можетъ, бесплодныхъ, доставляютъ ему малый доходъ. Страсть къ удовольствіямъ производитъ безпорядокъ въ гражданскомъ быту, заставляя судей склонять вѣсы правосудія въ пользу того, кто даетъ имъ болѣе способовъ для пріятнѣйшей жизни. Она же разрушаетъ и миръ домашняго общетва, вооружая отца противъ дѣтей, требующихъ непрестаннаго и не легкаго о себѣ попеченія; вооружая сына противъ родителей, желающихъ частыми выговорами и увѣщаніями, обратить заблудшаго на истинный путь. Ахъ! ни чье ухо такъ болѣно не уязвляется наставленіями, противными сердцу, какъ ухо сладострастнаго юноши. Бывали примѣры, что ревность къ исправленію людей сего свойства, стоила ревнителю самой жизни. Кому изъ васъ не извѣстно, что глава Іоанна Крестителя усѣчена по настоянію жены, обличенной въ одномъ изъ самыхъ гнусныхъ видовъ сластолюбія?

Еще злѣе, еще непріязненнѣе къ ближнему гордость, Сл.; такъ что если мы вообразимъ вражду, пускающую отъ себя отрасли черезъ каждую изъ другихъ страстей, то можно сказать, что въ гордости она имѣетъ свой корень. Гордый ни кого на свѣтѣ не знаетъ лучше себя; и какъ счастье, при всей своей

благосклонности, никогда исполнѣ не соотвѣтствуетъ его честолюбивымъ мечтамъ, то онъ вѣчно бываетъ не доволенъ тѣмъ, что его окружаетъ. Ему кажется, что Высшая власть не отдастъ всей справедливости его дарованіямъ и заслугамъ; что люди ничтожные занимаютъ съ нимъ равныя степени въ государствѣ; что тайные враги чернятъ его имя и ставятъ ему препоны на пути къ возвышенію. Ему даже пріятно вообразать себя окруженнымъ толпою завистниковъ и враговъ, которые употребляютъ все усилія къ затмѣнію славы его, подобно роямъ наскочныхъ, на время застѣняющимъ самое солнце. Числомъ непріятелей онъ измѣряетъ высоту своего генія и громкость молвы, которая нѣкогда вострубитъ о его дѣлахъ признательному потомству. Что, если счастье будетъ такъ благосклонно къ любочестивому, что, еще во время жизни, вознесетъ его на самый верхъ почестей? О тогда всякой, кто бы то ни былъ, долженъ повергаться ницъ предъ нимъ, какъ предъ кумиромъ.

Наконецъ, виновницею вражды бываетъ зависть, Гордый ненавидитъ другихъ, потому что слишкомъ много достоинствъ усвоитъ себѣ; завистливый же ненавидитъ ихъ потому, что слишкомъ мало находитъ у себя и многого желаетъ. Все чужое кажется ему несравненно лучше своего собственнаго; и тотъ передъ нимъ уже виноватъ, кто обладаетъ завидною

вещію. Напрасно было бы стараніе ваше спастись отъ ядовитыхъ стрѣлъ его взора: поелнику то самое, въ чемъ вы полагаете счастіе жизни своей, о чемъ ежедневно заботитесь, это самое и заставляетъ завистливые глаза обращаться на васъ. Вы одарены отъ природы отличнымъ умомъ, вы получили наилучшее воспитаніе, имѣете хорошій достатокъ, васъ все любятъ и уважаютъ въ обществѣ, цѣтущее лице ваше показываетъ избытокъ здоровья и душевнаго удовольствія; чѣмъ тутъ, кажется, обижаться человѣку постороннему? Однакоже это все возбуждаетъ въ сердцѣ завистливаго злость и досаду. «Почему, — думаетъ онъ, — эти дарованія и эти совершенства не у меня? За чѣмъ другіе такъ хороши и такъ счастливы?»—Одно, чѣмъ можно порадовать злобную зависть, — это недостатки и пороки ближняго, или какое нибудь горькое несчастіе, его постигающее. Увы! какою же тяжкою данью надобно покушать благосклонность у этой злой страсти. Обладаемыхъ другими страстями можно еще привлечь къ себѣ нѣкоторыми благоразумными пріемами въ своемъ поведеніи, на примѣръ, гордому кланяясь, строптивому уступая, съ корыстолюбивымъ дѣля собственную корысть: но завистливаго человѣка не привяжешь къ себѣ ни чѣмъ. Жертвуй чѣмъ угодно; для него всё будетъ мало, какъ скоро остается у тебя хотя что нибудь лишнее противъ него.

Случалось, что завистливый, не могши перенести мученія, производимаго въ немъ чужою добродѣтелью, покушался даже на жизнь того, кто противъ него ни въ чемъ не былъ виновенъ, кромѣ своей совершенной невинности. Примѣръ Авеля убитаго Канномъ, примѣръ Иосифа проданнаго братьями въ неволю, служатъ тому разительнымъ доказательствомъ.

И такъ, вотъ, Сл., источники вражды, заключающіеся въ самомъ враждующемъ человѣкѣ. Вы видѣли, какъ невѣденіе, какъ суровость права, какъ страсти вооружаютъ насъ противъ ближняго, который ни какого зла намъ не только не сдѣлалъ, но и не намѣренъ былъ дѣлать. Послѣ сего хотите ли отъ вражды нецѣлиться? Вотъ какъ опытные въ жизни духовной совѣтуютъ поступать. при семъ случаѣ. Всякой разъ, когда ближній вашъ скажетъ или сдѣластъ что либо, кажущееся для васъ оскорбительнымъ, изслѣдывайте строго и безпристрастно: не отъ васъ ли самыхъ происходитъ оскорбительность его рѣчей и поступковъ? Не ваше ли ошибочное о ближнемъ мнѣніе, не вашъ ли ни чѣмъ недовольный нравъ, не ваши ли мятежныя страсти тому дѣйствительною причиною? Уже одна мысль, что это возможно, отнимаетъ много силы у враждебнаго чувства; увѣренность, что это дѣйствительно такъ, еще болѣе охлаждаетъ его. А если присоединится къ тому стараніе истребить въ себѣ самыя причины вражды;

если невѣрныя о людяхъ сужденія замѣнятся основательными; если нравъ, по природѣ утрюмый и суровый, сдѣлается веселѣе отъ полезныхъ трудовъ; если владычеству страстей, вооружающихъ противъ ближняго, положены будутъ надлежащія границы: тогда сердце ваше и вовсе разнакомится съ тѣмъ противоположнымъ братолюбію чувствомъ, которое называютъ враждою.

Сколь дѣйствителенъ способъ сей для убрачеванія, разсматриваемой нами теперь духовной болѣзни, это покажетъ вамъ опытъ. Начните только съ самаго легкаго. У каждаго изъ васъ, конечно, есть или другъ или жена или сынъ, словомъ какойнибудь близкой человѣкъ, въ любви котораго и искреннемъ расположеніи къ себѣ вы совершенно увѣрены; легко случится можетъ, что сегодня или завтра этотъ человекъ скажетъ, даже сдѣлаетъ вамъ чтонибудь похожее на обиду. Не давайте волн первымъ движеніямъ вашего гнѣва, а подвергните случившееся спокойному суду своему. Пусть каждый изъ васъ размыслитъ: такое - то слово, такой - то поступокъ, показавшіеся мнѣ обидными, произошли отъ человека, ко мнѣ истинно привязаннаго и расположеннаго. Могъ ли онъ въ одну минуту такъ измѣниться, чтобы захотѣть сдѣлать зло мнѣ, котораго до сего времени столько любилъ? Невѣроятно; скорѣе я самъ ошибаюсь, толкуя сказанное или сдѣланное имъ въ худую сторону. При луч-

шемъ расположеніи духа, быть можетъ, я это же самое принялъ бы въ шутку. Вѣрно есть въ моемъ сердцѣ недобрая страсть, которая раздражается подобными вещами, не смотря ни на какіе совѣты разсудка. Укроицу же въ себѣ порывъ враждебнаго чувства; не позволю ни одному гнѣвному слову сорваться съ моего языка.» Размышляйте такимъ образомъ всякой разъ, когда встрѣчаете что либо непріятное отъ своихъ присныхъ; старайтесь по возможности о искорененіи въ себѣ недостатковъ и склонностей, внушающихъ противное Христіанской любви; мало по малу вы привыкнете быть снисходительными и къ непріятностямъ отъ людей постороннихъ; пріобрѣтете превосходный навыкъ терпѣнія, который крѣпче стальной брони защититъ васъ отъ всякихъ вражійхъ стрѣлъ, уязвляющихъ душу.

Ахъ, Сл., Христіане! доколь будемъ мы столь несправедливы, столь жестоки противъ ближняго, чтобы подъ предлогомъ обиды имъ учиненной, отомщать на немъ нашу собственную вину? Доколь не престанемъ, ко вреду своего собственного спокойствія, питаться плодами вражды, сохраняя въ душѣ своей ея корень и вѣтви? Кто изъ насъ тысячекратнымъ опытомъ не позналъ, что дѣйствительно вражда бываетъ у насъ плодомъ болѣею частию самороднымъ и всегда для самаго враждующаго отвратительно горькимъ? Принесемъ же все вмѣстѣ теплое моленіе Богу, да отъ

безконечно-великаго огня любви свося низпослетъ Онь въ наши хладныя сердца хотя одну искру. Если чье сердце благодатию Божіею подвиглось уже къ примиренію съ ближнимъ: тотъ своего добраго намѣренія не откладывая до утра; но нынѣ же, прямо изъ сего Святца, въ которомъ пріялъ духа любви, поди къ собрату, бывшему доселѣ предметомъ твоей непріязни, и сознайся предъ нимъ въ своемъ неправедномъ гнѣвѣ. Силь великодушнымъ признаніемъ положено будетъ прекрасное начало будущему совершенному освобожденію его отъ вражды, и совершится дѣло, хотя не громкое, не блистательное на землѣ, но такое, которое, по свидѣтельству Писанія, радуется жители Неба (Лук. 15, 7). Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ 27-ю.

изъ текста: *Видѣвъ ю Иисусъ, пригласи и рече ей: жена, отпущенъ еси отъ недуга твоего. Лук. 13, 12.*

Если бы кто передъ вами, Сл., исцѣлилъ больного въ Воскресный день; вы, думаю, не сочли бы исцѣленія дѣйствіемъ оскорбительнымъ для святости дня; напротивъ, признали бы его за поступокъ, относящійся къ пользѣ ближняго, къ славѣ имени Божія, и слѣдственно за самый приличнѣйшій Воскресному дню. Но случай рассказанный въ нынѣшнемъ чтеніи Евангелія являетъ иное. Нѣкогда Господь, уча на Иудейскомъ синагогѣ, исцѣлилъ слячепную женщину въ субботный день. Старѣйшинѣ собора показалось это такимъ дѣломъ,

которое безчестить субботу. Не отвергалъ онъ истины исцѣленія; даже, вѣроятно, предпочиталъ здоровое состояніе исцѣлѣвшей женщины болѣзненному: при всемъ томъ уничижалъ поступокъ Небеснаго Врача, какъ учиненный не во время, и строго запрещалъ больнымъ получать отъ Него врачебную помощь въ субботу: *шесть дній есть, въ нѣже достоитъ дѣлати; въ тѣя убо приходяще изълечитеса, а не въ день субботный* (Лук. 13, 14). Что было причиною такого несправедливаго, такого недоброжелательнаго, такого противорѣчащаго и разуму и совѣсти приговора? Причиною тому была страсть, обладавшая сердцемъ старѣйшины: *негодюя глаголаше*, замѣчаетъ св. Евангелистъ. Извѣстно, сколь злобились Іудейскія власти на Іисуса Христа за производимыя Имъ чудеса, видя, что сіи чудеса привлекаютъ къ Нему тысячи послѣдователей, и опасаясь, чтобы въ скоромъ времени весь народъ не устремился за Имъ, оставя синагогу пустою. Злобу эту раздѣлялъ и старѣйшина собора, о которомъ мы говоримъ. Потому, свидѣтель новаго чуда, сотвореннаго Іисусомъ Христомъ въ субботу, когда сомнѣніе предпочтительно предъ другими днями недѣли наполнялось народомъ, онъ не могъ удержаться, что бы не излить желчи своей на чудесное исцѣленіе, подъ предлогомъ ревностной защиты субботняго дня. *Шесть дній есть, въ нѣже достоитъ дѣлати; въ тѣя убо приходяще изълечитеса, а не въ день суб-*

ботный. Но, строгій блюститель закона! развѣ не видишь ты, что исцѣленіе сляченной женщины не есть человѣческое дѣло, оскорбляющее субботу, а есть непосредственное дѣйствіе всемогущества и благодати Божіей, долженствующее быть въ роды родовъ торжествомъ настоящаго дня? — «Не вижу этаго, - отвѣчаетъ озлобленный, - напротивъ, смотрю на случившееся просто, какъ на опытъ врачебнаго искусства, учиненный подѣ вліаніемъ темныхъ силъ.» — Жалкая слѣпота! Но по крайней мѣрѣ въ сердцѣ твоёмъ есть хотя нѣсколько жалости. Взгляни на множество больныхъ и убогихъ, изъ которыхъ одни едва пришли, другихъ уже принесли на носилкахъ, въ надеждѣ, что Іисусъ Христосъ сегодня исцѣлитъ ихъ также, какъ Онъ исцѣлилъ сляченную женщину. Быть можетъ, сѣи несчастные, оставленные безъ помощи, не проживутъ и до утра: а ты ихъ гонишь отсюда, не даешь имъ почерпать цѣлительныхъ струй изъ Источника, который въ другіе дни, можетъ быть заключится. — «Пускай заключаются, пускай умираютъ! - говоритъ злобствующій старѣйшина, - мнѣ что до того; лишь бы отъ неблаговременной цѣльбы не легло чернаго пятна на субботу.» — Но, безжалостный! если въ деснице Іисуса Христа, только щедрой милостями для другихъ, содержится и для тебя особенный драгоценный даръ милосердія: ужели ты откажешься принять его, по страху — оскорбить этимъ святость субботы —

го дилъ—«Отказываюсь,—вопіеть суевѣръ, отказываюсь; онъ нарушаетъ субботу!»—Вотъ дѣйствія злобы! Она ослѣпляетъ человѣка; она вооружаетъ его противъ ближнихъ; она дѣлаетъ его врагомъ самому себѣ. Впрочемъ не одна злоба въ этомъ виновна; то же самое производятъ всѣ прочія страсти. И какъ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, который бы похвалился совершеннымъ безстрастіемъ; то безъ сомнѣнія будетъ очень полезно, если мы теперь, по случаю одной вредной страсти, замѣченной въ Евангельскомъ старѣйшинѣ, побесѣдуемъ о гибельности страстей вообще.

Страсти ослѣпляютъ человѣка. Если, по мнѣнію мудрыхъ, земная истина, таящаяся въ недрахъ тѣлесной природы, неудобозрима для помраченнаго страстями ума: то что уже сказать объ истинахъ небесныхъ, которыя, для спасительнаго просвѣщенія людей, заключены перстомъ Божіимъ въ Откровеніи! Здѣсь страсти составляютъ непроницаемую завѣсу для духовнаго зрѣнія. И это естественно. Разумъ нашъ есть такое зеркало, въ которомъ мыслимыя предметы, рисуясь, оставляютъ по себѣ ничто отъ свойственныхъ имъ совершенствъ или недостатковъ. Когда любовь къ Богу обращаетъ взоры его вокругъ святаго, Божественнаго, вѣчнаго; снѣ небесные предметы удѣляютъ ему часть своей свѣтлости; и онъ, отъ самаго Богомыслия становясь постепенно чище, зорче, наконецъ пріобрѣтаетъ способность еще изъ плоти про-

зрѣвать въ тайны духовнаго міра. Напротивъ, когда страсти занимають его представленіемъ земной суеты; когда гордость внушаетъ ему честолюбивые замыслы и заставляетъ его мечтать о тѣнныхъ вѣнцахъ и трофеяхъ; когда корыстолюбіе озабочиваетъ его то изысканіемъ средствъ къ пріобрѣтенію, то сохраненіемъ нажитыхъ сокровищъ; когда плотоугодіе требуетъ отъ него изобрѣтательности въ яствахъ и напиткахъ, въ одеждахъ и жинищахъ, въ удовольствіяхъ слуха и зрѣнія, короче, во всемъ, что считаетъ въ числѣ нуждъ своихъ прихотливая роскошь: во всѣхъ сихъ случаяхъ дольнія, брешныя, грубыя вещи, приражаясь къ нашему разуму, кладутъ на него темныя пятна; и это око души, подобно стеклу запыленному, уже не пропускаетъ сквозь себя лучей духовнаго свѣта. Истина сія свидѣтельствуется многими примѣрами, изъ числа которыхъ приведемъ здѣсь одинъ самый разительный. Иудеи не признавали Мессіи въ лицѣ Іисуса Христа, хотя Божественность Его, какъ солнце, блистала въ Его ученіи, жизни и чудесахъ. Отъ чего же? отъ того, что они воображали Мессію славнымъ, могущественнымъ царемъ своимъ, который покоритъ имъ всѣ народы земные и сдѣлаетъ ихъ счастливѣйшими въ свѣтѣ людьми. Это ложное понятіе о Мессіи или, по выраженію Апостола, *покрывало*, сотканное страстями изъ грубыхъ нитей славы, корысти и чувственности, облегало ихъ умъ,—и Спаситель міра, въ

смирennomъ зракъ раба, прошелъ мимо ихъ, какъ мимо слѣпцовъ, не замѣченный.

Но есть люди, особливо въ наше просвѣщенное время, которыхъ нельзя укорить ни въ любочестіи, ни въ привязанности къ богатству и къ чувственнымъ наслажденіямъ, и которые, за всѣмъ тѣмъ, отрицаютъ догматы святой вѣры, не принимаютъ нравственныхъ правилъ, предписанныхъ Иисусомъ Христомъ. Явленіе тѣмъ удивительнѣйшее, что сіи невѣрующіе по большей части принадлежатъ къ сословію ученыхъ мужей, и даже извѣстны въ свѣтъ по своимъ блистательнымъ добродѣтелямъ. Ахъ! эти-то самыя добродѣтели, плоды утонченнаго самолюбія, эта ученость, питающая гордыню, и содѣлываютъ внутреннее око ихъ темнымъ, непроницаемымъ для свѣта Евангельскихъ истинъ. Ученость полезна, когда простираетъ испытующій взоръ на предметы, которые, по ограниченности своей, могутъ быть обняты человеческимъ разумомъ. Но надмѣнная своимъ знаніемъ, она и въ отношеніи къ предметамъ безграничнымъ уже недовѣрчива, напрягаетъ силы свои, чтобы раскрыть, изслѣдовать заветныя таинства неба: и какъ предметъ дерзкаго любопытства ея, — безконечное, — не вмѣщается въ тѣсную раму ея понятій; то она скорѣе соглашается отвергнуть бытіе непостижимыхъ предметовъ, нежели сознаться въ скудной мѣрѣ своего постиженія. Такимъ образомъ сокрыто бываетъ

отъ премудрыхъ и разумныхъ то, что знаютъ *младенцы*, водимые вѣрою (Лук. 10, 21). Добродѣтели похвальны, когда одушевляетъ ихъ любовь къ Богу и ближнему. Въ такомъ случаѣ онѣ способствуютъ даже Боговъденію, по словамъ Апостола Іоанна: *всякъ любяй знаетъ Бога* (1 Іо. 4, 7). Но, бывъ плодомъ тщеславія или пищей самоуслажденія или произведеніемъ другихъ утонченныхъ страстей, онѣ содѣлываютъ человека глухимъ и слѣпымъ относительно истинныхъ добродѣтелей Христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, пойметъ ли Фарисей, хвастающійся строгимъ исполненіемъ закона, заповѣдь о смиреніи, о сокрушеніи во грѣхахъ, когда увѣренъ, что онъ *нѣсть, якоже прогнъ человецы*? Пойметъ ли язычникъ, пріобрѣтшій имя великаго, ученіе о внутреннемъ и вѣншемъ крестѣ, когда за подвиги, совершенные имъ, считаетъ себя въ правѣ предаваться всѣмъ удовольствіямъ? Пойметъ ли отщепенецъ, превозносящійся строгими постами и частыми поклонами, урокъ братолюбія, счастье славить Бога съ другими *едиными усты и единымъ сердцемъ*, когда онъ въ сокровенной молитвѣ своей находитъ единственный пріютъ правовѣрія и всѣхъ ходящихъ въ открытые храмы клеймить именемъ вѣроотступниковъ? Сознаніе личныхъ достоинствъ, есть обязательный голосъ змѣя-искусителя, не позволяющій внимать глаголамъ вѣчнаго живота. Симонъ Петръ, при встрѣчѣ съ Господомъ, возчувствовалъ

всю грѣховность свою, и на призывающій гласъ: *срлди по Мнѣ*, отвѣчать безпрекословнымъ повинновѣемъ (Лук. 5, 11). Но приступилъ къ Спасителю юноша съ гордой увѣренностью, что все повелѣваемое въ законѣ уже исполнено имъ: и чтоже сдѣлалъ, когда Господь пригласилъ и его слѣдовать за Собою? *Отъиде скорбѣ* (Мат. 19, 22). Такъ-то страсти, посредствомъ самыхъ званій и добродѣтелей, заграждаютъ благочестію входъ въ сердце, подвластное имъ, и омрачаютъ человѣческій разумъ этими духовными пятнами не менѣе другихъ вещественныхъ.

Еще болышій вредъ причиняють онѣ, вооружая человѣка противъ ближнихъ. Уже не говорю я о гнѣвѣ, ни о мести, ни о зависти, ни о ненависти, ни о другихъ подобныхъ страстяхъ, имѣющихъ прямое направленіе ко вреду ближнихъ. Тѣ самыя страсти, по внушенію которыхъ человѣкъ, ни кому не желая зла, единственно желаетъ добра себѣ самому, вредятъ ближнимъ и, можетъ быть, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ не замѣтишь. «Я ничего не отнимаю у другихъ, - скажетъ сребролюбивый, - обогащая себя!» - Да, не отнимаешь явно, насильственно. Но откудаже взялось огромное имущество, которымъ ты владеешь послѣ недавней нищеты своей? Не изъ чужихъ ли сокровищницъ оно перелилось въ твою? Не съ уцербомъ ли для многихъ другихъ соединены твои пріобрѣтенія? Положимъ, что ты разбогатѣлъ не какими либо без-

честными средствами, а единственно своимъ благоразуміемъ. Но что значить самое благоразуміе въ дѣлѣ корысти, какъ не умѣнье возвышать цѣну на свой собственный товаръ, и изъ растроенныхъ обстоятельствъ другаго извлекать личную пользу? Не говори, что не отъ тебя разорились другіе: довольно, что твоя ненасытная алчность поглотила чуждое достояніе. Такъ ручьи, катящіеся съ горы, падаютъ по необходимости въ пропасть, лежащую у горной подошвы; не будь сей пропасти, они протекали бы дальше, орошая долину своею живительною влагой.—« Я ни кому не дѣлаю вреда, — говоритъ честолюбецъ, — стараюсь о своемъ возвышеніи! »—Нѣтъ, вредишь. Вредишь достойнѣйшимъ тебя сослуживцамъ, опереживая ихъ на поприщѣ чести посредствомъ искательства и пронырства; вредишь мѣсту службы твоей, подвергая его нареканію въ несправедливомъ распредѣленіи должностей; вредишь цѣлому обществу, занимая бесполезно высокую степень, на которой другой былъ бы отцемъ сирыхъ и защитникомъ угнетенныхъ. Излишнее желаніе блистать, не совмѣстно съ истинными достоинствами человѣка. Но положимъ, что ты совмѣщаешь въ себѣ то и другое; согласимся, что твои способности, свѣденія и труды равны твоему любочестію; что ты приобрѣлъ громкую славу дѣлами великими: и тогда, мужъ знаменитый, ты не въ правѣ назвать себя другомъ людей, оспователемъ общаго благоденствія. Ибо

страсть, управляющая тобою, подобно древнимъ исполинамъ, зиждетъ изъ самыхъ великихъ дѣлѣй столпъ, чтобы *сотворить себѣ имя*; и Господь, гордымъ противящійся, рано или поздно сокрушитъ это неудобное Ему зданіе, какъ некогда столпъ Вавилонскій. — «Я никого не обижаю» — говоритъ плотоугодникъ, утоная въ чувственныхъ удовольствіяхъ. — Не обижась? А эти самыя удовольствія твои, развѣ не обида тому классу людей, который для нихъ ежегодно приноситъ тебѣ дань, орошенную своимъ потомъ и кровію? Развѣ не похищаютъ онѣ у сирыхъ, убогихъ принадлежащей имъ доли изъ твоего имущества, пріобрѣтеннаго чужими руками? Въ то самое время, какъ ты, одѣтый въ драгоценное платье, сидишь за роскошнымъ столомъ и таешь отъ восторга при звукахъ очаровательной музыки, при видѣ сладострастныхъ картинъ, среди искусственныхъ благовопій, — въ то самое время у вратъ твоего дома, быть можетъ, лежатъ какой нибудь Лазарь нищій, больной, до котораго даже крупицы съ твоего стола не доходятъ: и это не обида? Чтоже послѣ того называть обидой, когда человѣкъ, провождающій веселую жизнь съ совершеннымъ небреженіемъ о счастьи ближняго, почитаетъ свое поведеніе безобиднымъ? Недостатокъ сострадательнаго вниманія къ другимъ есть уже порокъ, близкій къ жестокости. И на страшномъ судѣ Христовомъ станутъ по лѣвую страну не одни убій-

цы, не одни грабители и другіе злодѣи, подобные имъ; но вмѣстѣ съ ними и тѣ, которые, по исключительной заботливости о себѣ самихъ, не накормили голоднаго, не одѣли нагаго, не оказали помощи больному и заключенному (Мат. 25, 41-43).

Итъ, любители корысти, славы и чувственныхъ удовольствій! Не считайте господствующихъ надъ вами страстей безвредными потому только, что вы не желаете зла вашему ближнему. Страсти могущественны. Единственно въ угодность вамъ онѣ заставляютъ васъ рѣшиться на погубленіе чловѣка, невиннаго въ вашихъ глазахъ, но котораго гибель служить орудіемъ къ свисканію благъ, вами любимыхъ. Иуда не имѣлъ ни какихъ причинъ злобиться на своего Божественнаго Учителя; и однакожь, плѣнившись корыстью, предалъ Его за тридцать сребренниковъ. Продъ питалъ глубокое уваженіе къ Іоанну Крестителю, до того, что сначала не хотѣлъ было внимать прошенію жены, его ненавидѣвшей; но сладострастіе восторжествовало надъ нимъ, — и глава Іоаннова поверглась на блюдо. Пилать умылъ руки свои предъ народомъ въ знакъ того, что находитъ Іисуса Христа невиннымъ. Но его постраждали немилостью Кесаря, — и испуганный честолюбецъ, вопреки убѣжденію собственнаго ума и сердца, выдалъ Іудеямъ невиннаго Узника на крестную смерть.

Таковы-то страсти! Справедливо называютъ ихъ

идолами, требующими въ жертву челоѣческой крови. Но сіи лютые идола, по крайней мѣрѣ, не дѣлають ли счастливымъ того, кто имъ служить? И того нѣтъ, Сл.; напротивъ, ни кто въ цѣломъ свѣтѣ столько не терпитъ отъ страстей, сколько самъ несчастный служитель ихъ; такъ что отъ страданій, причиняемыхъ ему, онѣ получили и имя свое. Въ доказательство мы могли бы представить тысячу пагубныхъ дѣйствій, производимыхъ страстями на сердце покорное имъ; но для краткости упомянемъ токмо о трехъ важнѣйшихъ. Во первыхъ, страсти отнимають у челоѣка спокойствіе. Говоря по-христіански, весьма немногое нужно, чтобы удовлетворить существеннымъ потребностямъ челоѣка. И Творецъ, снабдивъ его необходимыми благами въ жизни, хотѣлъ, чтобы онъ, обезпечивъ въ своемъ житейскомъ быту, обращалъ всю дѣятельность свою на снисканіе царства небснаго (Мат. 6, 33).

Но этотъ плапъ, клонящійся къ облегченію челоѣка во времени и къ спасенію въ вѣчности, разрушенъ страстями. Онѣ вмѣсто небольшого количества нуждъ, приводятъ съ собою тысячи прихотей, и не даютъ времени даже подумать о вѣчномъ блаженствѣ; безпрестанно озабочивая челоѣка снисканіемъ благъ временныхъ. Такъ по требованію корыстолюбія, долженъ онъ изобрѣтать разные способы къ обогащенію своему, предпринимать смѣлые обороты,

ловить выгодные случаи, предусматривать и отстранять обстоятельства, причиняющія убытокъ. По вкусу сладострастія и тщеславія, надобно ему имѣть и столъ, обремененный роскошными яствами, и одежду изъ драгоцѣнной ткани, и жилище, украшенное произведеніями искусствъ, и прислугу многочисленную, и выѣздъ блистательный, и открытый входъ въ увеселительныя мѣста. По видамъ любочестія, нужно ему заводить и принимать посѣщенія, искать покровительства вышнихъ, окружать себя приверженными людьми, употреблять мѣры къ преодоленію соперниковъ своихъ на поприщѣ службы.... Боже мой! сколько трудовъ приметъ, сколько заботъ и огорченій вынесетъ, сколько почей безъ сна проведетъ человекъ, угождающій прихотливнымъ страстямъ своимъ! II все это для чего? Чтобы подъ конецъ жизни сказать съ Соломономъ: *суета суетствій, всяческая суета!* (Еккл. 1, 2). Во вторыхъ, страсти дѣлають людей ни чѣмъ недовольными. Есть тѣлесная болѣзнь, состоящая въ жадѣ смертельной: питіе употребляемое больнымъ не погашаетъ, а еще больше воспаляетъ ее. Какъ похожи на эту болѣзнь наши страсти! II ихъ мірскими благами, сколько ни питай, насытить нельзя. Тотъ, имѣя большое состояніе, жалуется на бѣдность свою. Другой, украшенный отличіями ропщетъ, будто начальство къ нему не внимательно. Третій, возлежа на розахъ, вздыхаетъ отъ скуки. Всѣ эти стра-

ныя явленія объясняются ненасытностью страстей. Для одержимых ими, настоящее количество благъ всегда представляется недостаточнымъ. Получаютъ въ десятеро больше противъ прежняго, — и все мало. Получаютъ во сто, тысячу кратъ болѣе, — и того не довольно. Ощущеніе скудости, кажется растеть въ нихъ по мѣрѣ возрастающаго избытка сокровищъ. Бѣдные узники страстей! Они силятся кучами земнаго хвороста и горючихъ веществъ потушить свирѣпствующее въ груди своей пламя, между тѣмъ какъ стоило бы только взлечь небеснаго хлѣба, возжаждать небесной росы, — и одна крупинка, одна капля свыше, утомила бы въ нихъ мученія ничѣмъ недовольнаго духа. Потому-то и сказалъ Спаситель: *блаженни алчущіи и жаждущіи правды!* (Мат. 5, 6.). Въ третьихъ, страсти наводятъ на человѣка грусть и поселяютъ въ немъ ненависть къ жизни. Воля, послушная просвѣщенному разуму, ограничиваетъ свои желанія, соображаясь съ теченіемъ обстоятельствъ. Но страсти, эти деспоты сердца, не взирая ни на что, требуютъ точнаго и немедленнаго исполненія всѣхъ своихъ прихотей. Какъ же заставить людей, природу и Провидѣніе служить прихотямъ одного человѣка? Обыкновенно Промыслъ не допускаетъ совершиться многимъ начинаніямъ страстнымъ; другимъ полагаетъ препону стихійная природа; иныя останавливаетъ порядокъ существующій въ обществѣ,

и часто—тѣ же самыя страсти, дѣйствующія въ другихъ. Всѣ сін неизбѣжныя препятствія повергають челоуѣка обладаемаго страстями въ уныніе, и самую жизнь обращаютъ для него въ тягость. Ему кажется, что цѣлый свѣтъ противъ него. Въ его разстроенномъ воображеніи встають страшные призраки: небо готово поразить его своими громами; земля разступается подъ нимъ, чтобы принять его въ свои нѣдра; люди, составя заговоръ, острятъ на него мечи. Онъ увѣренъ въ существованіи призраковъ сихъ; подобно несчастному гонимому звѣремъ, онъ вѣчно старается спастись отъ враговъ, и ни гдѣ спастись не можетъ; потому что носитъ ихъ въ своемъ собственномъ сердцѣ.

И такъ несомнѣнно то, Сл., что страсти ослабляютъ челоуѣка, вооружаютъ его противъ ближнихъ, и дѣлають врагомъ самому себѣ. Язычники называли ихъ борзыми конями, везущими колесницу разсудка: много чести для нашихъ губителей! Справедливѣе мы назовемъ ихъ оковами, привязывающими душу къ землѣ,—силами, влекущими въ адъ по скользкой стремнинѣ порока,—браздами, посредствомъ которыхъ діаволъ держитъ во власти челоуѣческій родъ и править имъ по своему произволу.

Св. Церковь наша сохранила въ скрижаляхъ своихъ чудное событіе, которое какъ бы нарочно воспоминается нынѣ, чтобы подтвердить истину нашихъ словъ. Говорю о знаменіи Пресвятой Богородицы въ

великомъ Новѣградѣ. Нѣкогда Рускіе Князья, побѣждаемые завистью, местию, надеждой корысти и другими страстями, осадили Новгородъ съ многочисленнымъ войскомъ. Новгородцы, не падъясь на силы свои, прибѣгли подъ покровительство Божіей Матери, и честную Икону Ея вынесли изъ храма на городскую стѣну, поставили противъ враговъ. Явленіе ея не укротило ожесточенныхъ. Тучи вражескихъ стрѣлъ упали на городъ. Тогда икона Владычицы нашей, отвратя лице свое отъ осаждающихъ, пролила слезы. И что же послѣдовало съ тѣми, которымъ страсти вложили въ руки оружіе противъ своихъ братій единокровныхъ? Они ослѣпли, и слѣпые начали убивать другъ друга.

Не въ осужденіе древнихъ соотчичей нашихъ приводится намъ на память это событіе; но для того, чтобъ мы злосчастной судьбою ихъ научились побѣждать свои страсти. И какъ побѣда надъ столь могущественными врагами не можетъ быть одержана безъ Божіей помощи: то каждый, кто носитъ на себѣ ихъ губительное ярмо, да приступитъ нынѣ въ слѣдъ за сляченной женой ко Іисусу Христу и да воззоветъ словами Церковной, молитвенной пѣсни: *Отъ юности моя мнози борютъ мя страсти; но Самъ мя заступи и спаси, Спасе мой! Аминь.*

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ 28-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Изъ текста: *И нагаша вкупѣ отрицатися вси. Первый рече: село купихъ и имамъ нужду изыти, и видѣти с. Другій рече: супругъ во-ловъ купихъ пять, и гряду искусити ихъ. Другій рече: жену полхъ, и сего ради не могу прійти. Лук. 14, 18-20,*

Вотъ, Сл., Евангельское изображеніе людей, кото-
рые подъ извѣстными предлогами уклоняются отъ
обязанностей благочестія. Не говорятъ званые на
вечерю съ грубостію: «мы не хотимъ идти къ зову-
щему насъ; что намъ у него дѣлать? лучше гораздо
дома остаться.» Но уклоняясь отъ приглашенія вѣж-
ливымъ образомъ, отвѣчаютъ посланному рабу: «из-
вини насъ передъ своимъ господиномъ. Мы рады бы
всею душею раздѣлить вечерю съ нимъ, да— право,
нельзя. Одному изъ насъ надобно съѣздить въ свое

новое помѣстье; у другаго куплено пять паръ воловъ, которыхъ нужно испробовать; а третій не давно женился.» Отговорки, какъ видите, пустыя: ими доказывается только холодность званыхъ къ учредителю вечера и совершенное нерасположеніе вечерять у него. — Подобнымъ образомъ отвѣчаютъ многіе на гласъ Божій, зовущій ихъ на духовную вечерю или въ царство небесное. Не осмѣливаются прямо, открыто отвергать Христіанскихъ обязанностей; а дѣлаютъ это скромно, лукаво: признаютъ свой долгъ передъ Богомъ, допускаютъ необходимость попеченія о душѣ, и вмѣстѣ пренебрегаютъ всѣмъ этимъ, извиняя свою небрежность причинами благовидными. Одинъ, на примѣръ, приводитъ въ оправданіе небрежности молодая лѣта свои; другой извиняетъ ее своимъ состояніемъ; третій въ защищеніе ея ссылается на житейскія хлопоты. Всѣ говорятъ: «мы съ радостью занялись бы дѣломъ спасенія, но, право, не можемъ. Тысяча неодолимыхъ препятствій не позволяетъ намъ такого занятія.» И сін отговорки людей, уклоняющихся отъ участія въ духовной вечери или въ царствѣ небесномъ, не суть ли, по всей справедливости, также пустыя и также ни чего другаго не доказывающія, кромѣ ихъ преступной холодности къ Богу и пагубнаго нерадѣнія о душѣ своей?

Впрочемъ, какъ ни ложны и предосудительны сами по себѣ представленные отговорки, однакожь тѣ,

которые ими пользуются, увѣрены въ основательности и невинности ихъ. И такъ долгъ пастыря обличить сіе заблужденіе: а заблуждающіе да приклоняются къ обличенію внимательный слухъ.

Первымъ предлогомъ къ увольненію себя отъ обязанностей благочестія употребляется молодость. На проступки юнаго возраста многіе весьма снисходительно смотрятъ и говорятъ о виновномъ, потворствуя: «человѣкъ молодой! ему простиительно это.»—Тѣмъ больше такъ судятъ о своихъ поступкахъ сами виновные юноши. И если вы попытаетесь сдѣлать кому изъ нихъ выговоръ за беспорядочное поведеніе и напомнить о должностяхъ Христіанина, о томъ, что надобно съ юныхъ лѣтъ посвящать себя на служеніе Богу, на подвиги добродѣтели, онъ навѣрное возразитъ вамъ: «а когдажъ молодому-то человѣку и пожить въ свое удовольствіе, коли не въ цвѣтущіа лѣта? Другой весны для меня ужъ не будетъ. Надобно спѣшить наслажденіемъ, пока чувства не притупились. Время для благочестивыхъ дѣйствій у меня еще не уйдетъ. Успею намолиться и въ старости!»

«Успею, еще будетъ время!»—Слова сии, относясь къ исполненію Христіанскихъ обязанностей, значатъ почти тоже, что никогда. Разсуди съ нами самъ, легкомысленный юноша, откладывающій дѣло спасенія своего до старости. Кто увѣрилъ тебя, что ты до старости доживешь? Не разрушаетъ ли сей увѣ-

ренности опытъ? Сколько людей сражено косою преждевременной смерти! Сколько здоровыхъ, красивыхъ, веселыхъ юношей застигнуто роковымъ ударомъ на ложѣ пѣгн или за чашей веселія, когда, въ упоеніи счастья земнаго, они льстили себя Маѳусаловымъ вѣкомъ! Неизвѣстность послѣдняго дня заставляетъ скорѣе бояться его скорого приближенія, нежели обольщать себя его отдаленностью. Особенно сомнительно долголѣтіе чловѣка, живущаго вопреки правиламъ благочестія. Или не знаешь откровенной истины, что *страхъ Господень прилагаетъ дни, лѣта же нечестивыхъ умяляются*? (Прпт. 10, 27).

Но положимъ, что, по допущенію Божія Промысла, ты поспѣешь въ вольномысліи и развратѣ, — чтожь? Ставши на послѣднюю ступень чловѣческой жизни, думаешь ли исправиться, угодить Господу безъ труда? О, нѣтъ! если и теперь тяжело тебѣ воздерживаться отъ пороковъ, то подъ старость будетъ вдвое тяжелѣе. Навыкъ грѣховный не такого свойства: чтобъ ему проходить вмѣстѣ съ лѣтами; напротивъ, онъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ сильнѣе становится. Это горный потокъ, котораго быстрина возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ долу. Это пламя, которое дѣлается тѣмъ выше и шире, чѣмъ больше питаютъ его горючими веществами. Легко {въ преклонныхъ лѣтахъ измѣнить добродѣтели: потому что и отъ старца она требуетъ величайшихъ усилій.

Но порокъ состарѣвшійся — то же, что запущенная болѣзнь.

И прилично ли на дѣло спасенія опредѣлять такой возрастъ, въ которомъ человѣкъ, подъ бременемъ лѣтъ, едва влачитъ свои ноги! Разумъ тупѣетъ у старца, сердце его становится хладнымъ, воля слабѣетъ, чувства измѣняютъ своему назначенію, члены отказываются отъ своего служебнаго долга: онъ подобенъ угасающему свѣтильнику или ветхой храмникъ, готовый въ скоромъ времени развалиться. И это время человѣческаго увяданія, этотъ періодъ немощей и болѣзней, опредѣляешь ты на служеніе Богу, тогда какъ самая лучшая, цвѣтущая часть твоей жизни проводится въ угожденіи міру и плоти. Тѣло здоровое, сильное, бодрое упражняешь ты въ занятіяхъ суетныхъ; а тѣлу драхлему, болѣзненному, полумертвому предоставляешь совершить подвигъ священный! Душу свѣтлую, чистую, пламенную приносишь ты въ жертву грѣху; а душою помраченною, занятіанною, оледенѣлою сбираешься пожертвовать добродѣтели!

Стыдись, юноша, такого превратнаго сужденія о вещахъ: оно показываетъ неизвинительную халодность къ Христіанскимъ обязанностямъ, непростительную небрежность о вѣчномъ спасеніи. Какъ можно откладывать до старости то, что, по ученію Господа Іисуса Христа, составляетъ ежедневный, ежеминутный нашъ долгъ, — съ чѣмъ духовная жизнь наша также тѣсно со-

пряжена, какъ тѣлесная съ дыханіемъ или біеніемъ сердца! Развѣ ты скажешь, что благочестіе въ юныхъ лѣтахъ неудобно? Напротивъ, сердце юноши еще довольно мягко, воля его еще довольно гибка, чтобы склоняться ко всему доброму. Еще грѣхъ не успѣлъ получить надъ нимъ неограниченной власти. Еще заботы житейскія не опутали его своими сѣтями. Чего лучше поры для вѣренія сѣмянъ Слова Божія душѣ человѣческой, и какую богатую жатву добродѣтелей она обѣщаетъ! Или скажешь, что юныя лѣта не нуждаются въ благочестіи? Неправда; юноша подобенъ пловцу, въ бурное время плывущему моремъ, исполненнымъ подводныхъ камней. Буря страстей свирѣпствуетъ въ груди его; камни преткновенія у него подъ ногами. И горе несчастному, если кормило вѣры не управитъ его волнусмой ладіи! Онъ будетъ поглощенъ бездною близъ самаго берега. Скажешь ли, наконецъ, что къ юному возрасту вовсе нейдетъ благочестіе? И это несправедливо. Самое приличіе требуетъ, чтобъ крѣпкому суженію и красивой наружности молодого человѣка соответствовали его душевныя качества: твердость въ вѣрѣ и непорочность права. Спаситель такъ тѣсно соединилъ одно съ другимъ, что представилъ отрока образцомъ для нищихъ небснаго царства. А св. Церковь, изображая Ангеловъ въ видѣ юношей благолѣпныхъ, тѣмъ самымъ внушаетъ, что сколько Ангеламъ прилично юношеское тѣло, столько же юношамъ при-

лична Ангельская душа. Такимъ образомъ все: и удобность и нужда и приличіе призываютъ юношей подъ знамена Христіанскаго благочестія; и нѣтъ ни одной причины, которая бы позволяла имъ откладывать дѣло спасенія даже до утра, не только до старости.

Второй предлогъ, подъ которымъ уклоняются отъ исполненія должностей Христіанскихъ, имѣетъ не болѣе вѣса. Многіе изъ свѣтскихъ людей, особливо богатыхъ и знатныхъ, говорятъ: «состояніе наше не позволяетъ намъ пещись о душевномъ спасеніи. Мы люди мірскіе; наше ли дѣло спастись? И что скажили бы въ свѣтъ объ насъ, еслибъ мы стали провоздѣвать жизнь, приличную ищокамъ! Можетъ быть, мнѣніе свѣта и несправедливо въ семъ случаѣ: но виноваты ли мы? Покрайней мѣрѣ оно издавна принято всеми. Какъ пойдешь одинъ противъ общаго мнѣнія: назовутъ страннымъ, смѣшнымъ, — участь весьма незавидная!»

Прискорбно слышать подобныя рѣчи. Что онѣ показываютъ, если не оскудѣніе здраваго разума. Стыдишься благоговѣйными знаками изъяслять свое смиреніе передъ Тѣмъ, Ему же, яко Творцу вселенскихъ, покланяется солнце, луна и все свѣтлѣе небесныхъ! Стыдишься съ ликами Ангеловъ предстоять алтарю, на которомъ приносится безкровная Жертва, и, по недостатку достойныхъ рѣчей, изливать свое сердце въ слезахъ благодарности! Стыдишься, по примѣру

св. Апостоловъ, мучениковъ и прочихъ святыхъ мужей, взять на себя крестъ Христовъ, и путемъ Евангельскихъ добродѣтелей шествовать отсель ко вратамъ царства небеснаго! Боже мой! да чтожь будетъ на землѣ честнымъ, похвальнымъ, ежели это постыдно? Что останется высокаго, священнаго у людей, если самое благочестіе, равняющее ихъ съ Ангелами и соединяющее съ Божествомъ, лишится между ними достоюжнаго уваженія? Нѣтъ, кто бы ты ни былъ, о человекъ, краснѣющій при имени Христіанина! Помысли только о предметъ, заставляющемъ тебя краснѣть, и ты устыдишься, устрапишься стыда своего.

Но скажешь: ая и радъ бы жить по-христіански, да боюсь людскаго суда. Меня осудятъ за набожность. — «Осудятъ? Кто же? Въ случаѣ порицанія, также какъ и въ случаѣ похвалы, должно смотрѣть на самыхъ людей, дѣлающихъ отзывъ объ насъ, чтобы дорожить похвалою, если одобряющіе достойны почтенія, и пренебрегать порицаніемъ, если порицающіе сами заслуживаютъ его. Кто же, скажи, осудитъ тебя за благочестивую жизнь? Неужели родители, воспитывающіе дѣтей своихъ въ страхъ Божіемъ? Неужели начальники, пекущіеся о доброй нравственности своихъ подчиненныхъ? Неужели наставники, сѣющіе добрыя сѣмена на югомъ сердецъ питомцевъ? Неужели духовные Пастыри, или вѣрныя

чада Церкви Христовой, совершающія на землѣ Божіе дѣло? Безъ сомнѣнія, никто изъ сихъ достопочтенныхъ судей не отзовется укоризненно о дѣйствіяхъ набожныхъ; напротивъ, всякой изъ нихъ порадуется тому, всякой благословитъ усердіе и ревность своего сотрудника въ вертоградъ Господнемъ. Кто же осуждать тебя будетъ? Осудятъ поклонники мірской суеты, теряя въ тебѣ сотоварища, который участіемъ своимъ умножилъ бы число ихъ выгодъ и удовольствій; осудятъ люди легкомысленные, для которыхъ кажется преступленіемъ то одно, что ты живешь не по правиламъ принятымъ въ свѣтѣ, каковы бы сѣи послѣдніа ни были; осудятъ люди безбожные, встрѣчая въ тебѣ врага, который сильнѣйшимъ изъ всѣхъ доводовъ, — жизнью, пренираетъ ихъ суетумудріе; осудятъ люди развратные, оскорбляясь тѣмъ, что твое поведеніе, подобно свѣтильнику, обличаетъ ихъ гнусную тьму и служитъ имъ укоризною въ дѣлахъ беззаконныхъ. Вотъ твои обвинители! И ихъ-то худаго мнѣнія о себѣ ты боишься? Да развѣ хочешь, чтобъ они хвалили тебя? Одобреніе злыхъ есть улика въ виновности. *Горе*, говоритъ Спаситель, *егда добръ рекуть вамъ сѣи человецы* (Лук. 27, 26).

« Все же, — говоришь, — лучше такъ жить, какъ живетъ большая часть. Общій примѣръ служитъ закономъ для каждаго. Ужели одному идти на перекоръ всѣхъ? » — Непремѣнно должно: потому что всѣ

поступающіе противъ Евангельскаго ученія заблуждаютъ. Многолюдство можетъ служить закономъ поведенія въ свѣтъ, гдѣ каждый повинуется принятымъ правиламъ, примѣняется къ общему вкусу. Въ дѣлѣ Религій совсемъ напротивъ. Здѣсь многолюднѣйшая сторона и есть всегда та, къ которой не надобно приставать, подъ опасеніемъ вѣчной гибели; здѣсь, чѣмъ далѣе отъ правовъ и обычаевъ вѣка, тѣмъ ближе къ царствію Божію. Издревле благочестивые мужи уклонялись отъ общенія съ міромъ, чтобы не раздѣлять его бѣдственной участи. Ной отдѣлился отъ всѣхъ своихъ нечестивыхъ современниковъ, надъ которыми уже висѣло всемірное наводненіе. Авраамъ оставилъ отечественную землю, какъ скоро стало въ ней распространяться идолопоклонство. Лотъ вышелъ изъ Содома, обреченнаго небесному огню за крайній развратъ его жителей. Вотъ достойные примѣры для тебя, мірянинъ, если ты помышляешь о своемъ благѣ духовномъ! Пусть все около тебя тонетъ въ законопреступныхъ удовольствіяхъ плоти; ты, подобно Ною, спасайся въ ковчегъ Христіанскаго воздержанія. Пусть отъ огня, возженнаго пороками, горитъ въ людяхъ совѣсть со стыдомъ, и тлѣютъ благіе обычаи: ты, подобно Лоту, не озираясь бѣги изъ Содома на гору Евангельскихъ добродѣтелей. Пусть цѣлыя тысячи въ глазахъ твоихъ, вмѣсто истиннаго Бога, преклоняютъ колѣна предъ идолами страстей: ты, подобно Аврааму, оставляй Бого-

отступное сонмище, въ которомъ поставленъ, и уходитъ оттолѣ въ пустыню сердечную, чтобы здѣсь, посредствомъ молитвы, лицомъ къ лицу бесѣдовать съ Господомъ.

И вотъ, Сл., сколько слабо основаніе втораго предлога. Третій предлогъ, подъ которымъ весьма многіе освобождаютъ себя отъ Христіанскаго долга, — это обязанности и заботы житейскія. Люди служащіе и семейные говорятъ: «мы бы не прочь отъ исполненія должностей Христіанскихъ, да разныя ежедневныя хлопоты по службѣ, по хозяйству, по семейству, по родственнымъ и дружескимъ связямъ, отнимаютъ у насъ все время. Намъ некогда и подумать о душевномъ спасеніи.»

«Некогда!» Хорошо бы такъ отговариваться отъ занятій суетныхъ, безполезныхъ и вредныхъ, а не отъ такого святаго дѣла, какъ благочестіе.—«Некогда! мы подавлены безчисленнымъ множествомъ нуждъ!»—А развѣ благочестіе не есть также нужда для человѣка, и нужда самая главная? Развѣ угождать Богу и щеніе о спасеніи души не есть такое дѣйствіе, которымъ Христіанинъ обязанъ начинать и оканчивать день, которое освящаетъ все его земные труды и занятія, посредствомъ котораго нисходитъ свыше благословеніе на его домъ и семейство, на его пищу и сонъ, на его *исхождение и вхождение*? Къ несчастію, порядокъ человѣче-

скихъ дѣлъ измѣняется нынѣ; и то, что бы должно было стоять во главѣ ихъ, отлагается на послѣднее мѣсто. При несмѣтномъ числѣ попеченій житейскихъ недосугъ стало заниматься Божіимъ дѣломъ, тогда какъ слѣдовало бы посвящать на него столь много времени, чтобъ дѣлатель въ вертоградѣ Господнемъ не зналъ, когда ему на себя поработать.

Никто не думай, будто обязанности должностнаго и семейнаго чловѣка не совмѣстны съ обязанностями Христіанина, и будто для успѣшнаго исполненія однихъ надобно бросить другія. Правитель міра сочетаваетъ сіи обязанности, возлагая ихъ на рамена одного чловѣка; различаетъ ихъ самъ чловѣкъ, увеличивая одно бремя тысячею тяжестей произвольныхъ, и лѣнясь коснуться до другаго даже перстомъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа заботъ лежащихъ на васъ, какъ на членахъ семейства и общества, исключите, во первыхъ, заботы излишнія; во вторыхъ, заботы пустыя; въ третьихъ, заботы несообразныя съ духомъ Евангельскимъ; сколь легко сдѣлается тогда для васъ бремя Христово.

Не заботы мѣшаютъ благочестію, а заботливость непомѣрная. Кто приучилъ себя довольствоваться немпогимъ, тому послѣ дневныхъ попеченій о тѣлѣ всегда останется много времени для души. Если онъ здоровъ, сытъ, одѣтъ и въ теплѣ; для него довольно,

онъ уже благодаритъ Творца своего. Будущее съ возможными недостатками, потерями, лишеніями у него на умѣ, а не въ сердцѣ. Не беззаботный въ разсужденіи его, онъ однакожь спокоешь, уповаю на Господа, питающаго даже птицъ небесныхъ и одѣвающаго траву, полевую (Мат. 17, 26-30). Напротивъ, неограниченное желаніе временныхъ благъ, дѣлаетъ человѣка излишне заботливымъ. Пока у него ни чего нѣтъ, онъ трудится день и ночь, чтобы получить любимыя блага; получивши, чувствуетъ малость добычи своей и тѣнитъ умножить ее. Умножаетъ, — и тутъ ли конецъ заботамъ? Нѣтъ, еще больше начинаетъ беспокоиться онъ, представляя, какъ трудно сохранить и какъ легко потерять пріобрѣтенное. Его удѣлъ, то и дѣло вскатывать на гору камень, который коснувшись вершины валится внизъ и заставляетъ своего несчастнаго труженика снова браться за работу. При такой неутомимой, непрерывной хлопотливости о земномъ, мудро ли, что у человѣка не остается ни сколько времени для благочестивыхъ занятій; будь онъ побезпеченъ касательно тѣшняго, найдется время и для того, чтобъ позаботиться о вѣчномъ.

II пусть бы недостаткомъ времени для набожныхъ дѣйствій, извинили себя бѣдные люди, у которыхъ цѣлая жизнь проходитъ въ снисканіи насущнаго хлѣба; но часто отъ благочестія отзываются недосугомъ люди такіе, у которыхъ все существенныя блага жизни въ

избыткъ, которые не несутъ ни гражданскихъ, ни семейственныхъ должностей, и имѣютъ столько свободнаго времени, что, кажется, и дѣвать его некуда. Между тѣмъ имъ дѣйствительно не досугъ заниматься Божіимъ дѣломъ. Каждый день у нихъ наполненъ дѣлами другими; всѣ часы во дни распредѣлены, каждая минута рассчитана. Въ чемъ же проходятъ ихъ время? Встаютъ, одѣваются, посѣщаютъ знакомыхъ, прогуливаются, обѣдаютъ, идутъ къ кому нибудь на вечеръ, берутъ мѣсто на зрѣлищѣ, — и только. Мѣлочныя занятія! но праздничное приписываетъ имъ важность: ни одного изъ нихъ нельзя ни отмѣнить, ни отсрочить, ни даже сократить. Все надобно выполнить непременно и выполнить съ точностію, въ назначенный срокъ. По истинѣ у людей, живущихъ такимъ образомъ, не найдется ни минуты свободной для упражненія въ благочестіи; но правы ли они, занимаясь каждый день съ утра до вечера пустыми дѣлами?

Не говорю уже о занятіяхъ несообразныхъ съ духомъ Евангельскомъ, которыхъ въ свѣтъ не мало, и которыя у любителей своихъ похищаютъ едва ли не половину каждаго дня. Для чего обличать въ Храмъ Божіемъ то, что даже внѣ его не пользуется одобреніемъ! Сами люди, убивающіе въ непозволительныхъ упражненіяхъ время, которое бы слѣдовало посвятить благочестію, чувствуютъ свою безотвѣтность предъ Богомъ, и если дерзаютъ оправдывать себя въ

опущеніи Христіанскаго долга, то не иначе, какъ раз-
въ тономъ шутки или языкомъ глумленія.

И такъ, когда вся трудность въ дѣлѣ спасенія за-
виситъ отъ неумѣренности, безполезности и законопре-
ступности нашихъ земныхъ попеченій: то для чего
мы лжемъ, извиняя свое косненіе во грѣхахъ недосу-
гомъ? Для чего клеветаемъ на вѣру Христову, думая,
будто она, предписывая благочестіе людямъ должно-
ственнымъ и семейнымъ, требуетъ отъ насъ невозмож-
наго, и будто мы, для угожденія Богу, должны не-
премѣнно бросить свои дома, удалиться изъ города и
затворясь въ иноческой келліи, освободиться отъ всѣхъ
попеченій житейскихъ? Нѣтъ, можно спастися и въ
мірѣ, пребывая въ томъ званіи, въ которое каждый
изъ насъ призванъ отъ Бога. Можно пещись о стро-
гомъ исполненіи обязанностей, какія мы имѣемъ въ
отношеніи къ себѣ и ближнимъ, ни сколько тѣмъ не
уменьшая заботливости о главнѣйшихъ нашихъ обя-
занностяхъ въ разсужденіи Бога. Будь честенъ, пра-
вдивъ, рачителемъ, безкорыстенъ, услужливъ; старай-
ся о воспитаніи полезныхъ обществу слугъ; оказывай
сыновнюю покорность Государю и властямъ отъ него
учиненнымъ; бойся обогатиться или возвыситься на
счетъ другаго и жертвуй своимъ личнымъ благомъ
отечеству. Вотъ сокращеніе существенныхъ обязанно-
стей, лежащихъ на человѣкѣ, какъ на членѣ общества
и семейства! Пусть онъ неусыпно трудится въ испол-

неніи ихъ: такая дѣятельность неразлучна съ упражненіемъ въ благочестіи.

Отцы Церкви, опровергая минимую невозможность спасенія въ мірѣ, указываютъ на многихъ мужей и женъ, которые, живя среди міра, обременяясь заботами, соотвѣтственно состоянію и служенію ихъ, тѣмъ не менѣе пеклись о душѣ своей, и умѣли угодить Господу Богу. «Я знаю,—говоритъ Св. Златоустъ,—что многіе отговариваются отъ повиновенія закону Господню и отъ попеченія о душѣ своей: одни тѣмъ, что ведутъ брачную жизнь; другіе тѣмъ, что обременены большимъ семействомъ; третьи тѣмъ, что обязаны жить прилично своему свѣтскому сану; иные хлопотами купеческаго или тревогами военнаго званія; нѣкоторые своею бѣдностью, принуждающею ихъ работать и въ потѣ лица снискивать насущное пропитаніе. Выслушайте же меня,—продолжаетъ сей великій Учитель,—по моему мнѣнію, нѣтъ ни состоянія, ни должности въ свѣтѣ такихъ, въ которыхъ бы нельзя было, вопреки вашимъ отговоркамъ, стяжать отличную святость. Ты человѣкъ женатый: Моисей былъ также женатъ. Чтожь мѣшаетъ тебѣ, подобно какъ онъ, удѣляться каждый день для бесѣды съ Господомъ о предметѣ спасенія твоего и для испрашиванія Его благодати? — У тебя много дѣтей: у матери Макавеевъ было ихъ семеро; однакожь это не помѣшало ей сдѣлаться праведною и предпочесть, когда слѣ-

довало, любовь къ Богу матерней нѣжности. — Ты человекъ знатный, тебѣ надобно являться въ обществѣ съ блескомъ: такъ, но Давидъ, Іосія и Езекия, конечно, не уступали тебѣ въ знатности; и однакожъ бремя государственныхъ дѣлъ не удерживало ихъ отъ тѣснаго молитвеннаго общенія съ Господомъ; они сохранили смиреніе на престолахъ и жили среди двора своего, не заражаясь его пороками. — Ты судія: самая должность обязываетъ тебя быть добродѣтельнымъ. Какъ судилъ въ народѣ Израильскомъ нѣкогда Самуилъ! Послѣдуй его примѣру, и твое служеніе будетъ безукоризненно; оно представитъ тебѣ случай и средства къ совершенію героическихъ добродѣтелей. — Ты богатъ: но Авраамъ, думаю, былъ богаче тебя. Будь же подобно ему, отцемъ сирыхъ, угодителемъ странныхъ, защитникомъ и питателемъ нищихъ, — и богатства послужатъ тебѣ не малымъ пособіемъ къ достиженію святости. — Ты бѣденъ и бѣдность подвергаетъ тебѣ болѣзнямъ: посмотри на бѣднаго Лазаря, которому болѣзненная нищета отвергла Авраамовы нѣдра. — Ты ремесленникъ и работаешь цѣлый день до полуночи, чтобы прокормить свою семью: но Св. Іосифъ, обручникъ Божіей Матери, не былъ ли древодѣль? И упражнялся въ ремеслѣ, не удостоился ли стать въ ликъ Святыхъ за свои рѣдкія добродѣтели? — Ты находишься въ военной службѣ: чтожь? Сотникъ Евангельскій, также какъ и ты,

ходить на войну, и одинакожь имѣлъ въ себѣ столько вѣры, столько ревности и любви, что самъ Сынъ Божій въ немъ этому удивлялся.» — Такъ краснорѣчивѣйшій изъ Отцевъ Церкви обличаетъ неосновательность предлога послѣдняго.

Словами его мы заключимъ нашу бесѣду, которая содержитъ въ себѣ три истины, вопреки тремъ неосновательнымъ отговоркамъ отъ жизни благочестивой. Первая отговорка молодыхъ людей, будто заниматься благочестіемъ для нихъ еще рано, опровергается, съ одной стороны, опасеніемъ преждевременной смерти, страхомъ отчаяннаго закоснѣнія во грѣхахъ и неспособностію престарѣлаго человека къ подвигамъ Христіанскимъ; съ другой, свойствами юнаго возраста, въ которомъ сіи подвиги и удобны и нужны и приличны. Вторая отговорка — свѣтскихъ людей, будто имъ упражняться въ благочестіи стыдно, опровергается возвышенностію самаго благочестія, предосудительностію лицъ, порицающихъ оное, необходимостью устраниваться отъ міра, и обязанностию приводить за собою другихъ на путь истины. Третья отговорка — людей домашнихъ и семейныхъ, будто имъ исполнять правила благочестія некогда, опровергается необходимостью жизни благочестивой, множествомъ попеченій излишнихъ, безполезныхъ и несообразныхъ съ духомъ Евангельскимъ; совмѣстностью мірскихъ

должностей съ служеніемъ Богу, и примѣрами весьма многихъ мужей и женъ, спасшихся въ міръ. Господь Іисусъ Христосъ благодатию своею да екоренить сѣи спасительныя истины въ наши сердца и отъ сѣмени ихъ да произрастятъ для васъ *плодъ во святыню*. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ 36-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

изъ текста: *Иисусъ спроси его глаголя: что хочешь, да ты сотворю? Онъ же рече, Господи, да прозрю. Лук. 18, 41.*

Близъ дороги, ведущей въ Иерихонъ, сидѣлъ однажды какой-то нищій слѣпой. Услышавши отъ проходящихъ, что мимоидеть Иисусъ Христосъ, онъ громко возопилъ: *Иисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя.* Иисусъ остановился и спросилъ; чего ты отъ меня хочешь? Когда же слѣпой отвѣчалъ: *Господи, да прозрю;* то Господь сказалъ ему: *прозри; вѣра твоя спасе тя* (Лук. 18, 42).

Эта Евангельская исторія сколько трогательна, столько же и поучительна должна быть для насъ, Сл! Тро-

гательна потому, что мы слышимъ о чудесномъ возвращеніи одному изъ ближнихъ нашихъ зрѣнія, чувства столь необходимаго и драгоценнаго. Поучительна потому, что примѣръ прозрѣвшаго слѣпца побуждаетъ насъ обратиться къ тому же Іисусу Христу съ горячею мольбою о нашемъ прозрѣніи собственномъ. Но развѣ мы слѣпы?—подумаешь кто нибудь.—Точно слѣпы, только очами не тѣлесными, а духовными; видимъ по большей части одну обманчивую наружность вещей, а самого существа во глубинѣ ихъ сокрытаго, истинной цѣли, для которой онѣ существуютъ, не видимъ. Такъ на примѣръ, здѣшняя временная жизнь представляется многоимъ изъ насъ порою, назначенною для пріобрѣтенія земныхъ сокровищъ; другіе смотрятъ на нее, какъ на краткій, данный человеку, срокъ наслажденія; а нѣкоторые даже принимаютъ ее за конечную цѣль человѣческаго бытія. Всѣ сіи и подобные имъ взгляды на жизнь, не обнаруживаютъ ли жалкой слѣпоты нашего духа? Ибо извѣстно, что та же самая жизнь, въ неогрѣшительныхъ писменахъ Слова Божія, изображается вовсе иначе; и святые мужи, обладавшіе духовною прозорливостію, имѣли объ ней совершенно противоположныя мысли. Чтоже намъ дѣлать при такой слѣпотѣ, которая мѣшаетъ здраво судить о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ? Пока Господь Іисусъ Христосъ не отверзъ еще намъ самимъ духовныхъ очей, мы должны въ сужденіяхъ своихъ даже

о земномъ руководствоваться опытною чуждаго зрѣнія. И такъ весьма хорошо сдѣлаемъ мы, если при началѣ новаго года, и какъ бы вступленіи на новос поприще жизни, постараемся узнать изъ Священнаго Писанія и отъ Боговдохновенныхъ учителей Церкви, что такое дѣйствительно настоящая наша жизнь, и изъ здраваго объ ней сужденія вывести нѣсколько полезныхъ правилъ, относящихся къ нашему поведенію.

Во первыхъ, по ученію Слова Божія, настоящая жизнь есть время, назначенное для подвиговъ добродѣтели. Она изображается въ немъ не иначе, какъ пощною страждою, въ продолженіе которой должно бодрствовать, ожидая пришествія Господня (Мат. 26, 45 — 51); полемъ или вертоградомъ, которые надобно воздѣлывать, для принесенія Богу пріятныхъ плодовъ (Мар. 4, 3 — 9, Мат. 20, 1 — 16); поприщемъ непрестанной борьбы со врагами духовными, каковы плоть, міръ и діаволъ (1 Сол. 5, 8). Проходя путь земной жизни, заботься единственно о томъ, какъ бы исполнить съ надлежащею точностію законъ Господень, или, говоря иначе, какъ бы спастися: вотъ сокращеніе всего того, что въ Священномъ Писаніи повелѣвается дѣлать на землѣ человѣку. Не воспрещены ему и прочіе предметы полезной дѣятельности, каковы упражненія домашнія, занятія по службѣ: но все таковыя дѣла его должны быть проникнуты и одушевлены благочестіемъ. Съ сей точки зрѣнія смотрѣли на жизнь и благочес-

тивыя Пастыри Церкви, какъ видно изъ ихъ драгоцѣнныхъ писаній, уцѣлѣвшихъ до нашего времени. Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бесѣдѣ своей говоритъ: «какъ наемникъ цѣлый день работаетъ своему господину, и употребляетъ одинъ только часъ на укрѣпленіе себя пищею; такъ и мы съ утра до вечера жизни своей должны непрестанно служить Господу Богу, удѣляя самую малую часть времени на мірскія занятія.» И вотъ первый правильный взглядъ на жизнь, получаемый нами изъ Священнаго Писанія и Отеческихъ книгъ!

Во вторыхъ, поученію Слова Божія, настоящая жизнь есть періодъ испытанія человѣка посредствомъ различныхъ скорбей. Съ тѣхъ поръ, какъ, разгнѣванный преслушаніемъ прародителей нашихъ, Богъ поразилъ непослушныхъ проклятіемъ, которое въ лицѣ ихъ подвергло весь родъ человѣческій изнурительному труду и тяжкимъ болѣзнямъ, люди, до самаго пришествія Спасителя, уподоблялись преступникамъ, несущимъ бремя заслуженной казни, ни чьимъ сожалѣніемъ, ни какою отрадною надеждою не облегчаемой. По пришествіи на землю Спасителя, казалось, что бремя сіе будетъ снято съ людей, и земля, дотолѣ заросшая тѣрніемъ и волчцемъ, покроется для нихъ однимъ цвѣтами: но и Спаситель, при всей любви своей къ роду человѣческому, не благоволилъ сдѣлать его столько счастливымъ. Овъ Самъ на каждого изъ послѣ-

дователей Своихъ, живущихъ въ семь міръ, возложилъ новое бремя, или, говоря Его собственными словами, крестъ; хотя уже крестъ сей послъ Него, къ утѣшенію вѣрующихъ, сталъ служить знаменемъ искупленія и ключемъ, отверзающимъ райскія двери. Такова сущность Божественныхъ изреченій, изображающихъ въ Ветхомъ и новомъ Заветѣ плачевную участь людей, обитающихъ на землѣ. Св. Отцы Церкви, занимавшіеся изъясненіемъ Слова Божія, представляютъ даже причину, почему Господь доселѣ ведетъ каждого человека на землѣ путемъ пренесеннымъ бѣдствій. Св. Григорій Богословъ говоритъ: «жизнь настоящая есть путь, по которому мы стремимся въ отечество; отъ того-то, по неисповѣдному Промыслу Божію, такъ часто посѣщаютъ насъ скорби, чтобъ мы вмѣсто отечества не возлюбимъ ведущаго къ нему пути.» И вотъ другой вѣрный взглядъ на жизнь, которымъ мы одолжены Откровенію и опытной мудрости Церковныхъ учителей!

Въ третьихъ, по ученію Слова Божія, настоящая жизнь есть низшая ступень въ лѣстницѣ человѣческаго бытія или преддверіе другой совершеннѣйшей жизни. Человѣкъ, провождающій ее, уподобляется или страннику, идущему съ тяжелою ношею въ родную страну (1 Петръ. 2, 11); или плователю, стремящемуся по опаснымъ волнамъ въ желанную пристань (Псал. 41); или воину, бьющемуся со врагами въ на-

деждѣ за подвиги свои получить побѣдный вѣнецъ (2 Тим. 4, 7-8.); или узнику, заключенному въ темномъ мѣстѣ и съ истерившимъ ожидающему свободы (2 Кор. 5, 4 - 10). Смерть называется тамъ сномъ, послѣ котораго человекъ пробуждается для безсмертія (Іоан. 11, 11; 1 Кор. 15, 51-58). Тѣлу человеческому, иставшему, разрушившемуся въ могилѣ, обѣщается востаніе въ лучшемъ, превосходительшемъ видѣ, подобно тому, какъ изъ сѣмени, согнившаго въ землѣ, возникаетъ прекрасный колосъ (1 Кор. 15, 55 - 59). Такъ Слово Божіе отзывается о временномъ существованіи человека въ отношеніи къ вѣчности. Но какъ смотрѣли на сей предметъ Учители вселенскіе, неугасимые Свѣтильники Церкви? По ихъ мнѣнію также, земля, обитасмая человекомъ, есть жилище скорбей; а смерть есть благодѣтельный Ангелъ, посылаемый для изведенія человека изъ жилища сего и преселенія въ жилище блаженства. Вотъ что говоритъ о семъ св. Амвросій Медіоланскій. «Жизнь наша толкиихъ пренеполнена золъ, что въ сравненіи съ нею, смерть должна почитаться не наказаніемъ, а наградою. Ибо для того и сокращаетъ оную Богъ, чтобъ ея горести, которыхъ ни чѣмъ на свѣтѣ усладить не возможно, прекращаемы были поспѣшной кончиной.» — И это, третій безошибочный взглядъ на жизнь, которымъ мы обязаны Священному Писанію и просвѣщеннымъ благодатию мужамъ, которые передали намъ на письмѣ свою Христіанскую мудрость.

Настоящая жизнь имѣетъ много и другихъ пазидательныхъ сторонъ, раскрытыхъ въ Словѣ Божіемъ и въ Отческихъ книгахъ; но и сказаннаго нами обней уже достаточно для того, чтобы извлечь отсюда нѣсколькихъ благодѣтельныхъ правилъ, относящихся къ нашему поведенію.

Въ самомъ дѣлѣ, если настоящая жизнь есть время назначенное для подвиговъ добродѣтели; то для чего мы такъ суеتمدся, Сл., ница громкой славы въ семь свѣтъ и жажда несмѣтныхъ сокровищъ? Для чего завидуемъ состоянію богачей, облеченныхъ въ порфиру и виссонъ, и каждый день веселящихся шумно? Для чего ропщемъ на Бога и на судьбу свою, видя какъ другіе рукою природы и счастья возносятся на верхъ почестей, а насъ между тѣмъ покрываетъ мракъ неизвѣстности? Что намъ до всѣхъ этихъ привлекательныхъ бездѣлицъ, занимающихъ дѣтскій разумъ, какъ скоро мы знаемъ истинную цѣль своего на землѣ бытія! Изъ всѣхъ званій и состояній общественныхъ, говоря безъ предубѣжденія, самое счастливое и самое возвышенное для человека есть то, которое наименьше подаетъ ему случаевъ ко грѣху и наиболѣе способствуетъ добродѣтели. Бѣдный! тебѣ не нужно обманывать и разорять множество ближнихъ для наполненія сокровищницы драгоценнымъ металломъ; ты не имѣешь прихотей, которыя, подобно идоламъ, требуютъ жертвъ и пожираютъ достояніе, принадлежа-

щес сиротамъ и несчастнымъ. Въ твоей тѣсной хижинѣ просторіе благочестію; за твоимъ скуднымъ столомъ охотнѣе возсѣдаетъ молитва. Простолудинъ! тебѣ не надобно употреблять хитростей и пронырствъ, дабы на паденіи ближняго основать свое возвышеніе; ты свободенъ отъ жалкой необходимости льстить, угождать, потворствовать сильнымъ земли, и за благосклонную улыбку временщика продавать беззащитную справедливость. Уничиженность званія внушаетъ тебѣ смиренныя чувства; чѣмъ меньше ты обязанъ признательностью здѣшнему міру, тѣмъ сильнѣе побуждаешься дорожить преимуществомъ въ будущей жизни. Богатые и знатные! вы всѣхъ далѣе стоите отъ той цѣли, для которой человекъ, живущій на землѣ, предназначенъ. Берегитесь, чтобъ бремя богатства не подавило въ васъ чувство состраданія, чтобъ на вершинѣ земнаго величія, забывшись, не поскользнуться вамъ и не низвергнуться въ бездну гибели. Блаженъ, Сл., кто подобнымъ образомъ размышляетъ о существенной цѣли своего бытія, состоящей въ святости, и къ ней постоянно стремится! Помня слова Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды Его* (Мат. 6, 33), онъ и въ бѣдности не станетъ завидовать, и при богатствѣ жить для себя одного, и въ униженіи не будетъ роптать на свой жребій, и на верху славы — гордиться.

Съ другой стороны, ежели настоящая жизнь есть

періодъ испытанія чловѣка посредствомъ различныхъ скорбей: то для чего уклоняться отъ встрѣчи со всякою непріятною вещью, со всякимъ не радостнымъ приключеніемъ? Для чего изобрѣтать, для чего употреблять безчисленные роды игръ и забавъ, съ намѣреніемъ убить золотое время, которое безъ того кажется намъ и долгимъ и скучнымъ? Всѣ усилія счастлюбца провести безпечальную жизнь напрасны. Возлежа на розахъ, онъ уязвляется непримѣтными ихъ тернами. Его безумный восторгъ смѣняется тягостнымъ ощущеніемъ пустоты; онъ, пресыщая чувства свои, утомляется, — не зная, чего пожелать болѣе, отъ избытка обладаемыхъ имъ благъ впадаетъ въ холодность, мучительнѣйшую всякой болѣзни. Чѣмъ такъ страдать противъ воли и съ явнымъ вредомъ для души, то не лучше ли смѣло идти на встрѣчу неизбѣжному злу и посредствомъ терпѣнія обращать оное для себя въ душевную пользу? Не лучше ли при вступленіи на путь новаго года, при началѣ каждаго мѣсяца и дня, вмѣсто пріятныхъ надеждъ такъ часто обманывающихъ, говорить самому себѣ: «наступающій годъ, наступающій мѣсяцъ и день, конечно, скрываетъ въ недрахъ своихъ много для меня непріятностей, быть можетъ, даже много несчастій. Что же сдѣлать? со времени перваго грѣха земля для чловѣка не есть уже домъ прішественный, а обитель изгнанія. Всѣ жившіе до меня на ней испивали

горькую чашу; приготовлюсь и я въ свою череду выпить опредѣленную Промысломъ мнѣ.» Такъ разсуждая прежде печальныхъ событій, ты вполонину ослабляешь ихъ дѣйствіе на тебя, когда они съ тобою случатся. Или не знаешь, чего тебѣ опасаться въ грядущемъ? Такъ оглянись на твое прошедшее, посмотри на твое настоящее: въ нихъ много найдешь ты побужденій къ слезамъ и предметовъ сердечнаго сокрушенія. Скорби о грѣхахъ и проступкахъ тобою содѣянныхъ; стеной, распиная ежедневно плоть свою съ ея страстями и похотями; переноси смертельную боль, причиняемую тебѣ стрѣлами людской злобы и зависти; воздыхай подъ вѣстомъ, сложеннымъ изъ недостатковъ, лишеній, потерь, болѣзней, который возлагаетъ на тебя Провидѣніе. Пусть лучше сердце твое, растерзанное временными скорбями, произраститъ плодъ вѣчнаго утѣшенія, нежели оно, изнѣженное земными удовольствіями, послѣ сгинѣть, какъ сухая вѣтвь, въ геенскомъ огнѣ. *Блаженіи плачущіи*, говоритъ Спаситель; *горе вамъ слѣющимъ нынѣ!* (Лук. 6, 21-25).

Наконецъ, если настоящая жизнь есть низшая ступень въ лѣстницѣ чловѣческаго бытія или преддверіе къ другой совершеннѣйшей жизни; то что мы страшимся смерти своей? что проливаемъ слезы на гробъ умершихъ? Правда, смерть преждевре-

менная, потеря родныхъ, любезныхъ нашему сердцу, заключаютъ въ себѣ дѣйствительно много плачевнаго и ужаснаго. Но ужасъ сей не долженъ ли умѣряться тѣмъ представленіемъ, что рано исходящій изъ здѣшняго міра, по нашему понятію, есть, въ очахъ Божіихъ, классъ уже созрѣвшій для вѣчности? Но плачь сей не долженъ ли быть облегчаемъ тою мыслию, что души отцевъ и братій нашихъ, въ другой міръ преселившихся, тамъ по прежнему живы, и что въ самыхъ бранныхъ остаткахъ ихъ, по видимому разрушающихся и исчезающихъ, всемогущій перстъ Божій, отъ грубой земной оболочки очищаетъ зерно будущаго тѣла духовнаго? Безпредѣльный страхъ, объемлющій большую часть людей при одномъ имени смерти, означаетъ чрезмѣрную привязанность ихъ къ землѣ и глубокое развращеніе сердца. Отъ чего Святые мужи желали поскорѣе сложить съ себя одежду плоти и чрезъ дверь гроба пройти въ другую страну, куда призывала ихъ вѣра? Отъ того, что ни какой предметъ не привязывалъ ихъ къ землѣ; а тамъ на небѣ предвидѣли они вожделѣнную награду трудовъ своихъ. Мы, напротивъ, не хотимъ умирать, не хотимъ переходить изъ здѣшняго свѣта въ другой, подобно дѣтямъ, которыхъ отъ множества домашнихъ игрушекъ принуждаютъ идти въ училище; подобно преступникамъ, которыхъ изъ лѣсу или какого нибудь вертепа ведутъ на мѣсто суда и казни. Но нехотѣніе наше не

избавить насъ отъ часа смертнаго: кто родился, тотъ и умереть непременно. Посему не о томъ должно заботиться, какъ бы ускользнуть изъ подъ роковаго серпа, жнущаго человечество; но о томъ, какъ бы принять смертельный ударъ его съ отрадными чувствами Христіанина. Смертный! слагай съ себя понемногу тѣ цѣпи, которыми ты прикованъ къ здѣшнему міру; смывай сколь множно чаще, грѣховныя пятна души своей слезами раскаянія. Сіе дѣлая, ты не будешь дрожать передъ смертію, ни рыдать безутѣшно надъ прахомъ умершихъ. *Ибо блаженъ мертвый умирающій о Господѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да поглотъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 15).

И такъ вотъ, Сі, истинно Христіанскій взоръ на жизнь настоящую, и вотъ какъ должно вести себя каждому изъ насъ согласно съ симъ взоромъ! Впрочемъ, чтобы легче было вамъ сообразить и запомнить все сказанное доселѣ, мы предложимъ оное въ краткихъ словахъ. Жизнь настоящая есть время, назначенное для подвиговъ добродѣтели; отсюда почерпается правило дѣятельности, имѣющей главнымъ предметомъ вѣчное спасеніе. Жизнь настоящая есть періодъ испытанія человѣка посредствомъ различныхъ скорбей: отсюда выводится правило терпѣнія, не уклоняющагося ни отъ какихъ налагаемыхъ Богомъ крестовъ, вѣшнихъ и внутреннихъ. Жизнь настоящая

есть преддверіе къ другой совершеннѣйшей жизни: отсюда извлекается правило мужества, безтрепетно взирающаго на свою и на чужую смерть. Кто будетъ оспаривать справедливость вышеозначенныхъ положеній? Кто скажетъ, что выведенныя изъ оныхъ правила не годятся для человека, облеченнаго плотію и живущаго въ свѣтъ? Никто изъ имѣющихъ здравый разумъ. Такъ пусть же каждый и поступаетъ согласно съ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Ибо стыдно принимать умомъ за истину одно, а на дѣлѣ показывать вовсе другое. Пусть каждый, взирая на здѣшній міръ, какъ на ристалище Христіанскихъ подвиговъ, напрягаетъ все силы къ полученію вѣнца небеснаго; смотря на землю, какъ на мѣсто временной ссылки своей, пусть учится безропотно переносить житейскія горести; считая настоящій краткій свой вѣкъ зарею будущаго безсмертія, пусть не страшится гроба, который для умершихъ есть колыбель возрожденія въ другомъ совершеннѣйшемъ мірѣ.

А Ты, Господи Іисусе Сыне Божій, Вѣчная Премудрость, Вѣчная Святость и Сила! Озари наши умы свѣтомъ истины, согрѣй наши сердца любовію ко всему доброму, укрѣпи наши мышцы на подвигъ, Христіанамъ приличный, дабы намъ совершить начатый путь жизни, согласно съ тѣми высокими понятіями, какія изъ Священнаго Писанія и отъ Богомуд-

рыхъ истолкователей онаго мы получили. Помогите намъ, Господи, исполнить сіе благое намѣреніе. Ибо безъ Твоей всесильной помощи мы не понимаемъ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, относящихся къ спасенію нашему; если же и понимаемъ что доброе, не хотимъ того дѣлать; а что и сдѣлать даже хотѣли бы, по немощи поврежденнаго естества своего не можемъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Яко призрѣ на смиреніе рабы своей: се бо отнынь ублажатъ
мѣ вси ради. Лук. 1, 48.*

Исторія великихъ людей, обыкновенно, начинается повѣствованіемъ о знаменитомъ ихъ происхожденіи и достопримѣчательномъ появленіи въ свѣтъ. Посему надлежало бы, кажется, ожидать и отъ св. Евангелистовъ блистательнаго повѣствованія о рожденіи Пресвятой Дѣвы, какъ высокаго лица въ исторіи Евангельской. Но, къ удивленію, всѣ писатели священные молчатъ о семъ происшествіи; только преданіе говоритъ, что Пресвятая Дѣва родилась отъ незнатныхъ родителей, происходившихъ впрочемъ отъ колѣна Давидова, Іоакима

и Анны, въ городѣ самомъ бѣдномъ, и по попятію тогдашнихъ Іудеевъ презрѣнномъ,—Назаретѣ. Не находили ли посему Евангелисты сообразившимъ съ высокимъ назначеніемъ Пресвятой Дѣвы, покрыть незнатность ея происхожденія мракомъ неизвѣстности? Но сего нельзя подумать о тѣхъ, которые и объ Иисусѣ Христѣ писали много такого, что, по человѣческому сужденію, унижаетъ величіе Богочеловѣка. Лучше прозрѣвать въ семъ молчаніи другую цѣль, именно ту, чтобы въ самомъ рождествѣ Богоматери показать глубокое ея смиреніе, только въ послѣдствіи се превознесшее. Родилась въ простотѣ, воспитывалась молчаливо и уединенно, проводила жизнь безъ извѣстную,—ничего блистательнаго, ничего славнаго. За что же превознесъ ее Господь? *Яко призрѣ на смиреніе рабы своея,—отвѣтствуетъ сама превознесенная,—себо отнынѣ ублажатъ мя вси роди.*

Сей примѣръ внушаетъ намъ, Сл., что не все то велико предъ Богомъ, что великимъ кажется въ глазахъ человѣческихъ, или лучше, со всѣмъ не то велико предъ Богомъ, что великимъ называютъ люди. Истина поучительная для великихъ земли и утѣшительная для тѣхъ, коимъ суждено быть отребіемъ міра!

Нѣтъ нужды перечислять всѣ предметы, въ коихъ суетность людей любитъ поставять свое величіе; многіе изъ оныхъ ими самими презираются, какъ

ничего незначаща для величія человека. Такъ, если бы кто сталъ величаться своею порокою, не имѣя личныхъ достоинствъ, ему сказали бы: «порода не дѣлаетъ человека ни умнымъ, ни честнымъ, ни храбрымъ; тѣмъ ты хуже, что, происходя отъ знаменитыхъ предковъ, не наследовалъ ихъ добродѣтелей.» Если бы кто сталъ поставлать свое достоинство въ обладаніи великимъ богатствомъ, ему сказали бы: «золото и серебро не болѣе тебѣ сообщаютъ достоинства, какъ и тому безчувственному хранилищу, въ которое оныя полагаешь. Если бы кто сталъ тщеславиться мѣстомъ, которое занимаетъ въ обществѣ, ему сказали бы, что не мѣсто украшаетъ человека, но человекъ-мѣсто. Всѣ сіи предметы, дѣйствительно, столь мало важны сами по себѣ, что надобно быть совершенно безумнымъ, чтобы въ нихъ полагать свое величіе.

Болѣе, кажется, привлекательна съ сей стороны слава земная, особенно когда смотреть на нее въ увеличительное стекло. На языкъ любителей ея, она есть жизнь въ потопствѣ, несокрушимый временемъ памятникъ величія, всемірный вѣстникъ славныхъ дѣлъ. Но сіи пышныя названія не закроютъ истины отъ глазъ судіи безпристрастнаго. Что есть слава собственно и безъ всякихъ прикрасъ понимаемая? Она есть мнѣніе другихъ о качествахъ и поступкахъ извѣстнаго человека. Мнѣніе другихъ, очевидно ни чего не прибавляетъ, ни отънимаетъ у свойствъ того

человѣка, о которомъ имѣють мнѣніе. По сей причинѣ, будетъ ли оно высоко или низко, человѣкъ неизмѣнно останется тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Такъ дерево соблюдаетъ неизмѣнно свой естественный ростъ, хотя тѣнь его, смотря по положенію солнца, является то ниже, то выше. Слава есть тѣнь человѣка во всѣхъ ея знаменованіяхъ: она также обманчива, ибо часто отъ низкихъ предметовъ возрастаетъ, при высокихъ умаляется; также скоропреходяща, ибо зависитъ отъ своенравія людей; также ничтожна, ибо ничего не значитъ въ отношеніи къ предмету своему. Человѣкъ съ достоинствами, прямо великій, не имѣетъ нужды въ славѣ; ибо не перестанетъ онъ быть таковымъ, хотя бы ни кто не говорилъ о его дѣлахъ, хотя бы имя его было забыто: а для человѣка безъ достоинствъ, для человѣка ни чего незначащаго — слава безполезна; ибо не дастъ ему того, что приписываетъ. Ужели малорослый вырастетъ отъ того, если все станутъ называть его великаномъ? Ужели въ простой какой нибудь горѣ заведется золото отъ того, если все согласится считать ее золотою? Такъ думать было бы смѣшно и нелѣпо. Но такъ думаешь ты, славолюбецъ, употребляющій мѣрою своего величія молву народную; ты, который судишь о своихъ достоинствахъ по громкости кликовъ и рукоплесканій! Сие впрочемъ, также какъ и первое, совершенно очевидно, и не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Но есть предметы другого рода, которые имѣютъ всю обольстительную наружность величія, и коимъ естественный разумъ отдаетъ полную честь. Ихъ-то оцѣнить строгимъ образомъ долженъ Христіанинъ, желающій быть великимъ въ царствіи небесномъ. Подъ этими предметами, во первыхъ, разумѣется мудрость или знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ. По истинѣ, постигать бытіе и свойства Верховнаго Существа, проникать въ тайны природы, познавать естество души, опредѣлять цѣль разумныхъ существъ и разныя отношенія ихъ въ общественной жизни, — все это составляетъ высокое преимущество человѣка. Хорошо, еслибъ разумъ подлинно зналъ сіи вещи, какъ должно: тогда всякой назвалъ бы его великимъ. Но что говорить опыту? Пять тысячъ лѣтъ протекло отъ паденія человѣка до пришествія въ міръ Спасителя, и разумъ, долженствовавшій, по видимому, все узнать въ теченіе сего времени, устарѣлъ только въ своемъ невѣжествѣ. Творенія любомудроу наполнены противорѣчіями; что утверждалъ одинъ изъ нихъ, то отрицали другіе, и истина, по признанію самихъ искателей ея, сокрывалась на днѣ глубокаго кладезя. Конечно, не почему иному, какъ по причинѣ всеобщаго мрака, покрывавшаго родъ человѣческій, милосердый Богъ возжегъ свѣтъ Откровенія земнороднымъ; и *понеже съ премудрости Божіей не разумѣлъ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буй-*

своими проповідми спасти віруючихъ (1 Кор. 1, 21). Нынѣ разумъ простерся, кажется, далѣе, нежели прежде, въ предѣлахъ познанія; но то, что есть лучшее и достовѣрное въ его произведеніяхъ, не избрѣтено имъ, а только изучено въ училищѣ Откровенія; мнѣмыя сокровища его пріобрѣтены татбою. Во всемъ же прочемъ, чего не благоизволилъ Богъ открыть людямъ, онъ доселѣ такой же спянецъ, какъ былъ прежде, и долженъ сознаться съ однимъ мудрѣйшимъ изъ людей, что онъ только то совершенно знаетъ, что ни чего не знаетъ. Пусть же послѣ этого почитаютъ разумъ великимъ и превозносятъ до небесъ мудрость земную!

Впрочемъ не много людей, въ которыхъ господствуетъ страсть любознанія; большая часть, пренебрегая размышленіемъ по самой неспособности въ оному, всю честь усвояютъ дѣятельной жизни.

«Величіе чловѣка, говорятъ они, состоитъ не въ безплодномъ созерцаніи, но въ дѣлахъ, обнаруживающихъ стремленіе къ добруму. Мужество, тѣрпѣніе, великодушіе, работа, благотворительность, любовь къ отечеству, презрѣніе опасностей и смерти для спасенія другихъ,—вотъ основанія истиннаго величія, вотъ права на истинную славу!»—Правда, что сіи поступки имѣютъ блистательный видъ, привлекающій хвалу и удивленіе отъ чловѣковъ: но Богъ, какъ извѣстно, судитъ о дѣлахъ не по виду ихъ, а по тѣмъ побужденіямъ и

намѣреніямъ, съ какими онѣ были совершевы. Какія же побужденія и намѣренія полагаются, обыкновенно, въ основаніе дѣлъ человѣческихъ. Увы! страшно заглянуть въ сердце человѣка, дѣйствующаго по духу міра, а не по духу Христову. Здѣсь видишь, что мужество происходитъ отъ свирѣпости, терпѣніе отъ ожесточенія, великодушіе отъ гордости, правота отъ самолюбія, благотворительность отъ тщеславія, любовь къ отечеству отъ своскорыстія, презрѣніе опасностей и смерти отъ славолюбія, и вообще всякій похвальный поступокъ отъ одного общаго корня, — отъ преступной любви къ самому себѣ. И если отселе, — изъ глубины исхитаго сердца, посмотрѣть на тѣ, исходяція изъ него предирія ія и славныя дѣла, которымъ удивляется свѣтъ, чѣмъ онѣ тогда покажутся? Неусыпные труды — средствами къ прибыли, безкорыстныя благотѣлія — тонкимъ лихонствомъ, великодушныя прощенія — учтивыми обидами, челоѣколюбивыя пожертвованія — благовидною продажею собственности, мудрыя распоряженія — коварными умыслами, громкія побѣды — знатымъ разбойничествомъ. Гдѣ же сіи высокія добродѣтели, которыя прославляются въ свѣтъ? Гдѣ сіи великіе подвиги, которые краснорѣчіе приписываетъ своимъ героямъ? Я вижу блестящую змінную чешую, скрывающую ядъ смертоносный, я вижу гробъ по-вапленный, полный внутри костей и всякой нечистоты. И вотъ правда наша: похвалнсь ея, кто хочетъ.

Остается еще одинъ предметъ, въ которомъ полагаютъ величіе человѣка: это его сила или власть надъ вышшею природою. Не есть ли въ самомъ дѣлѣ великой силы дѣйствіе, возлетать на воздухъ, преплывать море, укрощать свирѣпость звѣрей, управлять ударами грома и тому подобное? Впрочемъ сколь ни удивительны сѣи дѣйствія человѣка, но нельзя назвать ихъ явленіями силы человѣческой: ибо сила сія не въ человѣкѣ заключается, но въ тѣхъ орудіяхъ, которыя онъ употребляетъ. Если хочетъ онъ доказать свою собственную силу, пусть сдѣлаетъ то же, оставя все постороннія пособія; пусть своими ногами поидетъ по поверхности моря; пусть на своихъ рукахъ поднимется на воздухъ; пусть величіемъ слова совратитъ направленіе грома; пусть обнаженный отъ всякой защиты сразится съ лютымъ звѣремъ. Сего не можетъ сдѣлать своими человѣческими силами никакой властелинъ земли. Всѣ удивительныя опыты владычества его надъ природою доказываютъ только его хитрость: а хитрость есть несомнѣнный знакъ не силы, но безсилія.

И такъ, въ чемъ же состоитъ величіе человѣка, когда не обрѣтается оно ни въ разумѣ, ни въ дѣлахъ, ни въ силахъ его? Для сего не нужно придумывать какого либо особливаго предмета. Оно въ тѣхъ же предметахъ заключается, но не въ таковыхъ, каковыми обладаетъ человѣкъ грѣшный. Былъ онъ великъ, когда имѣлъ умъ просвѣщенный, сердце непорочное,

власть надъ тварію непосредственную: но грѣхъ помрачилъ его умъ, осквернилъ его сердце, поработилъ его самого твари. Сраженный симъ душегубителемъ, лежитъ онъ на землѣ, какъ разслабленный всѣми членами, съ сильнымъ, но тщетнымъ желаніемъ подняться на ноги; всѣ его усилія къ восстановленію себя ограничиваются достойнымъ жалости пресмыканіемъ. Въ семъ плачевномъ положеніи падшаго человѣка, Любовь Божія представляетъ ему единственное спасительное средство къ востанію: сознаніе своей немощи, отреченіе отъ всякой надежды самому себя исправить, и призваніе на помощь Искупителя, словомъ—смирненіе. Все, что потерялъ онъ гордостію, — его мудрость, святость, сила—возвращаются ему смирненіемъ; что прежде имѣлъ онъ по естеству, то теперь даруется ему по благодати. *Смирляя себя вознесетъ.*

И какъ подлинно возносится смиренный, какъ прославляется уничижившій въ себя все, дмѣющееся гордостію! Ночь невѣденія для него проходитъ; тайны, отъ мудрыхъ и разумныхъ сокровенныя, предъ нимъ раскрываются; будущее для него становится столько же извѣстнымъ, какъ настоящее; міръ духовный дѣлается близокъ къ нему, равно какъ тѣлесный; еще въ одеждѣ плоти зрѣтъ онъ въ небѣ славу Божию, и, восхищаясь въ рай, слышитъ неизреченныя для человѣка глаголы. Все пространство сердца его наполняетъ любовь, — та святая любовь, которая из-

ливается Духомъ Божиимъ. Она производитъ въ немъ все, какъ душа въ тѣлѣ: она возбуждаетъ его умъ къ размышленію о Богѣ; она движетъ его языкъ на молитву; она отверзаетъ его уста для поученія; она протираетъ его десницу къ благодѣянію; она преклоняетъ его на милость; она вдыхаетъ ему смѣлость въ правдѣ; она облегчаетъ его мученія за истину; она сообщаетъ ему геройскую бодрость шествовать на смерть, и съ послѣднимъ вздохомъ молить Господа о прощеніи убійцъ. Наконецъ, природа признаетъ въ немъ своего царя: огонь не вредитъ его тѣлу; воздухъ отвердѣваетъ подъ его стопами; лютые звѣри при немъ какъ бы перерождаются въ кроткихъ агнцевъ; волнующееся море, по его велѣнію, утихаетъ, земля выдаетъ своихъ мертвецовъ; себо, по его слову, разверзается дождемъ, солнце останавливается бѣгъ свой, и всерушительное тлѣніе не смѣетъ коснуться его священныхъ останковъ, которые, даже по разлученіи съ его праведною душою, чудодѣйствуютъ. Вотъ великій въ собственномъ смыслѣ человекъ! И это тотъ, который, по мнѣнію свѣта, есть низкій, презрѣнный, послѣдній изъ рабовъ. Это тотъ, который самъ о себѣ не иначе думаетъ, какъ о прахѣ и пеплѣ, какъ объ окаляномъ и бѣдномъ и нищемъ и слѣпомъ и нагомъ, какъ о человекѣ не могущемъ ни чѣмъ похвалиться, кромѣ своихъ немощей. О чудо силы Божіей, въ немощахъ совершающейся! *Буяя міра избираетъ Богъ, да пре-*

мудрая посрамить: и немоцная міра избираетъ Богъ, да посрамить крѣпкая, и худородная міра и уничиженная избираетъ Богъ и не-сущая, да сущая упразднить (1 Кор. 1, 27 - 28).

Смиримся убо всѣ подъ крѣпкую руку Божию, и Она изъ глубины самоуничиженія вознесетъ насъ къ почести вышняго знанія (Фил. 3, 14). Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВ. АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧНЫХЪ
БЕЗПЛОТНЫХЪ СИЛЪ.

Ополчится Ангелъ Господень окрестъ болящихся его. Пс. 35, 8.

Съ того времени, какъ началась всемірная брань между царствомъ свѣта и царствомъ тьмы, Ангелы Господни непрерывно ополчались и донынѣ ополчаются. Ополчаются они за Царя своего: ибо князь тьмы изъ глубины ада и донынѣ еще покушается на престоль Его. Ополчаются за себя: ибо онъ всеми мѣрами препятствуетъ имъ выполнять повелѣнія Божія. Ополчаются за вселенную: ибо онъ устремляетъ и противъ нея разрушительныя силы. Но для насъ утѣшительно особливо то, что Ангелы Господни опол-

чаютъ за весь родъ человѣческій и въ особенности за каждаго человѣка.

Святый Давидъ, цѣлую жизнь боровшійся со врагами и всегда побѣждавшій ихъ, видѣлъ сіе собственными очами: видѣлъ, какъ Ангелъ Господень во время браши стоялъ около него, и какъ обращалъ въ бѣгство, преслѣдовалъ, поражалъ враждебныя ему силы; видѣлъ и къ утѣшенію подобныхъ себѣ страдальцевъ на землѣ, возгласилъ: «ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся его.»-Вникнемъ въ сіе глубже: ибо углубляться въ святое утѣшеніе и утѣшительно и назидательно.

Было время, когда человѣкъ, имѣя миръ съ собою и со всѣмъ окружающимъ его, не имѣлъ нужды въ ополченіи Ангеловъ. Тогда онъ самъ надъ всѣмъ владычествовалъ, и Ангелы обращались съ нимъ какъ мирные братія. Но когда, преступивъ законъ любви, онъ нарушилъ сей блаженный миръ, и когда все возстало на преступника, все стало грозить ему смертію: тогда Ангелы, по манію Господа, вступились за своего несчастнаго друга, и съ тѣхъ поръ даже донынѣ продолжается брань ихъ противу всего враждебнаго человѣку.

Враждуетъ противъ человѣка стихійный міръ. Все, на что ни посмотримъ, угрожаетъ ему смертію. Тѣла, подъ коими и среди конхъ оцъ находится, могутъ подавить его своею тяжестію; земля, которую оно попи-

раетъ ногами, можетъ поглотить его; пища и питіе, которыя онъ пріемлетъ въ себя, могутъ заключать въ себѣ смертоносный ядъ; воздухъ, которымъ онъ дышетъ, можетъ быть растворенъ убійственными для него испареніями. И такъ нельзя ему ступить ни одного шага, нельзя испустить ни одного дхновенія, не подвергаясь опасности жизни. Въ каждую минуту, на каждомъ шагу стережетъ его смерть. Кто же избавляетъ его отъ такого врага? Кто ополчается около брэнной храмины его тѣла, на которую устремляются всѣ стихіи, и ежеминутно сияются разрушить ее? Ополчаются Ангелы Господни.

Враждуетъ противъ челоуѣка ближній его — тотъ, коего поги быстры на пролитіе крови, и на путяхъ коего разрушеніе и пасуба (Рим. 7, 15-16). Но послѣдуйте мыслію за нимъ по пути его враждованія. Рѣшаясь причинить другому зло, онъ придумываетъ къ тому разные способы; избираетъ, опровергаетъ, назначаетъ время, откладываетъ, приступаетъ къ дѣлу, останавливается, иногда уже возноситъ руку свою на пораженіе, какъ иѣкая сила удерживаетъ ее; иногда уже и поражаетъ, но та же невидимая сила устраняетъ его удары, и, къ большому удивленію, самъ онъ часто погибаетъ тѣмъ же родомъ погибели, отъ того же самага орудія, которыя употребилъ противъ своего ближняго. Не это ли путь мрачный и скользкій, коего Давидъ желаетъ врагамъ своимъ? Не это ли

преслѣдованіе ихъ Ангеломъ, о коемъ умоляетъ онъ своего Господа? (Пс. 34, 6). По истинѣ и здѣсь ополчаются Ангелы Господа.

Враждуетъ противъ человѣка діаволъ. Сей невидимый супостатъ *яко левъ рыкающій, ходитъ искый кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Отъ разрушительнаго дѣйствія стихій частію ограждаетъ осторожность, враговъ нерѣдко обезоруживаетъ терпѣніе, злый духъ ни какимъ человѣческимъ орудіемъ не побѣждается. Первые враги опасны болѣе для тѣла; сей врагъ нападаетъ на самую душу. Побѣда первыхъ состоитъ въ умерщвленіи тѣла: торжество послѣдняго состоитъ въ убіеніи души и низведеніи ея въ тьму кромѣшную. Какъ же человѣкъ, удрученный немощами естества своего, осмѣлится наступить на сего льва и аспида, попрасть сего скимна и дракона, если духи-хранители на рукахъ не пощесутъ его, (Пс. 90, 12-13); если не ополчатся вокругъ него Ангелы Господни?

Наконецъ враждуетъ человѣкъ самъ противъ себя. Всякой, кто только сражался съ собою, знаетъ, что онъ самъ для себя есть ближайшій и непримиримѣйшій врагъ. Всѣ прочіе враги нападаютъ на него извнѣ, и могутъ его оставить: напротивъ, самъ онъ носитъ въ себѣ свою раставшую природу, носитъ гнѣздо разбойниковъ, которые всегда съ нимъ и всегда противъ него. Пусть же каждый проникнетъ въ глубину своего сердца, и наблюдаетъ, какъ Ангелъ Хра-

нитель сражается и съ внутренними его врагами. Кто въ состояніи мрачнаго и хладнаго усыпленія пробуждаетъ въ насъ свѣтлыя мысли и пламенныя расположенія? Кто въ минуту буйнаго изступленія поражаетъ внезапнымъ уныніемъ; напротивъ, въ часы глубокаго унынія проливаетъ небесную отраду? Кто сверхъ всякаго чаянія разрушаетъ наши планы, которые кажутся намъ и лестными и удобоисполнимыми? Кратко: кто дѣйствуетъ вопреки страстямъ нашимъ такъ, что если бы мы въ минуту обольщенія поступили по своему произволу, то гибель наша была бы неизбежна? Ополчаются Ангелы Господни.

Ободришь убо, бѣдствующій странникъ земли! Хотя безчисленные враги со всѣхъ сторонъ день и ночь устремляются къ твоей гибели, но сильный крѣпостию стоитъ у тебя на стражѣ. По непрестанному ходатайству общей Матери Церкви, Ангелъ мирный, вѣрный пастырь, хриитель душъ и тѣлесъ, не отходитъ отъ тебя ни на минуту, не дремлетъ, не спитъ сохраняющій тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. Дерзай убо противу всѣхъ полковъ вражѣихъ, стой, мужайся, укрѣпляйся: ибо окрестъ тебя ополчаются Ангелы Господни.

Но, гдѣ Сл., ополчающійся окрестъ насъ Ангелъ, когда большая часть изъ насъ находится въ плѣну у враговъ нашихъ? Гдѣ нашъ небесный тѣлохранитель, когда и стихіи насъ поражаютъ, и непріятели одолю-

вають, и діаволь искушаєть, и плоть порабощаєть? Развѣ не за всѣхъ ополчаются Ангелы Господни? По истинѣ такъ, отвѣтствуетъ намъ тотъ же св. Давидъ: «ополнителя Ангель Господень окрестъ болящихся Его.»—Вотъ необходимое условіе со стороны чловѣка, безъ котораго Ангель Господень или со всемъ не ополчается вокругъ него, или ополчается, но ополчается безполезно.

Истина сія имѣетъ ясныя слѣды въ обыкновенной чловѣческой жизни. Дѣтей, которые, ни въ чемъ не полагаясь на свои силы, совершенно предаются въ волю своихъ родителей, родители обыкновенно поручаютъ дѣтководителямъ, которые бы ихъ наставляли, охраняли и руководствовали. Когда же они выходятъ изъ дѣтскаго возраста, и сами начинаютъ управлять своими силами, тогда дѣтководителей у нихъ отнимають. Подобнымъ образомъ бываетъ съ каждымъ чловѣкомъ и въ жизни духовной. Доколѣ онъ, какъ дитя, не имѣющее ни своего разсудка, ни своей воли, ни своихъ силъ, ходитъ предъ Отцемъ небеснымъ, хочетъ того, чего хочетъ Отець, дѣлаетъ то, что приказываетъ Отець, ни о чемъ не разсуждая, но только боясь оскорбить Его своимъ непослушаніемъ, дотолѣ Ангель Хранитель, по манію Господа, носитъ его на рукахъ своихъ, дабы онъ не преткнулся о камень ногою своєю (Ис. 90, 12). Но какъ скоро выходитъ онъ изъ подъ отческаго Промысла Божія, и въ буйной

самонадѣянности начинаетъ испытывать свои собственыя силы; небесный дѣтководитель столь же естественно, какъ и въ обыкновенной жизни, отъемляется у него. Посему-то, конечно, Иисусъ Христосъ Ангеловъ Хранителей усвоилъ только дѣтямъ, т. е. такимъ людямъ, которые по отношенію къ Богу находятся въ дѣтской простотѣ сердца. По сему-то всѣ тѣ, за коихъ когда либо ополчались Ангелы Господни, были дѣйствительно какъ дѣти, съ любовію преданные во всемъ Отцу небесному.

Да и возможно ли, чтобъ Ангелы, со страхомъ и трепетомъ окружающіе престолъ Господа Силь, стали защищать кого нибудь, кромѣ тѣхъ, которые подобно имъ боятся Господа и трепещутъ предъ величіемъ Его? И люди благочестивые, не смотря на то, что сами часто заблуждаются и погрѣшаютъ, покровительствуютъ только благочестивымъ, или имѣющимъ расположеніе въ святой жизни. Кольми паче Ангелы, для коихъ уклоненіе отъ свѣта и воли Божіей не возможно, не могутъ сообщаться съ людьми противнаго имъ свойства для того, чтобы способствовать исполненію желаній развратнаго ихъ сердца. Кромѣ того, что въ семъ случаѣ свѣтъ пришелъ бы въ противоестественное общеніе со тьмою, Ангелы Господни возмутились бы противу природы, противъ людей, противъ самаго Господа: ибо они приняли бы сторону тѣхъ, которые суть враги и Бога, и подобныхъ себѣ, и всѣхъ тварей.

Положимъ даже, что Ангелы всѣмъ безъ исключенія простирають руку помощи, всѣхъ безъ различія стараются собрать подъ свои крыла: но и тогда только боящіеся Господа пріемлютъ ихъ руку, только сѣи дѣти подъ сѣнь крылъ ихъ собираются. Они пребываютъ неразлучны съ своимъ Ангеломъ и тогда, какъ ходятъ, и тогда, какъ падаютъ предъ лицомъ Божиимъ. Когда они идутъ прямымъ путемъ свѣта, тогда Ангелы свѣта, или живущіе во свѣтѣ, какъ всегда естественно, и встрѣчаютъ, и сопровождаютъ ихъ, и послѣдуютъ за ними. Когда же, неосторожно уклонясь на распутія тьмы, примѣчаютъ они, что кругомъ ихъ обстоятъ лютые звѣри и разбойники, а Ангелъ Хранитель удаленъ отъ нихъ: тогда они начинаютъ раскаяваться, плакать, умолять, простирать руки, и Ангелы съ великою радостію тотчасъ приступаютъ къ нимъ на помощь.

Но какъ сѣи благодѣтели приступаютъ къ тѣмъ, которые ходятъ не въ страхъ Божиимъ, а въ киченіи ума своего и развращеніи сердца? Какъ подадутъ руку помощи тѣмъ, которые, мечтая все постигнуть собственнымъ умомъ, все преодолѣть собственными силами, отталкиваютъ отъ себя прочь оную? Какъ покроютъ своими крылами тѣхъ, которые, какъ чуждые птенцы, не собираются на ихъ голосъ, но бѣгутъ прочь и разсѣваются по пустынь міра? Въ семъ плачевномъ состояніи разсѣянiя, когда древніе

враги человека — дiаволъ, плоть и мiръ — берутъ ихъ въ пaльмѣ и дѣлають своими рабами, не возможно освободить ихъ, хотя бы цѣлыя тьмы Ангеловъ ополчились для ихъ освобожденiя. Ибо сiя пaльмица, очарованные прелестями своего пaльма, скорѣе согласились бы погибнуть вмѣстѣ съ своими любимыми врагами, нежели перейти на сторону друзей ненавистныхъ.

Правда, и къ снмъ надмѣннымъ и высококвнннымъ посылается иногда отъ Господа Ангелъ, но не Ангелъ мирный, а Ангелъ погубляющiй. Въ то самое время, какъ они, подобно исполинамъ, опираясь на крѣпость силъ своихъ, и будучи подстрѣкаемы духомъ злобы, рѣшаютъ въ умѣ своемъ взойти на небо, выше звѣздъ поставить престолъ свой и уподобиться Вышнему, Господь силъ рукою Ангела погубляющаго, низвергаетъ ихъ въ адъ и въ основанiя земли. Вотъ плачевная участь тѣхъ, которые не боятся Господа! Не довольно того, что они всегда стоятъ внѣ ополченiя Ангеловъ; но, что всего ужаснѣе, на нихъ самихъ ополчается Ангелъ Господень.

И такъ, если кто нибудь и изъ насъ, Сл., не примѣчаетъ въ своей жизни непрерывнаго вокругъ себя ополченiя Ангеловъ, если кто не помнитъ даже ни одного опыта, гдѣ бы рука спхъ благодѣтелей видимымъ образомъ спасла его отъ неминуемой гибели: тотъ пусть искренно испытаетъ себя, есть ли въ

немъ истинный страхъ Божій. Будемъ ходить предъ Богомъ, какъ дѣти не умѣющіе ни разсуждать, ни желать, ни дѣйствовать иначе, какъ повелѣваетъ Отецъ; будемъ жить такъ, чтобы не только внѣшними поступками, но даже тайными помыслами и пожеланіями не оскорбить присутствія окружающихъ насъ Ангеловъ; будемъ крѣпко и непрерывно держаться за мощную ихъ руку, прислушиваться къ ихъ голосу и подъ сѣнію крылъ ихъ укрываться отъ всякаго нападенія; короче, будемъ непрестанно болѣтья Господа, и тогда очами увидимъ, руками осяжемъ, какъ вездѣ и всегда и вокругъ насъ самихъ ополчаются Ангелы Господни. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРИЦА НИКОЛАЯ.

Блаженн изгнани правды ради, яко тѣхъ ссть царство небесное. Мат. 5, 10.

Въ сихъ словахъ Господа нашего, съ одной стороны, представляется участь Христіанина — гоненіе за правду, съ другой, утѣшеніе, предлагаемое въ гоненіи вѣрою и единственно вѣрою — блаженство. Еще небесный Пастырь пасъ на землѣ Свое стадо, еще Божественный Женихъ веселился съ сынами брачными, но Онъ уже видѣлъ будущую плачевную судьбу Своихъ послѣдователей, видѣлъ стадо Свое разсѣянное, блуждающее, видѣлъ друзей Своихъ плачущихъ, унывающихъ, и при семъ видѣ полное любви и состра-

дація сердце Его изливалося въ нѣжномъ отеческомъ утѣшеніи. *Блажени плачущіи*,—говорилъ Онъ,—*яко тѣи утѣшатся*; Мат. 5, 4. *Блажени алчущіи нынѣ*, *яко тѣи насытятся*; Лук. 5, 21. *Блажени изгнани правды ради*, *яко тѣхъ есть царствіе небесное*. Остановимся на сихъ послѣднихъ словахъ Спасителя и размыслимъ, кто суть гонимые за правду, и почему они блаженны.

Кто суть гонимые за правду, изъясняетъ намъ самъ Господь въ томъ же мѣстѣ: *блажени будете*,—сказалъ Онъ,—*егда возненавидятъ васъ челоуцы, и егда разлучатъ вы, и поносятъ, и пронесутъ илѣя ваше яко зло, Сына челоуческаго ради*. Лук. 6, 22. Здѣсь представляются нашему взору, во первыхъ, гонители — *челоуцы*, т. е. люди плотскіе, преданные міру, грѣшники; 23. 26. Во вторыхъ, вина, за которую гонятъ — *Сына челоуческаго ради*, т. е. за Иисуса Христа Господа нашего. И такъ гоненіе за правду предполагаетъ виновность въ гонителяхъ, которые суть грѣшники, и невинность въ гонимомъ, который есть пламенный любитель Иисуса Христа.

Перенесемся теперь мысленно, Сл., изъ сего священнаго Храма въ общество челоуческое, и посмотримъ, конечно не равнодушнымъ окомъ, какъ выдвигаются тамъ гоненія за правду. Какое множество гонимыхъ невинно вдругъ является очамъ нашимъ!

Вотъ несчастный отецъ, коего дѣти выгнали изъ

дому по несправности къ его строгому благочестію. Исполняя ревностно долгъ родительскій и заботясь о спасеніи дѣтей, онъ неумолчно внушалъ имъ правила Христіанской жизни, вставалъ противу перенимаемыхъ ими въ свѣтъ заблужденій и порочныхъ навыковъ, возбранялъ имъ входъ въ развратныя общества, заключалъ сокровищницу для ихъ сластолюбія, совѣтовалъ, упрекалъ, грозилъ, умолялъ, плакалъ; все сіе, подобно мечу, пронзало порочное сердце дѣтей, и неблагодарные ожесточились, домогаясь гибельной для себя вольности.

Вотъ судія правдивый и нелицепріятный дѣлается жертвою злобы человѣческой. Давши обѣтъ Богу и отечеству быть защитникомъ невинности и обвинителемъ порока, онъ свято исполнялъ свою обязанность. Сколько виновныхъ, коимъ ходатайство его возвратило жизнь, имѣніе, честь и свободу! Сколько злодѣевъ, кои, бывъ извлечены имъ изъ тайныхъ убѣжищъ, подверглись мищенію правосудія! Много разъ коварство, лезть и насиліе покушались покривить его вѣсы; но непоколебимый духомъ смѣло отвѣчалъ потворствующимъ злу: «тщеты всѣ ваши усилія: я творю правду не для корысти или по тщеславію, но изъ повиновенія Господу моему и изъ любви къ несчастнымъ, которые суть Его братія. Пока могу говорить за правду, ни что не заставитъ меня молчать. Скорѣе умру, нежели выдамъ невиннаго.» И онъ

дѣйствительно умираеть въ темницѣ, и чистый отъ крови праведныхъ готовится предстать Судіѣ неумытному.

Вотъ проповѣдникъ Евангелія, который ревностію по вѣрѣ и святостію жизни вооружалъ противъ себя невѣріе и развратъ. Обращаясь въ міръ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, онъ объявлялъ себя врагомъ всѣхъ тѣхъ, кои пагубнымъ вольномысліемъ и развратнымъ житіемъ безславятъ имя Христіанна. *Горе; вопіялъ онъ, глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, горе мудрымъ въ себѣ салихъ и предъ собою разумнымъ*, Ис. 5, 20 - 21. Горе богатымъ, горе насыщеннымъ, горе смѣющимся, горе величашимъ людьми, Лук. 6, 24-25-26. Всѣмъ грѣшникамъ горе! Часъ суда наступаетъ: *Судія у дверей*. Іак. 5, 9. Обратитесь, пока есть время, обратитесь; что медлите на распутіяхъ міра? что вы второе распинаете Іисуса Христа? Окаянные, жестокосердые и каменносердечные! *Тирѹ и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, нежели вамъ*. Мат. 12, 22. Такъ посланникъ глѣва Божія гремѣлъ на нечестіе, и застѣгаемое во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, осуждаемое разумомъ, тревожимое совѣстію, устрашаемое адскими муками, оно не нашло другаго средства къ своему успокоенію, какъ осудивъ противоглаголющаго на вѣчное молчаніе.

Вотъ вельможа, который пламеннымъ усердіемъ

къ истиннымъ пользамъ Церкви и Отечества, разжегъ на себя зависть и мщеніе. Исполняя служеніе Царю и вмѣстѣ Богу, отъ Коего получилъ власть, Рим. 13, 1, онъ противоборствовалъ всему, что клонилось къ потрясенію и разрушенію града Божіа на землѣ. Налогъ ли обременяли народъ, онъ ходатайствовалъ у Престола объ облегченіи бремени; истинныя ли заслуги оставались безъ ободренія, онъ отверзалъ имъ путь къ чести; роскошь ли начинала портить нравы, онъ заграждалъ ея источникъ; мудрованіе ли плотское вставало на Православную вѣру, онъ срывалъ съ него личину и разорялъ губительныя его совѣты. II вотъ награда святой его ревности! Увлеченный потокомъ страстей и пороковъ, кои силился удержать, воспятить, уничтожить, онъ низверженъ теперь въ бездну уничиженія.

Но можно ли исчислить всѣхъ гонимыхъ за правду, можно ли замѣтить всѣ виды злости человеческой, искони изливаемой на праведныхъ? Довольно вспомнить тяжкія времена гоненій, нѣкогда воздвигнутыхъ на юную Церковь Христову, чтобы видѣть тысячи примѣровъ страждущей невинности и тысячи видовъ неистовствующаго невѣрія. Чей образъ мыслей былъ чище, чья жизнь была неукоризненнѣе Христіанъ, въ то время гонимыхъ? Кто лучше ихъ зналъ Бога и поклонялся Ему? Кто усерднѣе ихъ служилъ Царю и властямъ отъ него поставленнымъ? Кто без-

корыстнѣе ихъ помогать ближнему и искреннѣе желать всеобщаго братства? Кто былъ сострадательнѣе, кто миролюбивѣе, кто снисходительнѣе, кто услужливѣе, кто благовравнѣе? И при таковой совершенной невинности, ихъ, какъ величайшихъ преступниковъ, подвергали бичеванію, строгаи желѣзомъ, травли звѣрями, жгли, морили голодомъ, распинали. За что? За какое преступленіе? Никто изъ гонителей не сказалъ бы сего. Да суди и не спрашивали, въ чемъ кого обвиняютъ, справедливо ли обвиненіе; если обвиняемый произносилъ: «я Христіанинъ», — сего довольно было для опредѣленія казни; это на языкѣ ихъ значило тоже, что сказать: я злодѣй! Столько-то ненавистно имъ было имя Христіанина! Такъ-то кипѣла въ нихъ смертельная вражда на Іисуса Христа! И что говорить о давноминувшихъ временахъ гоненія? Доколѣ не воцарится на землѣ единая правда; доколѣ не разорятся открытыя капища и сокровенныя гнѣздилища беззаконія, дотолѣ всегда и вездѣ найдутся гонители и гонимые за правду. Св. Апостолъ Павелъ разумѣетъ всѣхъ Христіанъ безъ исключенія, а потому и каждого изъ насъ, когда предрекаетъ, что *все хотящій благочестно жити гоними будутъ*.

Если участь Христіанина въ сей жизни—терпѣть гоненіе и терпѣть оное непремѣнно; ибо гоненіе составляетъ его крестъ, который онъ нести непремѣнно долженъ (Мат. 16, 24); то не жаловаться ли намъ

на свою участь? Не роптать ли на Бога, что Онъ заставляетъ насъ пить горькую чашу? Нѣтъ. Тотъ не имѣетъ понятія о безконечной любви къ намъ Небеснаго Отца, кто дерзаетъ Его упрекать въ жестокости; тотъ никогда не страдалъ за истину, кто не постигаетъ неизреченной сладости въ семъ самомъ страданіи.

Отъ кого Христіанинъ терпитъ гоненіе? Отъ людей злочестивыхъ. Вотъ первое утѣшеніе въ гоненіи за правду! Тяжко страдать отъ руки друга, котораго мы любили, о добродѣтели коего имѣли высокое понятіе; намъ кажется тогда, что онъ замѣтилъ въ насъ что 'нибудъ худое, оскорбился какимъ нибудъ нашимъ поступкомъ, возымѣлъ невыгодное мнѣніе о нашемъ характерѣ. Сія мысль помрачаетъ самыя добрыя свойства души и не позволяютъ ей успокоиться въ сознаніи своей невинности. Но когда гонитъ врагъ, врагъ истиннаго и добраго, тогда должны происходить въ насъ совершенно противныя чувствованія. Гоненіе есть нравственная борьба; а борьба — предполагаетъ двѣ противоположныя силы. И такъ если востаютъ на меня лжеучители, проповѣдующіе ложь и развратъ: то сіе свидѣтельствуетъ о моей нелицемѣрной любви къ истинѣ и непоколебимой ревности въ утвержденіи правовѣрія; если вооружаются на меня мздоимцы, продающіе за деньги честь, правду и совѣсть: то сіе свидѣтельствуетъ о моемъ безкорыс-

тін и немлюбостяжательности; если притѣсняютъ меня люди жестокосердые, увеселяющіеся слезами и вздохами несчастныхъ, ими угнетенныхъ; то сіе свидѣтельствуєтъ о моемъ сердоболѣн, о моей нѣжной сострада- тельности и щедрой благотворительности; если нена- видятъ меня люди развратные, ведущіе низкую, ско- топодобную жизнь; то сіе свидѣтельствуєтъ о моемъ цѣломудріи, воздержаніи и непорочности; короче, каж- дый особенный порокъ, вооружающійся въ гонителяхъ, служить непреложнымъ свидѣтельствомъ особенной добродѣтели, пресѣдуемой въ гонимомъ. И такъ го- неніе за правду, воздвигаемое всегда злыми людьми, сопровождается тѣмъ первымъ и сладкимъ утѣшеніемъ, что доставляетъ гонимому случай во всей очевиднос- ти познать и со всею силою почувствовать свою не- винность. Живущій мирно и спокойно съ людьми нечестивыми, хотя бы онъ былъ человекъ добродѣ- тельный, не знаетъ сего утѣшенія, какое подаетъ со- вѣсть во время гоненій. При всей своей невинности, онъ не знаетъ полной ея цѣны, не чувствуетъ полного ея достоинства; онъ подобенъ мощному че- ловѣку, одержимому сномъ, и въ снѣ состоянн не сознающему крѣпости своего тѣла. Надобно пробудить его отъ сна, учинить на него нападеніе, чтобы онъ возчувствовалъ всю свою мощь; такъ равно, что бы добродѣтельный возчувствовалъ всю свою невин- ность, надобно извлечь его изъ мирнаго и спокойна- го состоянія.

Впрочемъ можетъ ли добродѣтельный человѣкъ и жизнь спокойно среди людей развращенныхъ? Среди ихъ вольномысліе и богохульство; среди ихъ зависть, клевета, обманъ, вѣроломство; среди ихъ гнѣвъ, распри, разногласіе, ненависть, убійства; это Содомъ и Гоморры! если честный человѣкъ мучится и страдаетъ находясь въ домѣ, гдѣ по случаю происходитъ раздоръ, востаетъ крикъ и шумъ, то не стократно ли болѣе мучиться и страдать долженъ тотъ, который, живя въ развратномъ обществѣ, видитъ не одинъ раздоръ, но всѣ гнусные образы беззаконія, видитъ ихъ не на краткое время, но постоянно и всегда? Пусть же вооружаются злые на добродѣтельнаго мужа и отлучаютъ его отъ своего общества; они тѣмъ доставляютъ ему сугубое удовольствіе: во первыхъ, пробуждая въ немъ чувство совершенное его невинности; во вторыхъ, избавляя его отъ мученія быть свидѣтелемъ ихъ злодѣяній.

За кого Христіанинъ терпитъ гоненіе? За Іисуса Христа. Вотъ второе утѣшеніе въ гоненіи за правду! Кто имѣетъ мягкое сердце и нѣжную душу, тому не покажется сіе непонятнымъ. Онъ знаетъ, что не столь пріятно бываетъ веселиться съ любезнымъ намъ человѣкомъ, сколь пріятно раздѣлять его горестъ, не такъ сладостно благодѣтельствовать ему, сколь сладостно страдать за него. Есть примѣры въ исторіи человечества, что многіе изъ любви съ охотою пере-

носили за другаго великія несчастія и жертвовали самою жизнію любимому человеку. Мы читаемъ сѣи примѣры, и соглашая ихъ съ собственнымъ сердцемъ, вѣримъ: ужели же покажется неимовѣрнымъ то, чтобы Христіанинъ находилъ великое удовольствіе въ страданіи за Іисуса Христа, чтобы не только не избѣгалъ, но даже желалъ частыхъ случаевъ терпѣть за Него, какъ случаевъ пріятныхъ и вождельныхъ? Кого любимъ больше, за того и страдаемъ охотнѣе; а какая любовь можетъ сравниться съ любовью Христіанина къ Іисусу Христу? Тотъ, который свидѣтельствовалъ о Христіанахъ, что ничто не можетъ отлучить ихъ отъ любви Божіей, ни скорбь, ни тѣснота ни гоненіе, ни гладъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечь, Рим. 8, 35, безъ сомнѣнія, не находилъ для нихъ безутѣшными страданія за Іисуса Христа. Ибо онъ тотчасъ послѣ сего свидѣтельства, выставляетъ себя и прочихъ Христіанъ въ примѣръ противпаго. Наши страданія, говоритъ, за Іисуса Христа суть самыя продолжительныя и самыя тягостныя: *Тебе ради умерщвляемъ есмь весь день; влѣчихомся яко же овцы заколенія.* 36. Но чтоже? Унываемъ ли мы отъ того? Теряемъ ли бодрость? Впадаемъ ли въ отчаяніе? Нѣтъ; но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны. 37.

И пусть не всѣ изъ Христіанъ способны преодолѣвать гоненіе за Іисуса Христа по чистой къ Нему

любви, по крайней мѣрѣ всякой изъ нихъ можетъ и долженъ переносить оное изъ чистой къ Нему благодарности. Если любовь усаждаетъ горестъ въ страданіи за друга, то благодарность должна облегчать бремя въ страданіи за благодѣтеля. Чего же не сдѣлалъ для насъ Іисусъ Христосъ? Чего не претерпѣлъ Онъ для нашего искупленія? Христіанинъ! Когда тебя ненавидитъ и преслѣдуетъ міръ, когда со всѣхъ сторонъ тѣснимый и поражаемый, ты нигдѣ для себя не находишь ни прибѣжища, ни утѣшенія, посѣйши мысленно на Голгоѣ, стань у подножія креста Іисусова, смотри на главу Распятаго, изъязвленную терніемъ, на руки и ноги Его пронзенныя гвоздьми, на ребро Его копіемъ прободенное, вспомни, что Онъ все сіе терпитъ для твоего, единственно для твоего спасенія; и если сіе воззрѣніе, сіе воспоминаніе не утѣшитъ тотчасъ твою душевную боль, не залѣчитъ твои раны и не заставитъ позабыть о твоихъ несчастіяхъ, то ты подлинно несчастенъ; ибо у тебя самое нечувствительное и самое неблагодарное сердце.

Не такъ чувствовали св. Апостолы, Мученики, Исповѣдники и прочіе Христіане первыхъ вѣковъ, когда терпѣли жестокія гоненія. Они радовались въ своихъ страданіяхъ, благодарили за нихъ Бога и молили даже, что бы Онъ удостоилъ ихъ большихъ мученій. Удивительное дѣло! Среди мірскихъ забавъ, богатствъ

и чистей, которыя составляютъ земное счастье, они скучали и томилась душою; а среди гоненій — въ темницахъ, подъ ударами палачей, на кострахъ, на крестахъ чувствовали себя блаженными. Чѣмъ объяснить сіе явленіе? Безъ сомнѣнія тѣмъ, что въ нихъ производила сіе чудо Благодать. Ибо безъ содѣйствія Благодати и, такъ сказать, безъ чуда не возможно, чтобы несчастный былъ счастливъ, чтобы плачущій веселился и страждущій блаженствовалъ. Впрочемъ извѣстно, съ другой стороны, что Благодать дѣйствуетъ на человѣка, всегда примѣняясь къ его способностямъ. Почему на пр. одному человѣку сообщается тотъ, другому другой даръ духовный? Конечно потому, что одинъ способенъ къ принятію того, а другой къ принятію другаго дара; въ противномъ случаѣ дары были бы бесполезны. Такимъ образомъ ежели сообщается человѣку отъ Бога и тотъ духовный даръ, силою коего онъ преодолеваетъ гоненіе и блаженствуетъ среди мученій, то это значитъ, что человѣкъ, пріемлющій оный даръ, по природѣ своей души къ тому способенъ, что есть нѣчто въ немъ самомъ, къ чему какъ къ корню прививается вѣтвь и плодъ блаженства, внушаемаго среди мученій.

Что же это такое? Есть въ человѣкѣ, сила, остающаяся доселѣ памятникомъ первобытнаго его величія и могущества, сила сохранять твердость души среди неистовства разъяренныхъ стихій, чувствовать

себя непобѣдимымъ среди несмѣтнаго полчища непріятелей, и возносится превыше страха подъ тучею несчастій. Сила сія, какъ нѣчто весьма упругое, приводится въ движеніе насильемъ противополостей, стѣсняющихъ человека, и когда приходитъ въ дѣйствіе, то по степени гнущихъ золъ, возбуждаетъ въ душѣ равномерную радость, восторгъ и пѣкое Божественное изступленіе, возносящее ее выше всего земнаго. Человѣкъ, даже самый добродѣтельный, чуждъ сихъ превыспреннихъ ощущеній, если наслаждается вышнимъ спокойствіемъ. Но когда онъ въ гоненіи; когда заблужденіе влечетъ его на лобное мѣсто въ награду за истину; когда зависть чернитъ его имя и парѣкаетъ на него ужасныя преступленія; когда ярость отнимаетъ у него все привязывающее къ жизни и самого заключаетъ въ оковы; когда неправосудіе, впемлющее навѣтамъ клеветы, произноситъ надъ нимъ приговоръ смерти; когда все сущее отъ міра устремляется къ его погибели: тогда въ душѣ праведнаго, какъ бы отъ сильнаго удара въ кремль, открывается нѣчто пламенное и живое, нѣчто великое, геройское, божественное, нѣчто такое, что восхищаетъ его за предѣлы времени и заставляетъ предвкушать радости безсмертія. Оставьте свои чертоги, вы, жестокосердые гонители правды! и ради собственнаго свидѣтельства, сколь слабы и безвредны удары причиняемые жертвамъ вашего жестокосердія, идите смотрѣть на вели-

честивѣйшее и трогательнѣйшее въ мірѣ зрѣлище, смотрѣть на праведника, умирающаго въ темницѣ. Вотъ онъ обремененный цѣпями, съ спокойнымъ взоромъ и тихою улыбкою! Не опасайтесь отъ него слышать на себѣ жалобы, упреки, проклятія, хотя впрочемъ вами заслуженныя; онъ весьма далекъ отъ сего низкаго мщенія, свойственнаго малодушію. Отторгаясь отъ суетныхъ помышленій и суетныхъ желаній, какія доселѣ привязывали его къ землѣ, онъ возносится духомъ горѣ и, какъ орелъ, паритъ надъ предметами дольняго міра; отсюда представляется ему вся тщетность человѣческаго мщенія, вся суетность благъ земныхъ, все ничтожество существующаго во времени; онъ познаетъ величіе своей природы, ощущаетъ мощность своего духа, видитъ свое высокое назначеніе къ безсмертію, забываетъ злобу гонителей, извиняя оную ихъ невѣжествомъ, и въ сладкомъ упоеніи восторга говоритъ: «Прощаю васъ, виновники моего несчастія, отъ всего сердца прощаю васъ; вы хотѣли причинить мнѣ крайнее зло, а сдѣлали величайшее добро. Ахъ, если бы вы знали, какъ сладко страдать невинному, и какъ сладко прощать виновныхъ!» Но отъ сильнаго волненія сердца, уста его закрываются, грудь стѣняется вздохами, изъ глазъ струятся слезы... Міръ! уступаю тебѣ твой утѣхи, твой богатства, твой почести, всѣ сокровища земнаго счастья: дай мнѣ сін слезы, сін вздохи несчастнаго; я буду счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Такъ, Сл ; блаженъ, стократно блаженъ гонимый за правду. Страдальческая жизнь и конецъ его служатъ предначинаніямъ вѣчнаго веселія и покоя; онъ шествуетъ по землѣ, какъ герой, и, какъ побѣдитель, вступаетъ во врата неба; множество гонителей своимъ тщетнымъ преслѣдованіемъ довершаютъ его торжество.

Послѣ сего да не будетъ для насъ страшною мысль, что настоящая жизнь есть поприще искушений, и что дорога, по которой мы идемъ, устлана терпѣніемъ и волчцами. Если неизбежна участь человѣка, тѣмъ болѣе Христіанина, — страдать въ сей жизни: то постраждемъ за истину, ибо таковое страданіе и пріятно и полезно (1. Пет. 2, 20). Мало ли въ семъ мірѣ страждущихъ и вмѣстѣ несчастныхъ? Есть страждущіе за свою неправду, есть страждущіе за правду миную, человѣческую: и тѣ и другіе несчастны, поелику при всемъ несчастіи лишаются утѣшенія и награды. Намъ же, когда суждено страдать, да будетъ сіе возмездіемъ за нашу чистую правду, за добро, которое мы оказали ближнему, за любовь, которую имѣли къ Богу, словомъ за то, за что пострадала сама воплощенная правда, — Христосъ. Тогда при сознаніи нашей невинности, при чувствованіи любви и благодарности къ Искупителю, при дѣятельности высшихъ силъ нашего духа, мы не падемъ подъ бременемъ бѣдст-

вій, возлагаемыхъ на насъ міромъ; но съ твердостію перенесемъ оное бремя, и сохраненіемъ сей твердости произведемъ, можетъ быть, то благое дѣйствіе на самыхъ гонителей нашихъ, что они оставятъ свою тщетную злобу и содѣлаются милосердыми. Аминь.

С Л О В О

НА НОВОЙ ГОДЪ.

Господи, остави ю и се лѣто, доидеже окопано окреетъ ея и осыплю ея елеемъ. И аще убо сотворитъ плодъ: аще ли же ни, во ерѣдущее посѣтити ю. Лук. 13, 8-9.

Сін слова, сказаннаго о безплодной смоковницѣ, весьма прилично теперь приложить къ каждому изъ насъ, вступающихъ въ новое лѣто. Господь, посѣщая духовный вертоградъ Свой, найдетъ, конечно, душу каждаго изъ насъ столь же безплодною, какъ упомянутая смоковница; и тогда какъ правосудіе Его назначало сіе бесполезное древо къ посѣщенію, милосердіе говорило: «оставь его и на сей годъ; можетъ быть еще принесетъ плодъ; а если нѣтъ, то послѣ срубишь его.» И такъ, душа, остающаяся нѣсколько лѣтъ безъ

плодовъ духовныхъ! наступающій годъ есть послѣдній для твоего плодоношенія. Потщися убо, и потщися немедленно, принести плодъ достойный покаянія, зная, что уже сѣкира при корени древа лежитъ, и что одно милосердіе Божіе удерживаетъ руку небеснаго правосудія отъ посѣченія его и поверженія въ огонь (Матѣ. 3, 8 - 10).

Одно милосердіе Божіе! Кому сіе не извѣстно? И однакожь кто изъ живущихъ въ свѣтѣ побуждается увѣренностію въ томъ къ неукоснительному дѣланію своего спасенія? Увѣренность въ безконечномъ милосердіи Божіемъ для многихъ, кажется, служитъ еще поводомъ къ коспѣнію во грѣхахъ. Ходящій въ похотахъ своего сердца видитъ содѣваемые имъ грѣхи: ибо какъ не видѣть сихъ черныхъ пятенъ души при свѣтѣ Евангелія? Знаетъ о себѣ, что онъ и гордъ и сребролюбивъ и лукавъ и злопамятливъ и непокоренъ и хульникъ святыни; однакожь, не смотря на свидѣтельство совѣсти, обличающей его въ сихъ грѣхахъ, отлагаетъ свое исправленіе до будущаго времени, надѣясь на милость и прощеніе отъ всеблагаго Бога.

« Неужели, разсуждаетъ онъ, проступки существа, ничтожнаго предъ Богомъ, могутъ сколько нибудь помрачить свѣтлѣйшую всѣхъ солнцевъ славу Его? Неужели Богъ, будучи самъ въ себѣ блаженнѣйшимъ, возбуждается когда нибудь гнѣвомъ и местию противъ своихъ тварей? Не есть ли онъ весь любовь и благодать,

знающая только прощать, а не наказывать?» Подлинно *Богъ любви есть*, (1 Иоан. 4, 16.), и если Онъ представляется въ Писаніи разгнѣваемымъ или отмщающимъ; то сіе есть только приспособленіе къ человѣческимъ понятіямъ. Но можно ли изъ того выводить заключенія, благопріятствующія коснѣнію во грѣхахъ? Всблагій всегда готовъ простить грѣшника; но сей, чрезъ упорное коснѣніе въ своихъ грѣхахъ, можетъ дойти до такого состоянія, въ которомъ самое прощеніе не принесетъ пользы. Долготерпѣніе Божіе безмѣрно; но есть мѣра грѣховъ, исполненіемъ которой опредѣляется неизбѣжная гибель виновнику оныхъ. Хотя непонятно, какъ всякой грѣхъ, большой или малый, тайный и открытый, производитъ дѣйствія, вредныя для духа и тѣла, разстроивая порядокъ даже стихійной природы; но отъ того не менѣе достовѣрно, что долговременное коснѣніе во грѣхахъ оканчивается всегда гибелію, какъ необходимымъ онаго слѣдствіемъ. Чѣмъ окончилось сто — двадцати — лѣтнее противленіе угрозамъ Божіимъ современниковъ Ноевыхъ? — гибелію. Во что ввергли себя жители Содомы и Гоморры пераскакоюю жизнію? — въ гибель. Какая участь постигла Израильтянъ, не хотѣвшихъ долго отъ идоловъ обратиться къ истинному Богу? — гибель. Таковъ порядокъ вещей. Любовь Божія не перемѣнялась собственно въ сихъ случаяхъ на гнѣвъ или мщеніе; но самое противленіе непрестаннымъ ея дѣйствіемъ на челоуѣковъ, поража-

дало разрушительныя силы, каравшія нечестіе. Все-
благій и въ отчаянномъ состояніи грѣшниковъ, не
хотѣлъ ихъ смерти; но наоборотъ бѣжавшіе отъ лица
Божія сами себя предали въ руки адовы. И такъ
чего ожидаешь ты, коснѣющій на пути беззаконія
въ безумной надеждѣ на милость всещедрого Бога?
Или о богатствѣ благодати Его и кротости и долго-
терпѣніи перадиши, не вѣдый, яко благодать Божія
на покаяніе тѣ вѣдетъ (Рим. 2, 4).

Невѣроятно, чтобы кто, сознавая множество сво-
ихъ грѣховъ, не думалъ о необходимости покаянія
или перемѣны въ образѣ жизни; но всякой почти
отлагаетъ сію перемѣну отъ настоящаго до другаго
времени, и обыкновенно до старости, предполагая въ
ней болѣе средствъ къ исправленію себя. Таковыя
расположенія обнаруживаютъ совершенный недостатокъ
опытности и самопознанія. Разсуди самъ безпристраст-
но, отлагающій свое обращеніе до послѣдующихъ
лѣтъ! Кто тебя увѣрилъ, что ты точно доживешь до
сихъ лѣтъ? Развѣ ты счелъ число дней, опредѣлен-
ныхъ для твоего существованія на землѣ? Почему
ты, въ пынѣшнюю почъ отходя ко сну, полагаешь
за вѣрное, что завтра встанешь живой? Не предлагай
въ основаніе цвѣтущаго возраста, крѣпкаго тѣлосло-
женія и прочихъ средствъ, способствующихъ долго-
лѣтней жизни. Сколько людей похищено смертію въ
самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, при крѣпости тѣлеснаго

сложениа, среди изобиліа всѣхъ способовъ къ продолженію жизни! Не случилось ли тебѣ самому опланивать преждевременную кончину кого либо изъ твоихъ сродниковъ или знаемыхъ? Вспомни тѣ мысли и чувствованія, кои рождались въ тебѣ при гробѣ скорѣпостижно умершаго. — «Вчера, говорилъ ты въ себѣ, онъ былъ также здоровъ, какъ я теперь; но и — онъ жертва смерти: кто знаетъ, завтра, можетъ быть, то же будетъ и со мною. Господи! не допусти меня умереть безъ покаяніа.» — Къ сожалѣнію, сіи мысли и чувствованія мимоходомъ посѣщаютъ душу, перадающую о своемъ исправленіи, и возвратившійся по прежнему день утверждаетъ въ ней глубже мечту долготѣіа.

Да внемлетъ же всякой, отлагающій обращеніе свое на многіе годы, что онъ скоро умереть. Не чело-вѣческое это прореченіе, но судъ Божій есть. Вотъ что Всевѣдущій говоритъ устами Премудраго о пребывающихъ въ грѣховномъ состояніи: *страхъ Господень прилагаетъ дни, лѣта же нечестивыхъ умаляются* (Прит. 10, 27); и въ другомъ мѣстѣ: *отъ плода правды древо жизни прозябаетъ, отъ земли же беззаконныхъ души беззаконныхъ* (11, 30). Видишь ли, надеждою многолѣтіа обольщаемый грѣшникъ, краткій срокъ твоея жизни? Примѣчаешь ли, что изъяденный червями похотѣвій корень твоего сердца, скоро произведетъ внезапное паденіе самаго дерева,

или твоего тѣлеснаго состава? *Устрой о дому души твоей, умираеши бо ты, и не будеши живъ* (Исаян. 38, 4).

Но если съ отлагающимъ обращеніе впредь и не случится преждевременной смерти, если онъ благополучно проживетъ до семидесяти или осьмидесяти лѣтъ и даже далѣе; то все равно: съ наступленіемъ сихъ лѣтъ не произойдетъ перемѣны въ образъ его жизни, кромѣ той, что онъ въ семьдесятъ или осьмидесять кратъ сдѣлается грѣшнѣе прежняго, и во столько же кратъ безсильнѣе къ исправленію себя. Думать, что старость есть удобнѣйшее время для исправленія того, кто прожилъ вѣкъ, ни мало о томъ не заботясь, значитъ, совершенно не знать самого-себя. Извѣстно, что расположеніе къ злему отъ природы имѣетъ въ насъ перевѣсъ надъ расположеніемъ къ добруму; отъ сего желающій возвыситься въ себѣ любовь къ добру, долженъ непрестанно бороться съ преобладающимъ влеченіемъ къ злу; отъ сего каждая добрая мысль, каждое доброе чувствованіе, каждое доброе дѣло суть трофеи побѣды, одерживаемой умомъ надъ враждебными ему склонностями (Рим. 7, 25). Напротивъ преуспѣваніе во злѣ не требуетъ трудовъ и усилій; и безъ того возникаютъ въ душѣ злыя мысли, порочныя желанія и вредныя похоти. Здѣсь самое бездѣйствіе служитъ къ большому усиленію зла. Отложи истребленіе дурной мысли, родившейся теперь, до другаго дня; завтра прилѣпится къ ней пре-

ступное желаніе. Считая сіе вещью, не стоящею вниманія, не увидишь, какъ оно обратится въ склонность. Будь равнодушенъ и къ ней; она тотчасъ созрѣетъ въ навѣкъ. Такимъ образомъ всякой грѣхъ безъ противодѣйствія возрастаетъ съ лѣтами, какъ болѣзнь невращаемая, и приближаетъ съ возрастающею скоростію къ безднѣ развращенія, какъ чолнъ, пущенный по теченію рѣки. Кому же подобенъ человекъ, отлагающій свое исправленіе до старости? Онъ подобенъ больному, который бы сказалъ своему врачу: «Оставь меня; я еще успѣю излечиться и тогда, когда мнѣ сдѣлается очень тяжело.» Или подобенъ плывущему по водѣ, который бы предостерегающимъ его отъ увлеченія въ пропасть, отвѣчалъ: «не заботьтесь; я еще успѣю повернуть къ берегу близъ самой пропасти.» О несчастный! ты не знаешь, что говоришь. Для тебя кажется легче исторгнуть съ корнемъ грѣхъ, содѣлавшіеся отъ времени многолѣтними древами, нежели выбросить ихъ изъ сердца въ самомъ зародышѣ. Познай свое заблужденіе и теперь же обратись съ молитвою къ Прощающему грѣхъ: «Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!»

Да не помыслить при семъ кто либо изъ васъ, Сл., что все, доселѣ сказанное о пагубномъ коснѣніи во грѣхахъ, падаетъ только на нѣкоторыхъ явныхъ грѣшниковъ, а не на него, который *нѣсть, якоже прогнѣ человекъ*. Сіе помышленіе обнаружимо бы въ

немъ такой недостатокъ, который преимущественно исправлять должно. Сами Святые столь мало цѣнили свои успѣхи въ добродѣтели, что безпрестанно чувствовали нужду въ обращеніи: *обрати ны, Господи, къ Тебе, и обратилися* (Плач. 5, 21.), и, ходя уже предъ Богомъ въ правдѣ и преподобіи истины, просили Его: *путь неправды отстави отъ мене* (Псал. 118, 20). Какъ же намъ, — грѣшникамъ, не быть убѣжденными въ необходимости скорого исправленія? Пусть каждый обратитъ на себя безпристрастный взоръ и строго испытаетъ свои мысли, расположенія, поступки: онъ безъ труда примѣтитъ въ себѣ множество грѣховъ, или уже укоренившихся въ немъ, или растущихъ, или только возникающихъ, коихъ исправленіе должно начать съ сей же минуты, искреннимъ и усерднымъ прощеніемъ помощи Божіей въ семъ спасительномъ предпріятіи.

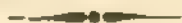
Симъ образомъ новый годъ, въ который вступаемъ, содѣляется для насъ не по имени только, но въ самой вещи новымъ, не похожимъ на тѣ старые годы, которые мы провели, нерада о своемъ спасеніи. Съ сего дня имена наши будутъ напечатлѣны въ книгѣ жизни, и Ангелы на небѣ о насъ возрадуются. Вотъ истинное торжество новаго года! Хочешь ли сего, Слушатель — Христіанинъ? Если хочешь, то не отлагай до утра своего предпріятія: иначе все погибло; но рѣшись на подвигъ благочестія въ сей же

день, въ сей же часъ, и не прежде выходи изъ сего священнаго храма, какъ давши твердый обѣтъ предъ Всевѣдущимъ — начать отселѣ новую жизнь, состоящую въ правдѣ и преподобіи истины (Ефес. 4, 24).
Аминь.

С Л О В О

НА ДЕНЬ КРЕЩЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Ближе во Христа креститесь, во Христа облекаетесь.

Воспоминая и празднуя въ сей день крещеніе во плоти Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, Христіане слушатели, мы, во первыхъ, принесемъ хвалу и благодареніе Богу, сподобившему и насъ, еще младенцами сущихъ, благодати Крещенія; во вторыхъ, приведемъ себѣ на память, и сколь можно глубже укоренимъ въ сердцахъ своихъ тѣ священныя обязанности, которыя исполнять каждый изъ насъ обѣщался при входѣ въ купель Святаго Крещенія. Предметы эти весьма важны, назидательны, возвышенны: и

ваше благочестивое вниманіе да не ослабнетъ, вашъ ревностный жаръ къ слышанію Слова Божія да не охладѣетъ отъ того только, что о предметахъ сихъ намѣренъ говорить предъ вами неопытный, некраснорѣчивый и притомъ еще неизвѣстный вамъ проповѣдникъ. На сіе повторю сказанное св. Апостоломъ Павломъ: 2 Кор. 4, 7, *мы имѣемъ сокровище въ скупдельныхъ сосудахъ, и не смотря на бѣдное просвѣщеніе нашего разума, на простоту нашей рѣчи и слабость голоса, Слово Божіе однако въ насъ здраво и цѣло.*

Во первыхъ, сказалъ я, мы должны принести и вѣчно приносить хвалу и благодареніе Богу, сподобившему насъ благодати Крещенія, на самой зарѣ жизни нашей. Ахъ! что были бы мы, не омовенные водою Святаго Крещенія, по рожденіи на сей свѣтъ? Жалкія творенія, пресмыкающіяся во мракѣ; сосуды, исполненные нечистоты, сыны проклятія, жертва гнѣва Божія и добыча ада. Здѣсь, на землѣ, блуждая въ невѣдѣніи истиннаго Бога и не имѣя внутри себя благой совѣсти, провозждали бы мы скотоподобную жизнь; а тамъ, за гробомъ, при свѣтѣ истины узрѣвши свое окаянство, поверглись бы естественно въ ожесточеніе или совершенное отчужденіе отъ Бога, которое есть истинная смерть души и источникъ вѣчныхъ ся мученій. Но слава и благодареніе премоисердому Господу, избавившему насъ, чрезъ святое Крещеніе,

отъ таковыхъ ужасныхъ золъ и даровавшему намъ во Іисусѣ Христѣ наслѣдіе живота вѣчнаго. Ибо св. Крещеніе, Сл., обручаетъ душу крещаемого, какъ невѣсту Іисусу Христу, смывая съ нея прирожденную скверну грѣха; потомъ убѣлая, умащая и украшая ее дарами Духа Святаго. Крещеніе есть гробъ ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и колыбель новаго, созидаемаго въ правдѣ и преподобіи истины. Крещеніе полагаетъ на человѣкѣ чудную и неизгладимую печать, коей трепещутъ злые духи, и которая привлекаетъ къ намъ добрыхъ Ангеловъ. Крещеніе отверзаетъ дверь въ общество вѣрующихъ; соприсчисляетъ-linkу избранныхъ, сподобляетъ чести бесѣдовать еще въ семъ бренномъ тѣлѣ съ безымянными духами и славословить съ ними трисвятое имя Божіе. Крещеніе усыновляетъ человѣка Богу, чрезъ тайнодѣйственное подобіе страданій и смерти Іисуса Христа, и служитъ вѣрнымъ залогомъ и поручительствомъ истинныхъ благъ, обѣтованныхъ чадамъ Божиимъ въ семъ и наипаче въ грядущемъ вѣкѣ. О святая и освящающая купель Крещенія! мать, раждающая въ духовную жизнь! море небесныхъ благословеній! Блаженны, стократно блаженны мы, удостоившіеся омыться тѣломъ и духомъ въ твоей спасительной водѣ и получить изъ тебя второе рожденіе, отверзающее намъ райскія двери.

Но, Слушатели, Крещеніемъ просвѣщенные! Соз-

навая вѣрою и опытно чувствуя многоразличныя спасительныя дѣйствія Таинства сего на душу и тѣло, не забудемъ и тѣхъ великихъ обязанностей, которыя съ своей стороны исполнять обѣщали мы съ клятвою, при выходѣ изъ купели Святаго Крещенія. Съ сей минуты перерожденія, каждый изъ насъ обязался представлять собою одушевленный храмъ, для совершенія службы Богу духомъ и тѣломъ во все дни живота своего; отсель, все части сего дышащаго зданія должны быть посвящены единственно въ честь и прославленіе Творца и обновителя своего. Глава сія должна размышлять о благодѣвіяхъ Божіихъ, оказанныхъ и оказываемыхъ человѣческому роду и поучаться день и ночь въ законѣ Божіемъ; сердце, бьющееся въ сей груди, должно горѣть чистою любовью къ Богу и расширять свои пѣдра для благотворенія всемъ людямъ; очи сіи должны быть возводимы на небо для созерцанія тамъ чудесъ всемогущества Божія, и низводимы на землю для срътенія на каждомъ шагу Отческой десницы, разсыпающей въ изобиліи блага на пользу и удовольствіе наше; уши сіи должны быть отверсты во услышаніе благовѣстія вѣры; языкъ сей долженъ быть благозвучнымъ органомъ Божественнаго славословія; руки сіи должны быть воздѣваемы горѣ съ благодареніемъ или простираемы для подаванія милостыни, для отертія слезъ несчастнаго; ноги сіи должны служить къ поспѣше-

нію въ храмъ Господень и также въ дома плача, гдѣ полуобнаженная нищета и сиротствующее младенчество просятъ отъ насъ именемъ Христовымъ утѣшенія, призрѣнія и покровъ. Все тѣло сіе должно быть упражняемо подвигами благочестія: бдѣніемъ, молитвою, постомъ, воздержаніемъ, обузданіемъ страстей, должно быть всегда чисто, свѣтло, испорочно, какъ приличествуетъ быть одушевленному храму Духа Святаго. Таковы суть обязанности, возлагаемыя на каждаго изъ насъ послѣ Св. Крещенія. Исполненіе сихъ обязанностей, безъ всякаго сомнѣнія, необходимо нужно для того, чтобы сохранить въ себѣ дары благодати, полученные во Святомъ Крещеніи. Кто исполняетъ оныя съ полнымъ усердіемъ и постояннымъ расположеніемъ, на томъ пребываетъ благодать Крещенія не отступно отъ младенчества до старости, отъ рожденія до смерти; а кто пренебрегаетъ и совершенно забываетъ обязанности сіи, вопреки данной имъ клятвѣ, того и благодать Крещенія оставляетъ, оставляетъ, какъ неспособнаго болѣе къ общенію съ нею, и гнѣвъ Божій повсюду преслѣдуетъ тяжкими мученіями, какъ поругателя и осквернителя тайны Христовой.

Несвѣроятнымъ и даже невозможнымъ казалось бы такое ужасное клятвенарушеніе въ Церкви Христовой, если бы, къ сожалѣнію, тысячи очевидныхъ примѣровъ не доказывали то на опытъ. Не въ осуж-

деніе виновныхъ, но паче въ утвержденіе самихъ себя на подвигъ благочестія, обратите, Сл., испытующій взоръ на нравственное состояніе лжеименныхъ Христіанъ, суетный міръ населяющихъ, которые, подобно вамъ, окроплены водою Крещенія, помазаны елеемъ радованія, запечатлѣны муромъ святымъ на служеніе Господу; — изслѣдуйте безпристрастно ихъ образъ жизни и сообразите съ тѣми высокими обязанностями, какія и на нихъ столько же, какъ на васъ, лежатъ по Крещеніи: о, какая ужасная противоположность! какое безстыдное, наглосе, богохульное злоупотребленіе способностей и даровъ духовныхъ! Умъ ихъ изощренъ на поруганіе святѣйшей истины, на разрушеніе общественнаго порядка, на уловленіе ближняго въ потаенныя сѣти; сердце ихъ идолопоклонствуетъ безчисленнымъ страстямъ, и въ жертву имъ приносятъ долгъ, стыдъ и совѣсть; очи ихъ пригнѣзжены къ соблазнительнымъ зрѣлищамъ, слухъ ихъ усыпляется нецѣломудренными пѣснями, руки ихъ полны хищенія, ноги скоры къ пролитію крови, и языкъ ихъ, о Боже милосердый, языкъ ихъ вмѣсто Богохваленія, для котораго созданъ и въ купели освященъ, изрыгаетъ хулы на Бога и на Спасителя нашего Иисуса Христа. И чей же языкъ это, Сл.? Іудеевъ ли, язычниковъ ли, Могаметанъ ли, варваровъ ли непросвѣщенныхъ? Это спосно бы еще было. Нѣтъ; это печестивый языкъ Христіанъ, которые въ единой съ

нами купѣли омылись, единымъ елеємъ съ нами помазались, единымъ муромъ запечатѣлись; это присные намъ по вѣрѣ; называющіе себя правосмыслящими и просвѣщенными, но которые въ самомъ дѣлѣ глупѣе всѣхъ безумныхъ, нечестивѣе всѣхъ невѣрныхъ.

Очевидно, что благодать Крещенія отступила отъ сихъ несчастныхъ людей. И если путь ихъ на землѣ иногда спѣется, то конечно для того, чтобы исполнилась о нихъ мѣра долготѣрпѣнія Божія. Но придетъ время, и не укоснеть, когда за презрѣніе и поруганіе святыни воспріимуть достойную мзду; когда вода, отражающая въ духовную жизнь, обратится для нихъ въ палящій огонь и жупель; когда вмѣсто цѣлебнаго елея, тѣла ихъ покроются струпами и червемъ пеусыпающимъ; когда вмѣсто знаменія мурѣ на нихъ возложено будетъ клеймо проклятія и вѣчнаго позора предъ Ангелами и человѣками.

Страхъ сего участи, грозящей боготступникамъ; а нече любовь и благодарность, которыми вѣчно обязаны мы Богу за свое искупленіе, да охранять насъ, Сл., отъ общества погибельныхъ людей, да утвердятъ стопы наши въ Православной вѣрѣ, среди всѣхъ смутныхъ шатаній лжеумудрствующаго міра. Потщимся явить себя въ жизни достойными данной намъ благодати Святаго Крещенія. Почтимъ воду омывшую насъ въ св. купели, сохранимъ чистоту и непорочность; почтимъ елей, помазавшій насъ на подвигъ, пеусып-

нымъ бдѣніемъ и всегдашнею борьбою со врагами внутренними и внѣшними; почтимъ муро, запечатлѣвшее насъ на служеніе Господу, безпрекословною преданностію Его повелѣніямъ, ревностнѣйшимъ нашимъ ополченіемъ за честь Его имени и всегда готовымъ самопожертвованіемъ для благосостоянія Святой Его Церкви. Да исполнится на насъ, въ извѣстной мѣрѣ, сія провозглашаемая нынѣ Церковію пѣснь: *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь.*

А ты, человеколюбче Христе Боже нашъ, благоизволивый креститися во Іорданѣ нашего ради спасенія и насъ сподобивый быть общниками Св. Крещенія Твоего, призри съ небесе на предстояція Тебѣ люди сія и виждь ихъ совѣты сердечные, и посѣти благоутробіемъ Своимъ виноградъ сей, его же посади десница Твоя. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ВОСПОМИНАНІЯ НА НЕБЕСИ ЯВЛЯЮЩАГОСЯ
ЗНАМЕНІЯ ЧЕСТНАГО КРЕСТА.

И тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси. Мат. 24, 30.

Сего дня, Слушатели, св. Церковь приводитъ на память намъ чудесное знаменіе явившагося нѣкогда на небѣ креста Господня. Въ то время, какъ ересь Арія, извѣстнаго вамъ богоотступника, распространила свое владычество по всему востоку, когда самъ Константинопольскій Императоръ, именемъ Констанцій, объявилъ себя покровителемъ оной, и Христіане правовѣрные, за свою непоколебимую твердость въ истинной вѣрѣ подверглись отъ него жестокому гоненію: въ сіе злополучное время въ Іерусалимѣ, посреди бѣлаго

днѣ, въ глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей, явилось на небѣ лучезарное знамя Креста Господня; и что всего замѣчательнѣе, явилось надъ Голгофой, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, на которомъ Господь нашъ былъ распятъ. Таковое явленіе для тогдашнихъ бѣдствующихъ Христіанъ было ободрительнымъ знакомъ къ терпѣнію; посредствомъ онаго, самъ Іисусъ Христосъ, казалось, вѣщалъ съ неба вѣрнымъ своимъ, за Него на землѣ воинствующимъ: «мужайтесь, стойте, не бойтесь: Я съ вами. Вотъ знамя Мое, знамя побѣды и залогъ будущаго вашего спасенія! Кто изъ васъ будетъ сражаться подъ знаменемъ симъ, того ни какая сила вражія одолѣть не можетъ. Хотя бы весь міръ всталъ на него, хотя бы цѣлый адъ противъ него ополчился, и тогда онъ ни чего не страшись: поемлю Я его защищаю.» Языкъ сей, хотя и безмолвный, понятенъ былъ для вѣрующихъ зрителей явленнаго чуда: ибо преданіе говоритъ, что они, увидя оное, душевно возрадовались, и всѣ отъ малаго до стараго съѣхали во храмъ для изъявленія милосердому Богу своей благодарности.

Но это все случилось за чатырнадцать столѣтій прежде настоящаго времени, и при такихъ обстоятельствахъ, которыя нынѣ вовсе не существуютъ: потому не напрасно ли св. Церковь воспоминаетъ памъ столь давнее, и съ теперешними обстоятельствами несогласное происшествіе? Нѣтъ, слушатели, не напрасно. Ибо

воспоминаніе сего происшествія для насъ, равно какъ самое происшествіе для древнихъ очевидцевъ онаго, весьма назидательно. Оно утѣшаетъ насъ въ собственныхъ несчастіяхъ нашихъ. Ибо хотя мы нынѣ и не терпимъ ни отъ кого гоненія за неповѣданіе вѣры своей, какъ то жившіе до насъ Христіане терпѣли; однако, подобно имъ очень часто подвергаемся несчастіямъ своего рода. Такъ иной изъ насъ обременяется бѣдностію, другой страждетъ на одрѣ болѣзни или оплакиваетъ свое сиротство; тотъ потерпѣлъ большой убытокъ въ имѣніи, сей униженъ въ чинахъ, этотъ не получилъ возмездія соотвѣтственнаго трудамъ своимъ, у одного разстроены домашнія обстоятельства, у другаго общественная служба безуспѣшна, у третьяго все идетъ несчастливо; кто на себя, кто на людей, кто на судьбу свою жалуется; и есть ли между нами изъ тысячи человѣкъ хотя одинъ, совершенно довольный своимъ состояніемъ? Такимъ образомъ все мы, подобно Христіанамъ прежняго времени, нуждаемся въ средствахъ, служащихъ къ ободренію и укрѣпленію нашего духа, поражаемаго несчастіями. Крестъ Спасителя если не на небѣ, то во храмѣ видимый нами, долженъ быть и для насъ единственнымъ источникомъ утѣшенія въ горестяхъ нашихъ.

И сіе-то составитъ предметъ моего настоящаго слова. Я хочу предложить благочестію вашему нѣко-

торыя Евангельскія истины, служащія успокоеніемъ и отрадою для человѣка находящагося въ бѣдствіи, хочу указать на нѣкоторыя духовныя врачевства противу скорби, жестокой и всегда продолжительной душевной болѣзни. Приклоните внимательный слухъ всѣ, присутствующіе во храмѣ семъ: ибо предметъ, разсматриваемый мною, до каждаго изъ васъ касается. Несчастные получаютъ отъ него облегченіе въ томъ, что уже на самомъ дѣлѣ претерпѣваютъ; счастливые займутъ отъ него многія необходимыя для себя предосторожности противу тѣхъ золъ, кои впередъ могутъ съ ними случиться. Ибо извѣстно, что самый счастливый человѣкъ испытываетъ въ свою черду какое нибудь горе, и оно для него тѣмъ жесточе, чѣмъ неожиданнѣе. Часто даже неожиданность бываетъ единственнымъ зломъ въ томъ приключеніи, которое его огорчаетъ. Ахъ, сколько бѣдъ, сколько горестей перестало бы для насъ существовать, или по крайней мѣрѣ не стало бы такъ сильно дѣйствовать на наше сердце, если бы мы заблаговременно приготавливали себя къ благодушному перенесенію оныхъ!

II во первыхъ надобно знать, Сл., что такое несчастіе въ собственномъ значеніи слова сего. Мы часто ошибочно судимъ объ этомъ предметѣ, принимая болѣзненныя ощущенія своего сердца за самое несчастіе, и жестокою первыхъ измѣряя великость послѣдняго. Сердечная болѣзнь нами ощущаемая, мо-

жетъ иногда происходить отъ внутренняго поврежденія души нашей, а не отъ неблагопріятнаго расположенія вѣшнихъ обстоятельствъ. Можно, на примѣръ, страдать бессонницею отъ того, что имѣешь въ головѣ дерзкіе замыслы или предаешься глупымъ мечтамъ; можно быть недовольнымъ своею судьбою отъ того, что слишкомъ многого хочешь; можно жаловаться на злобу людей отъ того, что ихъ не любишь, роптать на Промыслъ Всевышняго отъ того, что оному не вѣришь. Можно быть скучнымъ отъ праздности, подозрительнымъ отъ лукавства, сердитымъ отъ самолюбія, унылымъ отъ зависти, отчаяннымъ отъ безумія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ причина ощущаемой нами печали не внутри ли насъ самихъ заключается. Однако, не заглядывая сюда, мы все то обыкновенно приписываемъ симъ гнетущимъ насъ обстоятельствамъ.

«Меня обидѣли, жестоко обидѣли!»—говоритъ гордецъ, раздраженный нѣкоторыми словами ближняго, быть можетъ сказанными отъ сего послѣдняго въ шутку или по неосторожности. «О времена!»—восклицаетъ корыстолюбецъ, встрѣтившій нѣкоторыя препятствія къ своему разбогатѣнію или принужденный небольшою частію имуществъ своего жертвовать общей пользѣ. «Гдѣ нынѣ правосудіе?»—вопіетъ честолюбецъ, обойденный въ чинахъ и не получившій отличія, на которое давалъ себѣ полное право. «Насъ при-

тѣснятъ, насъ гонять! — взываетъ толпа праздволюбцевъ, присаженныхъ къ дѣлу и не имѣющихъ времени гоняться за мірескими забавами. Всѣ сіи и подобные имъ люди приносятъ жалобы на свое состояніе, ходятъ съ поникшею головою, съ мрачными и блѣдными лицами и ни днемъ ни ночью не знаютъ покоя. Судя потому, вы конечно скажете, что они не счастливы? Подлинно не-счастливы, Сл.; только ихъ несчастіе не въ томъ заключается, въ чемъ они его полагаютъ. Оно заключается въ ихъ гордости, въ ихъ корыстолюбіи, въ ихъ любочестіи, въ ихъ наклонности къ чувственнымъ удовольствіямъ. Вотъ черви, безпрестанно грызущіе внутренность свихъ несчастныхъ; вотъ змѣи, сосущія ихъ бѣдное сердце! Если они желаютъ быть благополучными, то пусть задуютъ въ себѣ этихъ змѣй, пусть истребятъ въ себѣ этихъ гадовъ, въ глубинѣ души пресмыкающихся. Безъ того ни какое земное счастье не будетъ имѣть въ глазахъ ихъ настоящей цѣны. Окруженные всѣми сокровищами свѣта, при звукѣ сладкогласной мусикѣ, на розахъ земнаго блаженства, они будутъ вздыхать и сохнуть отъ внутренняго своего поврежденія, подобно тому, какъ изсыхаетъ согрѣваемое лучами краснаго солнца, и орошаемое потокомъ чистой воды дерево, у котораго повреждена сердцевина.

И такъ не должно считать себя несчастливымъ потому только, что чувствуешь отъ чего либо горестъ.

Чувствованіе сіе, какъ видѣли мы, бываетъ обманчиво. Чтобы не впасть въ притекающее изъ него заблужденіе, надобно вопрошать себя всякой разъ, когда становится грустно: не во мнѣ ли самомъ кроется источникъ настоящей печали? Не страсть ли какая, мною обладающая, изъясняетъ злословіе тамъ, гдѣ его нѣтъ совершенно? Не воображеніе ли мое, увлеченное страстію, облачаетъ все вокругъ меня чернымъ флёромъ и являетъ очамъ моимъ страшные призраки и грозныя привидѣнія? Если бы мы покороче знали самихъ себя и поприлежнѣе занимались разрѣшеніемъ предложенныхъ вопросовъ, то вѣрно множество огорченій, псевдовольствій и заботъ, такъ сильно тревожащихъ душу, разсѣялось бы передъ нашими взорами, подобно какъ туманъ разсѣвается передъ солнцемъ. Къ сожалѣнію, самолюбіе, этотъ тиранъ нашего сердца, всегда отклоняетъ отъ насъ столь щекотливый допросъ, и вину приписывавшейся намъ горести, вину собственную свою, слагаетъ или на природу или на людей или на самого Бога. Ахъ, Сл., довольно и безъ того колючихъ терновъ на пути человѣческой жизни, чтобы назвать оный жесткимъ и неудобопроходимымъ: а мы еще сами размножаемъ сіи горькія прозябенія, повинуюсь обольстительному гласу самолюбія и дикому воплю страстей своихъ.

«Хорошо же, — отвѣчаете вы, — мы не будемъ выдумывать себѣ несчастій, не станемъ огорчаться мечта-

ми. Но что дѣлать въ томъ случаѣ, когда уже не вымышленное, а истинное бѣдствіе насъ постигаетъ, когда свинцовая тяжесть его обрушивается на нашу главу и давить къ землѣ наше брѣнное тѣло? Чѣмъ утѣшить себя стѣнящій на одрѣ болѣзненнымъ и отъ нестерпимой жестокости испытываемыхъ имъ мученій просящій себѣ смерти, какъ послѣдняго блага? Какую отраду можетъ имѣть бѣднякъ, не имѣющій вѣрнаго пристанища въ мірѣ и принужденный каждый день со слезами выманивать себѣ кусокъ пасущаго хлѣба? Кто оботреть слезы отца, оплакивающаго преждевременную потерю дѣтей, погребающихъ свое благополучіе вмѣстѣ съ родителями въ могилѣ? Откуда невинный страдалецъ возметъ столько силъ, столько твердости, чтобы безъ ропота переносить обиды врага, который лишаетъ его чести, отъемлетъ у него послѣднее достояніе, и въ самыхъ страданіяхъ жертвы находитъ адскую для себя утѣху? «Ахъ, Сл., трудные вопросы предлагаете вы проповѣднику: ибо сердце его наравнѣ съ вашимъ болѣзнуетъ о бѣдствіяхъ челоувѣчества; его слабыя члены при одномъ видѣ, при одномъ представленіи злополучнаго содрагаются. Если бы надлежало въ семъ случаѣ руководствоваться одними истинами, кои внушаетъ ему собственный его разумъ и опытъ: то онъ съ своей стороны ни чего другаго не могъ бы вамъ предложить теперь, кромѣ слезъ бесплоднаго сожалѣнія. Къ счастью тамъ, гдѣ

теряется во мракъ человѣческій разумъ, начинается свѣтитъ Откровеніе; и гдѣ яѣмотствуетъ языкъ брениаго существа, тамъ глаголетъ самъ Богъ.

Выслушайте, Христіане, священныя истины, предлагаемыя къ вашему утѣшенію Евангеліемъ Іисуса Христа. Богъ посылаетъ несчастія на людей или попускаетъ онымъ совершиться на землѣ, для исполненія своихъ премудрыхъ и благотѣльных намѣреній. Они не суть дѣйствія враждебнаго рока, или слѣдствіе случайнаго стеченія обстоятельствъ. Такъ думать могли одни язычники, отвергавшіе Божій Промыслъ: а мы имѣемъ на небѣ Отца, пекущагося о насъ гораздо больше, нежели всѣ отцы земные. Быть не можетъ, что бы какое нибудь зло прикоснулось къ намъ безъ Его вѣдома, безъ Его воли, или безъ Его поущенія. Богъ нашъ всевѣдущъ: слѣдовательно Онъ слышитъ каждый нашъ вздохъ, видитъ каждую слезу, втайнѣ пролитую нами. Богъ нашъ всемогущъ: слѣдовательно Онъ можетъ избавить насъ отъ всякихъ враговъ, нехитить изъ челюстей самыя смерти. Богъ нашъ преблагъ: слѣдовательно Онъ хочетъ чтобъ мы наслаждались благополучіемъ въ настоящей дарованной отъ Него жизни. И такъ ежели при всемъ томъ, несчастіе какое либо угнѣтаетъ насъ, то сіе значить, что оно, по суду Божию, признается для насъ полезнымъ и необходимымъ.

«Какая же польза отъ несчастій?—спросите вы,—

почему они могут быть необходимы для насъ?»—Увидите, ежели прилежно вникнете въ дѣло. Всѣ люди, не исключая даже тѣхъ, коихъ мы называемъ добродѣтельными, суть вслнчайшіе грѣшники. Грѣшники, по закону правосудія Божія, должны быть непременно наказаны здѣсь или въ будущемъ вѣкѣ. Ежели здѣсь пріемлютъ они наказаніе за свои худыя дѣла, то можно надѣяться, что въ будущемъ мірѣ ожидаетъ ихъ блаженная участь. Если здѣсь, при всѣхъ преступленіяхъ, они благоденствуютъ, то должно страшиться, чтобы за гробомъ не постигла ихъ злая судьба. Теперь избирайте себѣ одно изъ двухъ, Сл., или тѣсный, тернистый путь жизни, ведущій въ царство небесное, или путь жизни пространный, усыпанный цвѣтами, но ведущій въ адскую бездну. Кто будетъ колебаться при выборѣ семъ? Кто не согласится лучше испить чапу временныхъ горестей нежели быть палиму вѣчно въ огнѣ геенскомъ? Сами святые мужи, ощущая внутренно великую тяжесть грѣховъ своихъ, и содрагаясь при одномъ представленіи адскихъ мукъ, грѣшникамъ уготованныхъ, молили Господа о томъ, что бы Онъ подвергъ ихъ временной казни. *Искуси насъ, Господи, испытай и разжги утробу нашу* (Пс. 25, 2). И Давидъ, впадшій въ преступленіе Давидъ, не прежде пересталъ проливать слезы и ударять себя въ грудь, какъ получивши извѣстіе, что сынъ его преступленія умеръ. Смерть сына казалась ему

благодѣліемъ Божиимъ: ибо онъ въ ней усматривалъ несомнѣнный залогъ своего оправданія.

II вотъ первая польза несчастій. Они составляютъ какъ бы очистительную жертву предъ Богомъ, за грѣхи нами совершаемые, и искупаютъ намъ право на полученіе вѣчнаго живота. Вторая польза заключается въ томъ, что они врачуютъ нравственныя болѣзни, приключаящіяся намъ отъ счастія.

Счастіе есть опасный другъ для того человѣка, которому улыбается. Оно потворствуетъ его страстямъ, угождаетъ его прихотливымъ желаніямъ, покрываетъ самые его пороки. Сколько людей, рукою его извасченныхъ изъ праха и поставленныхъ на высотѣ, содѣлалось отъ того гордыми и надменными! Сколько нищихъ, которымъ вмѣсто прежней ихъ суммы подарило оно корабли съ золотымъ грузомъ, учинились отъ того скупыми и жестокосердыми до такой степени, что отказываютъ въ помощи роднымъ своимъ! Не счастіе ли знакомитъ людей съ праздною? Не оно ли распространяетъ между ними вредную роскошь? Не оно ли отворяетъ имъ двери въ жилище распутства? Не оно ли, наконецъ, внушаетъ имъ забвеніе о Богѣ, презрѣніе къ ближнимъ и высокое, сатанинской кичливости исполненное мечтаніе о самихъ себѣ? Самый благочестивый человѣкъ, кажется мнѣ, не устоялъ бы твердъ въ своей вѣрѣ и добродѣтели, если бы счастіе постоянно осыпало его сво-

ними дарами. Потому-то знающіе глубоко поврежденность своего естества, молятъ Господа даже о томъ, что бы Онъ не давалъ имъ продолжительнаго счастія, считая сіе опаснымъ для себя искушеніемъ. Безпрерывное счастіе, подобно палящему зною солнца, портящему воздухъ, вредитъ благосостоянію души самой невинной: и громы злополучія, отъ времени до времени ударающіе въ челоуѣка, становятся необходимы для очищенія его сердца и для возвращенія ему прежней непорочности. Кто испыталъ на себѣ удары сін, тотъ знаетъ, что я говорю совершенную истину. Несчастіе образумиваетъ челоуѣка и налагаетъ узду на его буйныя страсти. Горделивый подѣ гнетомъ бѣдствія познаетъ, что онъ не выше другихъ людей, и подобно имъ созданъ изъ персти; жестокосердый, имѣя самъ нужду въ состраданіи ближнихъ, начинаетъ уже жалѣть о томъ, что прежде къ судьбѣ ихъ былъ такъ равнодушенъ; сластолюбецъ, разстроившій свое здоровье и преслѣдуемый общимъ презрѣніемъ, проклинаетъ свою прежнюю невоздержность и слѣды оной обѣщается загладить цѣломудреннымъ житіемъ; безбожникъ, познавая опытомъ отяготѣвшую на себѣ руку Господню, невольно сознается въ своихъ заблужденіяхъ, и выно гордаго и слѣпаго ума своего преклоняетъ подѣ иго вѣры. Короче сказать, всякой, побывавшій въ учвищѣ бѣдствій, выходитъ изъ него гораздо умнѣе и благонаправлѣе, нежели каковъ былъ

дотолѣ. Бывали даже примѣры, что человекъ, съ высоты земнаго могущества низверженный въ рабское состояніе, и изъ пышныхъ чертоговъ столицы переселенный въ шалашъ какой нибудь дикой пустыни, благодарилъ небо за столь неблагопріятную, повидному, перемену судьбы своей, и въ восторгъ души, возносящейся выше всего земнаго, вопіялъ къ Богу словами Давида: *благо мнѣ, яко смирихъ мя еси.* Пс. 118, 47.

Но сверхъ означенныхъ доселѣ двухъ пользъ, отъ несчастія прористекающихъ, есть еще третья, не менѣе оныхъ важная. Несчастія, постигающія человека, даютъ ему чувствовать, что земля, на которой онъ живетъ, есть мѣсто временнаго странствованія его, и что отселѣ онъ долженъ устремлять скорые стопы въ горнее свое отечество, — небо. Извѣстно вамъ, Сл., сколь сильную привязанность имѣетъ самъ по себѣ человекъ къ родившей и питающей его землѣ, и сколь много причинъ въ него, усиливающихъ еще болѣе привязанность эту. Сокровища природы, красоты искусственныхъ произведеній, пріятныя развлеченія общественной жизни, все сіе, отменно лаская чувствамъ, приковываетъ къ себѣ его душу, и онъ становится невольникомъ плѣтившихъ его предметовъ, съ гордостію лобызаящимъ свои оковы. Уже и на память не приходитъ ему, кто онъ, откуда пришелъ, и въ какую отселѣ страну идти ему надобно? Земная

юдоль есть поприще, предѣлами котораго ограничиваются всѣ его надежды. Здѣсь онъ воздвигаетъ себѣ изъ брѣнія великолѣпный чертогъ, собираетъ въ него таѣнныя богатства, домогается суетной славы, гоняется за минутными удовольствіями; сынъ неба, наследникъ вѣчнаго царствія, онъ засыпаетъ на своихъ приобретеніяхъ въ чуждой странѣ, и не думаетъ болѣе о своемъ горнемъ отечествѣ. Въ сіе-то время нравственнаго усыпленія его, Богъ, свѣше наблюдающій каждый шагъ, каждое положеніе храпимаго имъ чело-вѣка, повелѣваетъ вѣстнику гнѣва своего грянуть надъ его головою: пробужденный отъ громоваго удара, гость земли открываетъ глаза и видитъ вокругъ себя страшную во всемъ перемѣну. Великолѣпный домъ его рушился отъ огня, имущество его расхищено, слава его помрачена клеветою, друзья его ему измѣнили, любезныя сердцу его отошли отъ сего міра... При столь плачевномъ зрѣлищѣ столпившихся золь, сердце его сначала подавляется горестію: но потомъ мало по малу волненіе чувствъ его утихаетъ, въ глазахъ его становится ясно, жизнь настоящая и жизнь будущая представляются ему въ истинномъ своемъ видѣ. «Нѣтъ, - говоритъ онъ самъ въ себѣ, - не здѣсь, въ странѣ скорбей и лишеній, въ юдоли плача и слезъ, отечество мое! Нѣтъ, я здѣсь пришлецъ, живущій на время; странникъ, которому суждено только пройти сію землю. Сколько чувства мои, дружныя съ нею,

ни убѣждали меня оставаться здѣсь навсегда и не думать больше о будущемъ мірѣ: но я теперь ясно вижу обманъ ихъ и гибельный противъ себя замысль. Духъ мой, воспрянувшій отъ сна, разрываетъ на себѣ оковы, доселѣ связывавшія его съ землею, и какъ орелъ, возносится къ небу. Тамъ моя истинная отчина, тамъ берегъ, тамъ пристань, къ которому я долженъ поспѣшно плыть черезъ волны сей жизни.»

Такимъ — то образомъ, усматривая многоразличныя великія пользы, происходящія отъ несчастій, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, Сл., обвинять Провидѣніе въ томъ, что оно ихъ на насъ посылаетъ. Итъ, если бы даже ни какой пользы не было для насъ отъ несчастій, и тогда мы были бы обязаны терпѣть оныя по одному званію Христіанъ, учениковъ и послѣдователей Іисуса Христа. Господь, изъ любви къ намъ, терпѣлъ отъ яслей до гроба, и терпѣлъ столько, сколько ни кто другой не терпѣлъ: не надлежитъ ли же и намъ, изъ любви къ Нему, также что нибудь потерпѣть во время жизни своей, чтобы только быть участниками въ страданіяхъ Его, понести хотя малую тяжесть Его креста и приложить Его глубокія раны къ своему сердцу? Истинная любовь соревновательна: за жертвы платитъ она жертвами, за кровь не жалѣетъ своей собственной крови. И потому если мы уклоняемся отъ участствованія въ бѣдахъ, понесенныхъ за насъ Спасителемъ, то значить, что

ни сколько Его не любимъ. Не таковы были Апостолы, мученики, исповѣдники и все святые. Исполненные пламенной любви къ Иисусу Христу, они горѣли желаніемъ пострадать за имя Его, и радовались, когда за сѣе подвергали ихъ жестокиѣмъ пыткамъ и смерти. Многіе изъ нихъ даже сѣтовали, не имѣя случая засвидѣтельствовать любви своей къ Господу кровію. Другіе завидовали участи знаменитыхъ страдальцевъ, и все свое блаженство полагали въ терпѣніи. Такъ св. Іоаннъ Златоустый, въ одной своей бесѣдѣ къ народу, сказалъ: «Еслибы кто далъ мнѣ на выборъ цѣлое небо и Павловы узы, то я предпочелъ бы сѣи послѣдніе первому.» II въ другомъ мѣстѣ: «пускай ни чѣмъ не будутъ награждены страданія мои; уже и то для меня великая награда и совершенное возмездіе, что я страдаю за имя обожяемаго мною Христа» (Бес. 8, на посл. къ Еф.).

Но, милосердый нашъ Господи! мы знаемъ хорошо все сѣи истины; знаемъ, что терпѣніе есть неизбѣжный удѣлъ Христіанина, что огонь бѣдствій очищаетъ душу его, какъ золото въ горнилѣ, что страданіями свидѣтельствуется его вѣра на землѣ и приобрѣтается ему на небѣ вѣнецъ побѣдный. Все это знаемъ мы, Господи; и однакожь, когда дойдетъ до дѣла, когда несчастіе, даже не самое тяжкое, постигнетъ рабовъ Твоихъ, мы не находимъ въ себѣ столько силъ и мужества, чтобъ перенести оное благодуши-

но. При первомъ ударѣ заключенія весь бранный составъ нашъ содрагается, плоть наша отъ костей отпадаетъ, кровь леденеетъ въ сосудахъ своихъ и душа наша, какъ бы объятая внезапнымъ огнемъ, мятется во храминѣ тѣла. Мы покушаемся бороться съ несчастьемъ своимъ, но тяжесть оного насъ подавляетъ; мы силмся заглушить въ себѣ чувство снѣдающей горести; но отъ самыхъ усилій сихъ раны сердца нашего растворяются еще больше и хладъ отчаянія разливается по всему нашему существу. Иѣтъ, Господи, мы не можемъ устоять противъ ударовъ, низвергаемыхъ на насъ благодѣтельнымъ гнѣвомъ Твоимъ. И если угодно Тебѣ, чтобъ мы умудрялися ими во свое спасеніе, то пріиди Самъ на помощь къ напастуемымъ, поддержи Своею десницею малодушныхъ, воздвигни не могущихъ возстать отъ паденія: или безъ Тебя, всѣ мы, какъ олово, погрознемъ въ волнахъ житейскаго моря.

Такъ, Сл., безъ вышней помощи не можетъ вытерпѣть самыхъ малыхъ золъ немощная наша природа. Но сіе обстоятельство вмѣсто того, чтобы огорчать, должно радовать насъ несказанно: ибо, по словамъ самаго Господа: *сила Его въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Тамъ, гдѣ изнемогаютъ напряженнѣйшія усилія природы, начинается, по зову молитвы, дѣйствовать Его всемогущая благодать. Или вы думаете, что онъ забываетъ человѣка, дыха-

ющаго подъ бременемъ золь? Нѣтъ; скорѣе забудеть жена отрока свое, или мать исладіе чрева своего, нежели я забуду васъ,—говорить Господь. II въ Евангеліи: не пять ли птицъ продаются за два ассарія? и ни одна изъ нихъ не забыта у Бога. А у васъ и волосы на головѣ всѣ соотены. II такъ не бойтесь: вы дороже множества птицъ (Лук. 12, 6-7).

Сими словами Божественнаго Защитника нашего ободримся, Христіане, въ бѣдахъ или постигшихъ насъ уже, или на будущее время намъ угрожающихъ. Не станемъ предаваться унынію, тѣмъ паче отчаянію, подобно язычникамъ, упованія немущимъ. Іовъ былъ не въ примѣръ несчастію каждого изъ насъ, однако, покорный воля Всевышняго, во всѣхъ приключившихся ему ни что же согрѣши предъ Господомъ (Іов. 1, 2); т. е. не жаловался и не ропталъ на свое положеніе. Давидъ почти всю жизнь свою терпѣлъ гоненіе отъ враговъ, однако, увѣренный въ помощи Божіей, ни кого изъ нихъ не страшился; но, среди самыхъ очевидныхъ опасностей, восклицалъ: *Господь Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрахуся* (Пс. 26, 1). Будемъ подражать примѣру сихъ многострадальныхъ мужей и помнить всегда, особливо во время несчастій, сіе утѣшительное обѣщаніе Господа нашего: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Аминь. Мат. 28, 20.

С Л О В О

НА ДЕНЬ СВ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Когда совершается торжество въ честь великаго мужа, отличившагося воинскими или гражданскими подвигами; тогда прилично бываетъ съ сего освященнаго мѣста напомнить соотечественникамъ о усердномъ исполненіи общественныхъ должностей. Когда празднуется память мужа Святаго, просіявшаго подвигами Христіанскаго благочестія; тогда прилично бываетъ напомнить сынамъ Церкви о ревностномъ исполненіи обязанностей Христіанскихъ. Но предстоящій день, Сл., подастъ намъ случай къ тому и другому роду назн-

дательнаго собесѣдованія; потому что, ублажаемый нынѣ Церковію, Святый Благовѣрный и Великій Князь Александръ Невскій былъ вмѣстѣ и знаменитый заслугами отечеству и великій въ лѣтописяхъ Христіанства Праведникъ. Посему мы за весьма приличное почитаемъ побесѣдовать съ вами теперь о надлежащемъ исполненіи должностей, какъ общественныхъ, такъ и Христіанскихъ вмѣстѣ; иначе сказать, о томъ, что усердно исполняя обязанности гражданина, въ тоже время надобно со всею ревностію исполнять и обязанности Христіанина.

Несправедлива та мысль, что служба Царю и отечеству не имѣетъ тѣсной связи съ служеніемъ Богу; что можно быть великимъ полководцемъ, отличнымъ политикомъ и превосходнымъ судією при самомъ вольномъ образѣ мыслей, при самомъ сомнительномъ поведеніи. Такъ могутъ думать только тѣ, кои никогда съ надлежащимъ усердіемъ не служили Царю и Отечеству; но люди жертвующіе спокойствіемъ, здоровьемъ и даже жизнію своею, согласятся, что безъ помощи благочестія, ни какой общественной обязанности нельзя исполнить, какъ надобно, — что гражданинъ, мыслящій и живущій противно Евангелію, при самомъ успѣшномъ прохожденіи должностей своихъ, не можетъ тѣмъ доставить ни себѣ чистаго удовольствія, ни другимъ истинной пользы.

И во первыхъ, безъ благочестія нельзя надлежа-

щимъ образомъ исполнить ни какой общественной должности. Конечно, и не имѣющіе въ себѣ страха Божія люди, вмѣстѣ съ прочими обществу служатъ; но какъ служатъ? Истинное служеніе обществу предполагаетъ въ служащемъ, если не совершенное отреченіе отъ собственныхъ выгодъ, то, по крайней мѣрѣ, рѣшительное предпочтеніе имъ общаго блага. А люди, благочестія не имѣющіе въ себѣ, чѣмъ побуждаются въ отправленіи возложенныхъ на нихъ должностей?—своимъ самолюбіемъ. Что поставляютъ главною цѣлю своей общественной службы?—личное возвышеніе или собственную корысть. Какія употребляютъ средства къ скорѣйшему пріобрѣтенію того и другаго?—большіею частію беззаконныя, сопряженныя со вредомъ для ближнихъ. Напрасно указываютъ намъ на примѣръ язычниковъ, пестившаго Бога не знавшихъ, — на примѣръ нѣкоторыхъ Христіанъ, холодныхъ къ Богу и Его святому Закону, которые будто бы, не смотря на это, оказали безсмертныя услуги своему отечеству, подвизаясь на поприщѣ войны и мира. Если разобратъ побудительныя причины и образъ дѣйствованія сихъ людей; то окажется, что всѣ они заботились больше о своей, нежели о общественной пользѣ: и богатство страны, умноженное ихъ трудами и бережливостію, было только средствомъ къ наполненію собственныхъ ихъ обширныхъ сокровищницъ; и слава народа, пріобрѣтенная ихъ великими подвигами,

служила только высокимъ подножіемъ, на которомъ они воздвигали кумирь свой. Нѣтъ, съ недостаткомъ почтенія къ Богу, не совмѣстно чистое и постоянное усердіе къ людямъ. Гражданинъ, не боящійся Бога, служить отечеству, пока надѣется получить отъ него вѣрныя выгоды: въ противномъ же случаѣ становится онъ или явнымъ ему измѣнникомъ или скрытымъ его врагомъ. Одно Христіанское благочестіе, Сл., производитъ истинно — усердныхъ ревнителей общаго блага. Одно оно, одушевляя гражданина высокою мыслію, что несущій бремя общественной службы, есть нѣкоторымъ образомъ орудіе самаго Промысла Божія, управляющаго человѣческимъ родомъ; одно оно дѣлаетъ его способнымъ цѣнить общее благо выше своего собственнаго и трудиться для пользы ближнихъ въ надеждѣ одного за сіе возмездія: того, чтобъ видѣть ихъ совершенно счастливыми. Въ чьемъ сердцѣ пѣтъ сихъ возвышенныхъ чувствъ, внушаемыхъ благочестіемъ, тотъ не достоинъ называться сыномъ отечества, а развѣ его наемникомъ и рабомъ.

Далѣе, безъ благочестія, самое успѣшное прохожденіе общественныхъ должностей не можетъ принести совершеннаго удовольствія гражданину. То самое, въ чемъ немнѣющій страха Божія гражданинъ полагаетъ свое верховное счастіе, именно, удовлетвореніе господствующихъ въ немъ страстей — честолюбія и корыстолюбія, это самое служить источникомъ непре-

ставныхъ для него огорченій и вѣчныхъ заботъ. По опыту извѣстно, что всякая новая пища страсти не утоляетъ ея, а еще болѣе увеличиваетъ свойственный ей мучительный голодъ. Обладаемый страстями гражданинъ хотя получаетъ отъ Правительства и деньги и почести: но можетъ ли онъ быть довольнымъ, когда нѣкоторые изъ его сверстниковъ по службѣ имѣютъ больше его; когда другіе, по его мнѣнію, ни чего не стоящіе, совершенно равняются съ нимъ? Всякая награда за службу, даваемая не ему, уже производитъ на него непріятное впечатленіе. Ему кажется, что Начальство не умѣетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ни его дарованій, ни его заслугъ; онъ думаетъ, что трудится болѣе всѣхъ, получая за то самую малую награду; онъ жалуется на множество враговъ, которые будто по зависти или по злобѣ полагаютъ преграду его возвышенію. Ему хотѣлось бы вдругъ подняться на высоту земнаго могущества; и потому обыкновенный медлительный ходъ наградъ, получаемыхъ имъ, ни сколько не веселитъ его, какъ далеко не соотвѣтствующій его обширнымъ видамъ и замысламъ. Такъ-то зависть, гордость, подозрительность и нетерпѣливость, всегдашнія спутницы своекорыстнаго служенія людямъ, непрестанно тревожатъ и мучатъ неимѣющаго благочестія гражданина, даже при успѣшномъ теченіи его общественной службы. Но что сказать, когда по какимъ либо причинамъ откажутъ ему въ заслуженной

наградъ, заставляютъ его сойти съ занимаемой имъ степени и занять низшее въ обществѣ мѣсто? Безчисленные опыты доказали, что гражданинъ, у котораго въ сердцѣ нѣтъ страха Божія, во время несчастія падаетъ подъ бременемъ отчаянія. Совсемъ другія, противоположныя чувства наполняютъ сердце того, кто, усердно служа Царю и Отечеству, вмѣстѣ съ тѣмъ соединяетъ и ревностное служеніе Богу. Онъ всегда доволенъ тѣмъ мѣстомъ, которое въ обществѣ занимаетъ; при всей неутомимой дѣятельности своей, думаетъ, что еще не заслужилъ вполнѣ жалуемыхъ ему наградъ и отличій; не заботится, какъ бы скорѣе вознестись на скользкую и опасную въ обществѣ высоту; но успокоивается на среднихъ степеняхъ, какъ менѣе подверженныхъ переменѣ. Если же и ему вмѣстѣ съ другими придется испытать непріятность по службѣ: то онъ великодушно приметъ ее за урокъ смиренія, и за случай загладить собственную вину безмолвнымъ терпѣніемъ.

Вотъ, Сл., плоды благочестія относительно къ успѣхамъ гражданской службы и къ счастью самаго гражданина: но они еще не все. Благочестіе столь нужно человѣку — гражданину, что безъ него ни какія дѣйствія его по службѣ не могутъ принести другимъ истинной пользы. Ошибаются тѣ, кои думаютъ, будто и чуждый благочестія, но даровитый гражданинъ можетъ произвести дѣла, приносящія людямъ великую пользу: дѣла его могутъ быть блистательными и славными, но

общепользы ни когда. Причина тому заключается, частию, въ свойствѣ самихъ дѣлъ его, а частию во вліяніи на оныя постороннихъ людей и распоряженій Провидѣнія. Во первыхъ, дѣла не на благочестіи основанныя, сами по себѣ уже таковы, что, по своекорыстному расположенію виновника ихъ, доставляютъ выгоду единственно ему, со вредомъ для другихъ. Если же и бываетъ, что его собственная польза, на примѣръ, честь, соединяется съ пользою общею, и по мѣрѣ оной возрастаетъ сама; то въ такомъ случаѣ польза, доставляемая имъ обществу, бываетъ только видимая или по крайней мѣрѣ не продолжительная. Во вторыхъ, люди препятствуютъ общественной службѣ, не основанной на благочестіи, быть благотворною. Неболящійся Господа гражданинъ своими незаконными поступками, обыкновенно, наживаетъ себѣ многихъ враговъ, которые, по личной ненависти къ нему, мѣшаютъ успѣху его предпріятій и ставятъ сильныя препоны общему благу, коль скоро оно сопряжено съ его славою. И это нисколько не удивительно: желая сокрушить ненавистный кумиръ, жалѣютъ ли о подножій, на которомъ онъ утверждается? Наконецъ, само Провидѣніе, отъ котораго зависитъ счастливый и несчастливый успѣхъ дѣлъ человѣческихъ, не позволяетъ людямъ, чуждымъ благочестія оправдать ту мысль, будто и безъ помощи Божіей человѣкъ можетъ облагодѣтельствовать общество, быть истиннымъ другомъ семействъ

и отцемъ народа. Оно не благословляетъ ихъ пріятій возжелѣннымъ концемъ, разрушаетъ въ одно мгновеніе многолѣтніе труды ихъ, какъ памятники страстей, недостойные украшать челоуѣчество.

Такъ, Сл., благочестіе необходимо для того, чтобъ быть добрымъ, счастливымъ и благодѣтельнымъ гражданиномъ. Истину сію знали наши благочестивые предки; и облеченные верховною властію на землѣ, преклоняли колѣна и повергались ницъ предъ Царемъ небеснымъ. Таковъ былъ прославляемый нынѣ Церковію св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій. Истина сія и нынѣ служитъ священнымъ правиломъ для Владыкъ земныхъ, кои, почитая самихъ себя слугами Промысла Божія, неусыпно пекутся о счастіи вѣвѣренныхъ имъ народовъ.—Таковъ благополучно царствующій надъ нами благочестивѣйшій Императоръ Николай 1, который и Августѣйшему сыну своему, Наслѣднику престола, внушаетъ, что изъ всѣхъ камней, украшающихъ царскій вѣнецъ, самый драгоцѣнный камень есть Христіанское благочестіе. Будемъ же и мы подражать ихъ высокому примѣру въ совокупномъ исполненіи общественныхъ и христіанскихъ обязанностей, помня всегда, что тотъ не можетъ быть вѣрнымъ слугою Царя, добрымъ сыномъ Отечества, кто не есть вмѣстѣ и усердный сынъ Православныя Церкви. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Ищите прежде царствія Божія и правды его (Мат. 6, 33).

Есть въ свѣтѣ люди богатые, знатные, ученые, которые въ самыхъ преимуществахъ состоянія своего находятъ предлоги къ увольненію себя отъ должности благочестія. Если представишь имъ въ примѣръ жизни-святаго отшельника, они говорятъ: «мы живемъ въ мірѣ, обременены домашними заботами, подвигаемся на поприщѣ государственной службы; и потому благочестіе не есть общій нашъ долгъ съ тѣми, которые отрещиесь міра, исключительно благочестію себя по-

святниа.» Если укажешь имъ на бѣднаго простолюдина, угодившаго Богу, они думаютъ: «бѣдняку, ни чѣмъ не привязанному къ землѣ, легко было взойти на верхъ духовнаго совершенства; а насъ отягощаетъ богатство, опутываютъ сѣтями мірскія забавы.» Если посовѣтуешь имъ подражать въ благочестіи мужу, который, не учась, одною вѣрою пріобрѣлъ даръ пророчества и чудотвореній, они говорятъ: «такой путь не свойственъ просвѣщенному человѣку, который достигаетъ до истины стезею сомнѣній, приступаетъ къ дѣламъ посягъ опытовъ, и въ поведеніи своемъ сообразуется съ нравами вѣка, опасаясь, чтобы излишняя Богоугодность не сдѣлала его въ глазахъ общества страннымъ. Коротко сказать, многіе изъ живущихъ въ свѣтѣ, если не словами, то поступками выражаютъ извѣстный отзывъ Іудеевъ объ Іисусѣ Христѣ: *еда отъ князь кто върова въ онъ?* (Іоан. 7, 48). Но послушайте вы, освобождающіе себя отъ строгихъ обязанностей благочестія, будто бы не соответственнаго вашему просвѣщенію, вашей знатности и богатству. Если св. Церковь сегодня представить вамъ въ образецъ прославленной Богомъ святости Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невского, въ житіи своемъ мудраго, сильнаго и славнаго, что тогда скажете вы? Не должны ли будете согласиться, взирая на столь разительный примѣръ, что служеніе Богу есть первый долгъ cadaго человѣка, и что причины, которыми оправдывается ваша небреж-

ность о вѣчномъ спасеніи, суть неосновательные предлоги.

Такъ, Слущ., не свойство Христіанскихъ обязанностей, а свойство человѣческой природы, лѣнивой ко всему святому и Божественному, виною тѣхъ отговорокъ, которыми многіе надѣются оправдать свою жизнь, противную правиламъ благочестія.

Во первыхъ, одни думаютъ будто благочестіе есть исключительная обязанность иноковъ. Что разумѣютъ они подъ словомъ, благочестіе? Если они разумѣютъ подъ симъ только всегдашній постъ, ежедневное хожденіе въ храмъ, деннонощное упражненіе въ чтеніи молитвъ и пѣніи Божественныхъ гимновъ и прочія наружныя дѣйствія, приличныя иноческому званію: то ихъ сужденіе справедливо; ни кто не обязываетъ свѣтскихъ людей къ исполненію иноческихъ обѣтовъ, равно какъ и къ пошенію ихъ печальной одежды. Но если подъ именемъ благочестіе разумѣютъ они также и внутреннія добродѣтели, каковы вѣра въ Бога, любовь къ ближнимъ, умерщвленіе страстей и другія, свойственныя званію Христіанина: то, ограничивая кругъ благочестія извѣстнымъ классомъ людей, очевидно они заблуждаются; ибо каждый изъ нихъ, все равно какъ инокъ, съ минуты Крещенія, обязался быть истиннымъ Христіаниномъ. Званіе иноческое не для того учреждено Церковію, чтобы оно за все другія состоянія исполняло долгъ Христіанства;

нѣтъ, ему назначено быть только образцомъ для другихъ въ исполненіи сего священнаго долга; оно должно составлять среди человѣческаго общества какъ бы полкъ Ангеловъ Божіихъ, предшествующихъ другимъ на небо по лѣстницѣ нравственнаго совершенствованія.

Иное дѣло, когда бы однимъ инокамъ надлежало заботиться объ устроеніи для себя блаженной участи за могилой, а люди мірскіе могли бы оставаться безсмертными на землѣ. Но ты, возлагающій обязанность благочестія на иноковъ, ты такъ же нѣкогда вмѣстѣ съ ними прейдешь на тотъ свѣтъ, и ставши предъ судилищемъ Божіимъ. Что же ты отвѣчать будешь тогда на обвиненіе неправдъ твоихъ и на страшный приговоръ, который всемірный Судія произнесетъ надъ тобою? Скажешь ли Ему: «Господи! прости меня: я былъ на землѣ не инокомъ, а мірскимъ человекомъ; я думалъ, что мнѣ можно спастись и безъ строгихъ добродѣтелей Христіанскихъ, что мой образъ мыслей, нѣсколько вольный, что мои дурилы чувства, склонности, навыки, относимыя къ естественной слабости, что мои порочныя дѣла, извиняемыя общимъ примѣромъ, — не помѣшаютъ мнѣ занять мѣсто хотя у порога въ небесномъ чертогѣ; я думалъ, что между чистыми душами праведниковъ будетъ терпима и скверна грѣховная, прикрытая Твоимъ снисхожденіемъ!» — Нѣтъ, ты не можешь тогда сказать такъ:

совѣсть не позволить тебѣ оправдываться притворнымъ незнаніемъ; страхъ запретить увеличивать виновность держимъ злоупотребленіемъ милосердія Божія. И теперь даже стоитъ только войти въ себя, чтобы убѣдиться въ неосновательности подобныхъ рѣчей. Одно легкомысліе, поощряемое врожденною склонностью къ злему, побуждаетъ некоторыхъ свергать съ себя священную обязанность благочестія.

Во вторыхъ говорятъ: «живя въ міръ не возможно спастись.» Спрашиваю: гдѣ же можно? Въ пустынь? — Но развѣ пустыня внѣ міра? Развѣ переселившись въ нее люди обращаются въ Ангеловъ? Повѣрьте, не мѣсто, обнесенное стѣнами, спасаетъ человѣка, а сердце его, огражденное отъ грѣха. *Царствіе Божіе внутри васъ есть*, говоритъ Спаситель. Можно и въ пустынь быть мірскимъ человѣкомъ, ежели страсти господствуютъ надъ душею; можно и въ міръ быть пустышникомъ, если сердце ваше заперто для всего порочнаго. Вездѣ у насъ есть духовные враги, отъ которыхъ не иначе можно избѣгнуть, какъ скрываясь въ потаенной хранилищѣ сердца. И такъ желася ли искренно спасенія, человѣкъ живущій въ міръ? уединяйся внутри самаго себя — въ эту настоящую спасительную пустыню; затворяй сюда въ ходъ для суетныхъ земныхъ занятій и попеченій; укрощай сомнѣнія разума, волненія чувствъ, порывы преступной воли; и при этой духовной тишинѣ бесѣдуй съ Богомъ, воз-

сылая къ Нему молитвенный вздохъ. Такъ спасались патріархи, цари и другіе весьма многіе, прошедшіе жизнь свою въ кругу многолюднаго общества.

«Нельзя спастись мірянину!» Конечно нельзя своими силами, безъ помощи благодатной, равно какъ и тому, кто затворился въ пустынничей кельѣ. Но Благодать готова содѣйствовать всякому ищущему спасенія: стоитъ надлежащимъ образомъ употребить данныя средства къ ея полученію. Употребляете ли вы ихъ? Имѣете ли теплую вѣру во Христа Спасителя? Усердно ли молитесь о низпосланіи вамъ небесныхъ даровъ? Благоговѣнно ли приступаете къ Св. Таинствамъ Покаянія и Причащенія? Увы! какъ часто поступки наши доказываютъ совершенно противное тому, чего мы, по видимому, желаемъ и ищемъ! Желаемъ помощи свыше, а гордимся собственными силами; чувствуемъ нужду въ ходатайствѣ за себя передъ Богомъ, а къ самому Ходатаю равнодушны; понимаемъ всю благодѣтельность молитвы и Таинствъ, и между тѣмъ неохотно прикладываемъ сіи духовныя врачевства къ нашимъ язвамъ сердечнымъ. Кто же послѣ того виною, что мы живя среди міра, не можемъ спастись? Не наша ли собственная небрежность о средствахъ, данныхъ ко спасенію?

Въ третьихъ, говорятъ: «благочестіе не прилично свѣтскому человѣку; исполняя со всею строгостью правила вѣры и постановленія Церкви, прослывешь

въ свѣтъ фипативомъ.» Судите сами, Сл., до какой степени превращаются нынѣ понятія о приличіи человека живущаго въ обществѣ. Человекъ, наилучшее созданіе рукъ Божіихъ, перлъ, искупленный у ада безцѣнною кровію Сына Божія, временный обладатель земли, назначенный отъ Бога наслѣдникомъ вѣчнаго царства на небѣ, это существо, осыпанное дарами благодати Божіей, не можетъ нынѣ обнаружить признательныхъ чувствъ къ своему верховному Благодарителю, безъ опасенія быть осмѣяннымъ со стороны подобныхъ себѣ существъ. То, что бы должно составлять вѣнецъ и красу человѣческихъ дѣлъ, содѣлалось между людьми предметомъ стыднѣя. «Что жъ дѣлать?—скажутъ сыны вѣка сего, —таковъ ужъ духъ настоящаго времени; нынѣ свѣтскому человеку приличіе запрещаетъ спасаться.»—Какъ! вамъ прилично заботиться каждый день съ утра до вечера о здоровьи и украшеніи тѣла, этой одушевленной глыбы земли; а о спасеніи души, этаго Ангела, заключеннаго въ темницу плоти, позаботиться не прилично? Въ томъ нѣтъ стыда, что вы служите, приносите жертвы міру, вымаливая у него сокровища, чести и другихъ суетныхъ благъ; а пресклонить колѣна предъ Богомъ и попросить Его о вѣчномъ блаженствѣ вамъ стыдно? Невѣроятное ослѣпленіе! Скорѣе можно объяснить примѣчаемый въ людяхъ ложный стыдъ слабостію характера ихъ, нежели умственнымъ заблуж-

дспіємъ. Въ самомъ дѣлѣ нерѣдко слышишь отъ многихъ! «мы сами осуждаемъ неосновательность своего поведенія; но какъ отстать отъ другихъ?»—А это необходимо, если вы не хотите раздѣлять съ другими вѣчной гибели! Ной спасъ себя отъ потопа именно тѣмъ, что чуждался печестія господствовавшего на всей землѣ. Лотъ такъ же выведенъ изъ Содома, объятаго небеснымъ огнемъ, потому что не слѣдовалъ примѣру развратныхъ Содомлянъ. Прочіе, тамъ милліоны, здѣсь тысячи людей, погибли жертвами ложнаго права, которое вслѣдъ держаться обычаевъ, хотя и дурныхъ, но принятыхъ весьма многими. Такъ, если не возможно съ угожденіемъ міру соединить угожденія Богу: то лучше пожертвовать первымъ послѣднему; лучше теперь казаться страннымъ, даже смѣшнымъ въ глазахъ міра за свое благочестіе, нежели послѣ быть отверженнымъ отъ лица Божія за свою всецѣлую привязанность къ міру.

Христіане—слуш., убѣдимся въ неосновательности предлоговъ, подъ которыми міръ старается совратить насъ съ пути благочестія, и станемъ подражать въ житіи ублажаемому днесъ Святому Благовѣрному Великому Князю, Александру Невскому, дабы по слѣдамъ его, стезею праведности, достигнуть небеснаго царствія. Аминь.

С Л О В О

Изъ текста: *Се здоровъ былъ еси, кто-му не соергъшай, да не горше ти что будетъ.* Иоан. 5, 14.

Православные Слушатели! Прежде всего возблагодаримъ Господа за неизреченную милость Его къ нашему граду, который, нѣсколько недѣль лежавши въ тяжкомъ и, казалось, неизлѣчимомъ недугѣ, началъ мало по малу отъ него выздоравливать. Возблагодаримъ за сіе Господа: ибо если бы не Господь умилостивился надъ нами, то общая погибель наша была бы неизбѣжна. Въ самомъ дѣлѣ, скажите, кто изъ васъ въ эти злополучные дни, при видѣ своихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ, похищенныхъ внезап-

ною смертію, не возмущался духомъ? Кто не отча-
ливался въ своей собственной жизни? Кто не считалъ
себя обреченнымъ на смерть и какъ бы заживо
погребеннымъ? Ахъ, это по истинѣ было страшное
время! Судъ Божій надъ нами грѣшными совершал-
ся! Видѣли, видѣли мы своими глазами мечъ гнѣва
небеснаго, изъятый изъ поженъ и съкуцій виновныхъ.
Предъ нами падали жертвы имъ сраженныя. Зрѣли-
ще ужасное! Тамъ отецъ оплакивалъ преждевремен-
ную смерть сына, и чрезъ нѣсколько часовъ самъ
слѣдовалъ за нимъ въ могилу; здѣсь на одномъ по-
гребальномъ одрѣ везли тѣла супруговъ, окруженные
ихъ дѣтьми малолѣтними; подъ цѣлое семейство ле-
жало въ постелѣ, и каждый изъ онаго, при собст-
венномъ страданіи, видя страданія другихъ любез-
ныхъ его сердцу, терпѣлъ сугубую муку. Повсюду
стоны, повсюду вопли раздавались; и путь ведущій
къ кладбищамъ непрестанно покрывался новыми тру-
пами. Увы! въ сіе злополучное время бывали даже
столь тяжкіе дни, что не доставало гробовъ по чис-
лу умирающихъ, и земля не успѣвала разверзати свои
пѣдра для принятія ихъ хладныхъ останковъ. О, Бо-
же! коль страшенъ праведный судъ Твой, и коль
трудно избѣжать стрѣлъ, кои Ты во гнѣвъ своемъ
мещешь на людей законопреступныхъ!

Но, Слушатели православные! о семъ несчастіи
напомнилъ я вамъ не для того, чтобы возобновить

въ васъ прежнюю горестъ и раскрыть раны вашего сердца, которыя не советѣмъ еще зажить. Нѣтъ, я хочу изъ сего несчастія извлечь для васъ уроки, столько же утѣшительные, какъ и полезные.

Конечно, велико, ужасно было это несчастіе; но согласитесь, что оно, въ нѣкоторомъ отношеніи, было для насъ полезно. Чѣмъ же было полезно? вотъ чѣмъ. До сего несчастія мы жили, по совѣсти сказать, едва не забывши Бога, мало заботясь о своей душѣ, не имѣя надлежащей любви къ ближнему: а когда это несчастіе постигло насъ, тотчасъ мы и Бога вспомнили, и о спасеніи душевномъ заботиться стали, и во взаимномъ между собою обращеніи сдѣлались дружелюбнѣе. Богачъ въ сіе время унедрился, гордый примирѣлся, сластолюбецъ принялся за воздержность, роскошный охладѣлъ къ своимъ сокровищамъ; всѣ, всѣ до одного перемѣнились, увидя смерть предъ своими глазами. Тутъ не о томъ уже думать каждый, какъ бы увеличить свое имущество, или получить новыи чинъ, или сѣздить въ веселое собраніе; но о томъ, какъ бы не умереть внезапно, и не перейти на тотъ свѣтъ съ обнаженною совѣстію и съ дурными дѣлами. Самый невнимательный дотогъ къ себѣ и вѣтранный челоуѣкъ по неволѣ задумывался въ сіи дни, и уходя въ уединенный уголь своего дома размышлялъ съ собою: «такой — то юноша, цвѣтущій « здоровьемъ и красотою, слышно, вчера заболѣлъ,

« а нынѣ утромъ скончался; такого — то товарища
« равныхъ со мною лѣтъ, съ которымъ вчера мы
« сидѣли за однимъ столомъ, сегодня выносятъ; та-
« кой — то знатный и богатый господинъ, которо-
« му оказаны были всѣ пособія врачебнаго пску-
« ства, чрезъ два часа болѣзни умеръ. Что, если
« и меня завтра не будетъ на свѣтѣ? Если сего же дня
« Ангелъ смерти вынетъ душу мою изъ тѣла и по-
« несетъ ее на судъ ко Всевышнему? О страхъ! Съ
« чѣмъ я появлюсь туда? Что стану отвѣчать на та-
« кошнемъ грозномъ испытаніи? чѣмъ буду оправды-
« ваться въ своихъ проступкахъ? Горе мнѣ! я погибъ,
« если сію же минуту не принесу во всемъ покаянія.»

Такъ разсуждали и чувствовали въ прошедшіе дни;
и въ чемъ не могло успѣть убѣдительное краснорѣчіе
пастырей Церкви, то совершила посланная отъ Бога
въ наказаніе болѣзнь. Подлинно, Слушатели, мы не
преставали, по обязанности своей, наставлять васъ въ
истинахъ вѣры, и увѣщавать къ исполненію Христі-
анскихъ добродѣтелей; мы не преставали съ сего свя-
щеннаго мѣста, когда только представлялся намъ слу-
чай, говорить, вопіять къ вамъ гласомъ любви и па-
стырской ревности: «покайтесь; отложите попеченіе о
« вещахъ тѣлесныхъ; возвысьте души и сердца ваши къ
« Богу; возстановите между собою братскую любовь
« и старайтесь безкорыстно о благополучіи одинъ
« другаго:» но слова наши не имѣли надъ вами той

силы, чтобъ произвести желаемый плодъ. Когда же посѣтилъ васъ гнѣвъ Божій и привелъ съ собою грознаго проповѣдника, коего гласъ страшнѣе грома, а слова сокрушительнѣе молніи (я разумѣю подъ симиъ оную внезапную смерть): тогда при первомъ слухѣ объ ней, трепеть объялъ сердца обитающихъ въ семъ градѣ; слезы, вздохи, рыданія сдѣлались повсемѣстны; не было человѣка во всей столицѣ, котораго бы видъ общаго бѣдствія не приводилъ въ чувство умиленія и не располагалъ къ искреннему исповѣданію грѣховъ своихъ. Даже тѣ, кои прежде считали ни во что обязанности Христіанина и издѣвались надъ вещами священными, тутъ, обращая къ небу слезящіе взоры и ударяя руками въ перси свои, говорили вмѣстѣ съ другими: «за грѣхи наши Богъ наказываетъ; прогнѣвали мы Царя небеснаго!»

Вотъ до какой степени посылаемое отъ Бога несчастіе, перемѣняетъ человѣка, и, поражая его тѣло, врачуетъ душу! Исторія намъ свидѣтель, что Богъ всегда употреблялъ сіе горькое средство для исправленія людей имъ покровительствуемыхъ. Я приведу изъ нея въ примѣръ нѣсколько извѣстныхъ всѣмъ происшествій. Сыны Израиля, живучи въ Египтѣ, стали кланяться идоламъ: за это Богъ наказалъ ихъ долговременнымъ рабствомъ и подвергъ изнурительнѣйшей Египетской работѣ. Что послѣдовало наконецъ съ сими труженниками — рабами? Они познали

свой грѣхъ и возопили о помилованіи къ Богу отцевъ своихъ. Тѣ же Израильтяне, по вступленіи въ обѣтованную землю, сдружились съ язычниками, жившими по сосѣдству и переняли отъ нихъ пьянство, многоженство и другіе пороки: за сіе Богъ неоднократно предавалъ обольщенныхъ въ руки ихъ обольстителей. Что было плодомъ сего наказанія? Всенародный плачь о грѣхахъ и всенародное жертвоприношеніе. Опять тѣ же Евреи, находясь подъ владычествомъ царей, впали въ идолопоклонство и въ явный развратъ: Богъ наказалъ ихъ за сіе семидесятилѣтнимъ плѣномъ. Какое дѣйствіе произвелъ на нихъ этотъ ударъ? Они очистились ишеницу отъ плевеловъ и на чуждой землѣ образовалъ чадъ новаго Іерусалима. Впрочемъ это было не съ одними только Евреями. Люди во все времена и вездѣ таковы, что счастье приводитъ ихъ къ забвенію Бога и добродѣтели, напротивъ, несчастье обращаетъ снова на путь истины, снова приближаетъ ихъ къ Богу.

Поэтому напрасно нѣкоторые изъ насъ предаются чрезмерному унынію, оплакивая потери, причиненныя имъ недавно свирѣпствовавшею здѣсь болѣзнію. Конечно сіи потери драгоцѣнны для сердца чувствительнаго; однако Вѣра запрещаетъ плакать о умершихъ такъ, какъ бы они погибли для насъ невозвратно. Смерть ихъ кажется намъ преждевременною отъ того, что мы на жизнь настоящую смотримъ

не тѣми глазами, какими бы надлежало смотрѣть на нее. Что есть жизнь сія? путь къ вѣчности; земное поприще, на которомъ люди должны готовить себя къ полученію благъ небесныхъ. Много ли, мало ли кто прошелъ по сему поприщу, жизнь его измѣряться будетъ не величиною пространства пройденнаго имъ, а числомъ дѣлъ и поступковъ, удостоивающихъ его небеснаго царствія. Не тотъ въ очахъ Божіихъ долго жилъ, кто многіе годы провелъ на землѣ, по тотъ, кто жизнь свою, хотя самую краткую, украсилъ добрыми дѣлами. И поелику не случай слѣпой, а Божія воля полагаетъ конецъ земному странствованію чловѣка, то какимъ бы образомъ оный конецъ ни приключился съ нимъ, надобно думать, что онъ пришелъ къ нему въ свое время.

И такъ оставимъ въ мирѣ тѣхъ, коихъ Богу угодно было изъять изъ среды живущихъ; быть можетъ, тѣми муками, коимъ подвергала ихъ болѣзнь, искупили они блаженство вѣчное. По крайней мѣрѣ, они уже отжили свой вѣкъ, а мы. . мы еще жить будемъ. Для насъ, по милости Божіей, продолжено поприще земнаго странствованія, и на могилахъ собратій нашихъ, содѣлавшихся жертвою болѣзни, данъ разительный урокъ исправленія. О, если бы мы въ дни наступающаго благополучія не преставали размышлять также богобоязненно, чувствовать также свято и поступать съ другими также братолюбно,

какъ это было во время минувшей скорби. Къ сожалѣнію все мы походимъ на дѣтей, конхъ наказаніе исправляетъ на краткое время. Едва утихнеть боль отъ ранъ имъ нанесенныхъ, какъ они снова принимаютъ за старые проступки и снова подвергаютъ себя строжайшему наказанію.

Таковъ порядокъ вещей: въ міръ премудрымъ Промысломъ Божиимъ все уравнивается. Благополучіе заскачетъ нашимъ чувствамъ, но расслабляетъ силы душевныя; злополучіе огорчаетъ чувства, за то душу приводитъ въ спасительную дѣятельность. И такъ если, находясь въ благополучныхъ обстоятельствахъ, хочешь сохранить въ себѣ страхъ Божій и чистоту сердца, помни непрестанно приключившееся съ тобою несчастіе, представляй оное себѣ столь живо, столь сильно, какъ будто его на самомъ дѣлѣ испытываешь. Не желаю тебѣ сдѣлаться несчастнымъ; нѣтъ; дай Боже, что бы каждый изъ насъ отнынѣ проводилъ благополучную жизнь! но совѣтую только содержать въ свѣжей памяти претерпѣнное тобою горе. Ибо воспоминаніе того, что ты нѣкогда претерпѣлъ, не помѣшаетъ наслаждаться благами жизни; а между тѣмъ душу твою сохранить въ непорочности и удержитъ отъ всякаго грѣха. Такъ ежели гнѣвъ, возбужденный какою нибудь обидой, станетъ склонять тебя ко враждѣ или мщенію противъ ближняго, вспомни, что Господь не мститъ тебѣ за твои прес-

тупленія, хотя они были достойны смерти: ты ли, рабъ помилованный, дерзнешь жестоко поступать съ клевретомъ твоимъ? Если сластолюбіе взволнуетъ въ тебѣ кровь, и омрачитъ твой разумъ, будетъ влечь тебя на дѣла непотребныя, вообрази лютыя муки, сопровождавшія прошлодневную болѣзнь; вообрази этотъ огонь, палящій сердце, это круженіе головы, это давленіе груди, это страшное сведеніе членовъ, эту неугасимую жажду, эту неутолнимую тоску; представь себѣ при этомъ стоны, вопли, терзанія одержимыхъ болѣзнію, — и ты увидишь, что отъ сихъ мыслей погаснетъ въ тебѣ пламень нечистаго вожделѣнія. Если скуность овладѣетъ тобою до того, что ты сдѣлаешься слѣпъ къ слезамъ сираго и глухъ къ прошеніямъ нищаго, помысли, что́ думаешь ты о златѣ и о всѣхъ сокровищахъ своихъ, когда смерть стояла надъ тобою, вознесши свою косу: о! тогда радъ бы ты былъ отдать все, что имѣешь, для искупленія себѣ жизни, и ни сколько не пожалѣлъ бы, видя свое имѣніе въ чужихъ рукахъ; помысли это, — и бѣдный, убогій, вѣрно, не отойдутъ отъ твоего окна съ пустыми руками. Если гордость ослѣпитъ твое сердце, и подобно змію — обольстителю, станетъ шептать тебѣ въ легковѣрныя уши, сколь ты великъ, сколь малы, ничтожны предъ тобою всѣ люди, и съ какимъ презрѣніемъ попирая ихъ, какъ червей, ты долженъ возносить чело свое выше и выше, дабы наконецъ стать наравнѣ съ Богомъ:

въ такомъ случаѣ, не забудь, что за нѣсколько предѣ-
смь дней ты былъ не больше, какъ прахъ и пепелъ;
и, чтобы совершенно разсѣять ослѣпляющую тебя
мечту, ступай туда, гдѣ лежатъ кости собратій тво-
ихъ, сраженныхъ безвременною смертию; тамъ не най-
дешь ты ни какого различія между знатымъ и низ-
кимъ, между славнымъ и безвѣстнымъ; тѣхъ и дру-
гихъ заключаетъ равное пространство земли; надъ тѣ-
ми и другими равно насыпанъ могильный холмъ, и на
крестѣ, ослѣвляющемъ его, изображены неизгладимыми
буквами сѣи поучительныя слова: «Смертный, кто
бы ты ни былъ! помни, что ты изъ земли взятъ, и
въ землю, опять возвратишься.»

Ахъ, слушатели! время жизни нашей летитъ; часъ
смертный съ каждымъ протекающимъ днемъ ближе къ
намъ становится. Поспѣшимъ добрыми дѣлами укра-
сить душу свою, и тѣмъ отвратить отъ себя вѣчную
гибель. Долготерпѣливый Господь для того именно и
продлилъ намъ жизнь послѣ жестокой болѣзни, что-
бы мы остатокъ ея употребили въ свое спасеніе. Въ
противномъ случаѣ угрожаетъ намъ здѣсь и на томъ
свѣтѣ въ тысячу кратъ большее зло. Вспомните и
приложите къ самимъ себѣ то, что сказалъ некогда
Господь тридцатисемилѣтнему разслабленному, увидя
его по выздоровленіи въ церкви: *Се здравъ былъ еси;
тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.*
Аминь.

С Л О В О

О СУЕТНОСТИ БЛАГЪ ЗЕМНЫХЪ.

Суета суетствій, рече Екклѣзіастъ, вселенская суета. Еккл. 1, 2.

Есть истины, которыя каждый почитаетъ для себя столько же несомнѣнными, какъ и важными, и которыя однакоже, для большей части людей, остаются столь же безплодными и недѣйствительными, какъ бы онѣ были маловажны и сомнительны. Мы не должны, Слуш., удивляться сему. Человѣкъ поврежденный есть такое существо, которое рѣдко бываетъ въ согласіи съ самимъ собою, котораго познанія и дѣйствія весьма часто взаимно противорѣчатъ себѣ. И отъ чего происходить сіе? — отъ того, что онѣ оста-

навивается на однихъ только понятіяхъ общихъ, которыя потому самому, что общи, мало или даже совсемъ не трогаютъ его; теряется въ необъятномъ множествѣ разнородныхъ вещей; не старается познать особеннаго отношенія, какое каждая истина имѣетъ къ нему и нравственному его состоянію, въ той увѣренности, что сіе познаніе должно будетъ его смирить, прістыдить и привести въ смятеніе и безпокойство. Кто, на примѣръ, сомнѣвается въ суетности всѣхъ земныхъ вещей? Кто не увѣренъ, что человѣческая жизнь не надежна и кратковременна, что всѣ земныя преимущества, блага и удовольствія тѣнны и ничтожны, и что наконецъ образъ міра сего преходитъ? — Но увѣренность въ сихъ истинахъ приносятъ ли плоды добродѣтели и благочестія, которые она естественно должна приносить? Дѣлаетъ ли она людей смиренными, и обращаетъ ли къ небу мысленный взоръ ихъ? Умѣряетъ ли привязанность и любовь ихъ къ видимому и преходящему? Научаетъ ли ихъ должному употребленію дарованныхъ имъ отъ Бога преимуществъ и драгоценнаго времени, которое Онъ предоставляетъ имъ? Возбуждаетъ ли въ сердцахъ ихъ достодолжную ревность, нещась о будущемъ и приготовлять себя къ вѣчности, которая каждый часъ, каждую минуту приближается къ нимъ? Заставляетъ ли ихъ вести себя такъ, какъ прилично гражданамъ неба и наследникамъ блаженнаго безсмертія? — Нѣтъ,

печальный опытъ доказываетъ противное сему. Вѣ-
рятъ симъ истинамъ; но рѣдко, и не съ должнымъ
вниманіемъ размышляютъ объ оныхъ; весьма скоро
теряютъ ихъ изъ вида; часто даже съ намѣреніемъ
истребляютъ въ душѣ самую мысль объ оныхъ; по
крайней мѣрѣ, не съ довольнымъ усердіемъ и без-
пристрастіемъ прилагаютъ ихъ къ себѣ самимъ и сво-
ему поведенію, а такимъ образомъ и не ощущаютъ
спасительнаго ихъ дѣйствія. По сему, братія, я счи-
таю своею обязанностію, напомнить вамъ, равно и
себѣ о сихъ истинахъ, и настоящія минуты посвятить
на размышленіе о суетности всѣхъ земныхъ вещей.
О, когда бы сіе размышленіе могло произвести и ос-
тавить въ сердцахъ нашихъ глубокое и неизгладимое
впечатлѣніе! О, если бы оно могло имѣть благотвор-
ное вліяніе на всю послѣдующую жизнь нашу и уму-
дрить насъ для вѣчнаго блаженства!

Суета суетствій, рече Екклесіастъ, ослѣпская
суета! Вы знаете, Слуш., чье это, сколько извѣстное,
столь же и справедливое изрѣченіе; и если приведете
себѣ на память важнѣйшія обстоятельства жизни
Соломона, то легко увидите, что его сужденіе о на-
стоящемъ предметѣ чрезвычайно важно; ибо оно ос-
новывается на точномъ познаніи земныхъ вещей, и на
продолжительномъ испытаніи, съ одной стороны, ихъ
пріятностей, съ другой недостаточности и ничтожества.
Если бы какой нибудь строгій мудрецъ или пустыни-

никъ, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, изъ своего печальнаго уединенія, гдѣ окружаютъ его тѣни смерти, воззвалъ къ вамъ: суета суетствій, всяческая суета: тогда, можетъ быть, вы не обратили бы на него вниманія, его свидѣтельство не большое произвело бы на васъ впечатлѣніе; тогда вы скорѣе рѣшились бы сожалѣть о немъ, нежели принимать отъ него наставленіе, и вѣрить въ семь случаевъ однимъ только словамъ его. Вы почли бы его неспособнымъ опредѣлять достоинство и цѣну такимъ вещамъ, которыхъ онъ, можетъ быть, ни когда не видалъ, которыми никогда не обладалъ и не наслаждался, и которыя, по мнѣнію нашему, онъ потому только презираетъ, что самъ не можетъ имѣть ихъ. Сколь часто таковое, не рѣдко поспѣшное заключеніе дѣлаете вы о наставленіяхъ вашихъ учителей, и тѣмъ самымъ ослабляете силу оныхъ? Если мы представляемъ вамъ, что все земное и видимое суетно и ничтожно; если говоримъ вамъ, что почести, блага и удовольствія міра сего суть такія вещи, которыя весьма мало заслуживаютъ уваженія и любви; если утверждаемъ, что обладаніе и наслажденіе сими вещами не можетъ сдѣлать истинно счастливымъ существа разумаго и безсмертнаго; если напоминаемъ вамъ, что мы здѣсь на землѣ находимся въ состояніи воспитанія и образованія, и что она не есть мѣсто нашего назначенія; если увѣщаваемъ васъ, искать преимущественно небеснаго и вѣчнаго, и пендись

о будущемъ: ахъ! сколь для многихъ сѣи наставленія и увѣщанія наши теряютъ всю свою важность и силу, единственно потому неосновательному предположенію, будто бы мы такъ разсуждаемъ и говоримъ болѣе по обязанности, нежели по внутреннему убѣжденію; и что можетъ быть, скоро стали бы говорить совсемъ иначе, если бы начали вести другой родъ жизни, или если бы находились въ другихъ, по мнѣнію большей части людей, счастливѣйшихъ обстоятельствахъ?

Я не буду изслѣдывать теперь, сколь слабы и недостаточны сѣи извиненія; не буду говорить о томъ, что истина, добродѣтель и Религія навсегда пребудутъ неизмѣнными; и, будучи таковыми, всегда заслуживаютъ уваженіе, послушаніе и покорность, каковы бы ни были ихъ учителя и защитники. Я укажу теперь только на изреченіе свящ. Писателя, котораго ни кто не можетъ обвинить ни въ невѣдѣніи, ни въ пристрастіи, и противъ свидѣтельства коего ни чего не можетъ возразить самый развратный міролюбецъ. Это Соломонъ, который, въ качествѣ наставника человѣческаго рода, взываетъ къ обольщеннымъ смертнымъ: *суета суетствій, всяческая суета!* И кто былъ Соломонъ, Слуш? Былъ ли то какой нибудь несчастный государь, который во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ встрѣчалъ непреодолимые препятствія, былъ не любимъ своими подданными, ненавидимъ и утѣняемъ сосѣдами, и который чрезъ продолжительныя непріятности потерялъ

расположеніе и вкусъ ко всему, что ни представляетъ намъ земля прекраснаго и пріятнаго, или который не зналъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ удовольствій сей жизни? Итъ; онъ, какъ свидѣтельствуеть Исторія, былъ мудрѣйшій и счастливѣйшій монархъ своего времени. Любимый своими подданными, страшный для своихъ сосѣдей, уважаемый отдаленными народами, онъ наслаждался цвѣтущимъ и непрерывнымъ благоденствіемъ. Обширыя и рѣдкія свѣденія, украшали его душу, и его могущество не позволяло ему имѣть недостатка ни въ какихъ средствахъ къ постоянному расширенію своихъ познаній и удовольствованію любознательности, если только она можетъ быть удовлетворена. Блескъ и великолѣпіе двора его, безчисленныя его сокровища и мудрость, которую онъ показывалъ во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ, дѣлали имя его славнымъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ странахъ. Онъ былъ, какъ говоритъ Писаніе, мудрѣе Хаалдеевъ и Египтянъ, даже премудрѣе всѣхъ челоуковъ (3 Цар. 4, 30). Богатствомъ и мудростію онъ превосходилъ всѣхъ царей земныхъ. Всѣ цари желали видѣть его и каждый приносилъ ему свои дары (3 Цар. 10, 23-24). Сверхъ того онъ съ избыткомъ обладалъ всѣмъ тѣмъ, что удовлетворяетъ чувства, и что доставляетъ веселіе и радость сердцу челоуческому. Итъ удовольствія, котораго онъ не испыталъ бы, и его жизнь была не что иное, какъ непрерывное

наслажденіе благами міра. Послушайте, какъ онъ самъ изъясняется о семъ: *Возвеличихъ твореніе мое, - говоритъ онъ, - создахъ ми домы, насадихъ ми винограды, сотворихъ ми вертограды и сады, притяжахъ рабы и рабыни, и домогатацы быша ми, собрахъ ми злато и сребро, сотворихъ ми поющихъ и поющія, и услажденія сыновъ человеческихъ. Все, егже проси-ста оти мои, не отъяхъ отъ нихъ, и не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго веселія моего* (Еккл. 2, 4-10). Но послушайте также, какой приговоръ произноситъ онъ надъ всѣмъ тѣмъ: *призрѣхъ азъ на вся творенія моя, яже сотвориста руцѣ мои, и на трудъ, и яже трудихся творити, и се, вся суета, и произволеніе духа, и несть изобиліе подъ солнцемъ* (Еккл. 2, 11). И сіе-то самое утверждаетъ онъ въ избранномъ нами текстѣ, и даже въ цѣлой книгѣ, изъ которой заимствованъ оный. Смертные, - вы, которые міръ и то, что въ мірѣ, любите болѣе, нежели Бога, которые обладаіе и наслажденіе земными вещами почитаете высочайшимъ своимъ благомъ, и думаете обрѣсти въ ономъ все свое блаженство, — что можете сказать вы противъ такого свидѣтельства? Чѣмъ можете ослабить силу онаго? Чѣмъ можете извинить и оправдать свое неразуміе? Не должно ли сіе сдѣлать на васъ сильнаго впечатлѣнія; не должно ли возбудить васъ отъ вашего плотскаго упоенія, и привести въ самосознаніе, когда изъ устъ столь муд-

раго, столь могущественнаго и счастливаго государя, имѣющаго обширныя свѣденія, и спокойно наслаждающагося всемъ, что только есть на сей землѣ прекраснаго и пріятнаго, вы слышите приговоръ на всѣ земныя блага и удовольствія: *суета суетствій, всяцѣская суета!*

Впрочемъ это свидѣтельство, сколь они ни сильно и непререкаемо, не есть единственное, ни даже сильнѣйшее доказательство, утверждающее истину сего положенія. Самое существо сей вещи, постоянный и одинаковый опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ людей, собственное наше чувство и свидѣтельство нашего сердца — дѣлають его несомнѣннымъ. Богатство и честь, чувственныя удовольствія, знаніе и мудрость, даже самая жизнь, — все суета; то есть, всѣ сіи блага скоротечны и невѣрны; они продолжаются только на краткое время; они не могутъ успокоить человѣческаго сердца, удовлетворить его желанія, и доставить ему истинное и продолжительное счастье.

Разсмотримъ сіе нѣсколько подробнѣе.

Многочисленныя богатства суетны. — Я не буду изслѣдывать теперь, сколь многого труда и усилій, сколь многихъ ночей, проведенныхъ безъ сна, сколь многихъ низкихъ поступковъ, сколь многихъ пожертвованій невиннымъ удовольствіемъ, стоитъ для большей части людей пріобрѣтеніе богатства. Умолчу о томъ, сколь значительная проходитъ часть жизни,

прежде нежели выполнятся ихъ намѣренія, и сколь часто они издѣваютъ все свои силы, и однакожь не достигаютъ той цѣли, къ которой стремятся съ мучительнымъ безпокойствомъ. Положимъ, что они преодолѣли все трудности, и уже дѣйствительно обладаютъ великими сокровищами. Что же это за сокровища? Не суть ли они по существу своему скоропреходящи и невѣрны? Не суть ли это *сокровища, яже гревъ и тля тлитъ, еже татіе подкопываютъ и крадутъ*? (Матѳ. 6, 19). Не суть ли это сокровища, кои, какъ говоритъ премудрый Царь, часто дѣлаютъ себѣ крылья, какъ орелъ, и тотчасъ оставляютъ своего обладателя? (Притч. 23, 5). Сколько непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ случаевъ, которые могутъ лишить его оныхъ? Не можетъ ли онъ, сверхъ всякаго чаянія своего, отъ великаго богатства придти въ крайнее убожество и бѣдность? И можетъ ли онъ быть хотя когда либо совершенно увѣренъ въ томъ, что сего не случится съ нимъ? Послѣдуютъ ли за нимъ въ тотъ міръ сіи сокровища? Не долженъ ли онъ въ минуту своей смерти навсегда оставить ихъ? *Якоже изыде изъ чрева матери своей нагъ, возвратится ити, якоже и прииде; и никтоже возметъ отъ труда своего, да понесетъ въ руцѣ своей* (Еккл. 5, 14). Притомъ, можетъ ли обладаніе сими вещами, сколь бы ни было оно продолжительно, удовлетворить безконечнымъ его желаніямъ, и содѣлать его истинно счаст-

ливимъ? Не научастъ ли насъ постоянный опытъ тому, что алчность къ золоту и серебру непрестанно становится сильнѣе, и никогда не удовлетворяется, что *любай сребро, не насытитсѣ сребра, и любай богатство, не насытитсѣ богатства?* (Еккл. 5, 9). Или могутъ ли сѣи блага смягчить жестокость нашихъ болѣзней; доставить намъ здоровье и крѣпость; уврачевать раны нашего духа, истребить печали и заботы въ нашемъ сердцѣ? Могутъ ли они вознаградить намъ потерю вѣжной супруги, единственнаго сына, вѣрнаго друга? Могутъ ли вооружить насъ противу всѣхъ ужасовъ смерти? Не гораздо ли еще болѣе они увеличиваютъ естественный страхъ нашъ при видѣ гроба? — Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ сколь справедливо то, что *жизнь человека не зависитъ отъ его имѣнія*, и что *обиліе благъ земныхъ не дѣлаетъ его счастливымъ* (Лук. 12, 15).

Но, можетъ быть, слава сего міра менѣе суетна, нежели его богатство? Можетъ быть, она лучше можетъ доставить намъ существенное и продолжительное счастье? Какъ много обманулись бы мы, Слуш., когда бы хотя нѣсколько увлеклись сею мечтою! Въ чемъ состоитъ слава міра сего? Въ выгодномъ мнѣніи другихъ о нашихъ преимуществахъ, о нашихъ дарованіяхъ и способностяхъ, о нашихъ добродѣтеляхъ и заслугахъ. И на чемъ основывается сѣ мнѣніе? Весьма рѣдко бываетъ оно плодомъ основатель-

наго и безпристрастнаго сужденія, достовѣрнаго свѣденія о нашихъ правахъ и нашемъ поведеніи, и безпритворнаго уваженія къ нашимъ добродѣтелямъ и преимуществамъ. Вообще оно основывается или на наружномъ блескѣ, который тотчасъ исчезаетъ, когда смотрять на насъ вблизи, или на какомъ-либо счастливомъ случаѣ, или на низкомъ корыстолюбіи, или наконецъ на лжи и обманѣ. Уважають насъ, дабы самимъ быть уважаемыми; прославляютъ наши заслуги, дабы пріобрѣсть славу цѣнителей и покровителей заслугъ. Хвалятъ въ другихъ добродѣтели, дабы въ самихъ себѣ скрыть недостатокъ оной, и быть причетными къ числу друзей ея. Часто ласкають насъ для того, дабы чрезъ то или пріобрѣсть нашу благосклонность, покровительство и помощь, или имѣть возможность, тѣмъ вѣрнѣе вредить намъ. И кто же суть сіи люди, кои хъ одобреніе и похвала составляютъ то, что обыкновенно называютъ славою міра сего? Это большею частию такіе люди, которые сами не имѣють ни какихъ, достойныхъ уваженія и любви качествъ, которые во всемъ водятся только чувственностію и страстями, страхомъ и надеждою, — люди, для коихъ предразсудокъ и своеправіе суть главныя основанія, кои вѣрятъ всякой сомнительной молвѣ, безъ всякаго изслѣдованія оной, и кои весьма часто совсѣмъ не знаютъ, что такое истинно — великое, истинно — благородное и славное, и не рѣдко по вы-

раженію Пророка, называютъ свѣтъ тьмою и тьму-свѣтомъ (Иса. 5, 20). Это люди, кои о многихъ дѣяніяхъ судятъ только по одному ихъ явленію, не обращающа вниманія на ихъ источники и цѣли, кои на все необыкновенное, обращающее на себя всѣхъ взоры, смотрятъ съ удивленіемъ и уваженіемъ; а безмолвную добродѣтель, а истинно-великія дѣянія, которыя мудрый Христіанинъ совершаетъ втайнѣ, они не удостоиваютъ ни какаго вниманія. Притомъ, что можетъ быть перемѣнчивѣе и непостояннѣе мнѣнія людей? Какъ легко потерять ихъ благосклонность? Не часто ли случается, что они порицаютъ и презираютъ нынѣ то, что вчера одобряли и превозносили великими похвалами? Не наполнена ли Исторія человѣческаго рода примѣрами такихъ людей, кои нынѣ были любимцами народа, а чрезъ нѣсколько минутъ дѣлались предметами злобы и его несправедливости? И такъ можетъ ли слава міра сего, которая стоитъ на столь слабомъ основаніи, раздается столь пристрастными судіями, которую столь легко можно потерять, которая не доставляетъ ни какихъ существенныхъ выгодъ, а напротивъ, отравляетъ ядомъ наше сердце, дѣлаетъ насъ нечувствительными къ безконечно-драгоцѣннѣйшему для насъ одобренію собственной нашей совѣсти и самаго Бога, поселяетъ въ сердце наше достойную посмѣянія и наказанія гордость, — и которая наконецъ вмѣстѣ съ нашимъ

тѣломъ истѣвваетъ во гробъ, — можетъ ли, говорю, слава сія успокоить насъ и доставить намъ истинное и продолжительное счастье? Не есть ли она одна только мечта, невѣжество и суетность?

И не то же ли самое должны мы сказать и объ удовольствіяхъ чувственныхъ, которыя обольщенныя смертныя часто считаютъ за высочайшее свое благо? Не также ли суетны, скоротечны, мгновенны и они? Они исчезаютъ въ то самое время, когда мы еще только начинаемъ наслаждаться ими; они умираютъ, такъ сказать, въ самую минуту ихъ рожденія, и ни когда не соотвѣтствуютъ нашимъ чаяніямъ. Мы ожидаемъ ихъ съ великимъ нетерпѣніемъ, ищемъ съ мучительнымъ безпокойствомъ, обѣщаемъ себѣ восхитительныя радости отъ наслажденія оными, уже напередъ называемъ себя счастливыми... но едва исполнилось наше желаніе, — и мы находимъ себя обманутыми. Пробуждаемся, — и призракъ, очаровавшій насъ во снѣ, исчезаетъ, и мѣсто восхищенія заступаетъ несносная скука, отвращеніе, безпокойство, а часто стыдъ, горестное раскаяніе и мучительныя угрызения совѣсти. Самыя воздѣльныя изъ удовольствій чувствъ, чрезъ частое наслажденіе оными, теряютъ для насъ свою привлекательность; а кругъ мірскихъ радостей весьма ограниченъ. Наши чувства мало по малу слабѣютъ, наши силы истощаются, наши страсти дѣлаются менѣе живы, и то, что прежде воз-

буждало въ насъ сладостнѣйшія чувствованія, спустя короткое время, не обращаетъ на себя ни какого вниманія, или даже становится для насъ въ тягость. Рано или поздно, но непременно всѣ мы принуждены будемъ сказать *сильху: безуміе, и веселію, что сіе твориши?* (Еккл. 2, 2). Могутъ ли же такого рода удовольствія насытить нашу душу? Могутъ ли они удовлетворить безконечнымъ желаніямъ нашего сердца? Можемъ ли мы, не обманывая самихъ себя, искать въ нихъ истиннаго, постояннаго и соответственнаго нашей природѣ блаженства? Смертные,—вы, которые работаете похотямъ плоти, и проводите жизнь совершенно чувственную, я ссылаюсь на вашъ собственный опытъ. Не правда ли, что удовольствіе, за которымъ вы гоняетесь, весьма часто обманываетъ васъ, что оно весьма близко къ неудовольствію, и что сіе обыкновенно слѣдуетъ за онымъ непосредственно? Не правда ли, что вы очень часто, среди самыхъ веселостей и забавъ вашихъ, ощущаете въ себѣ нѣкое тайное безпокойство, которое отравляетъ горестію всѣ ваши удовольствія; и что обиліе радостей земныхъ не наполняетъ пустоты въ вашемъ сердцѣ, не удовлетворяетъ его желаній? Если же такъ; то вы должны сознаться, что всѣ чувственныя удовольствія суетны, и что они не могутъ сдѣлать человѣка истинно счастливымъ.

Но не чужды ли сихъ недостатковъ удовольствія

духа, которыя человѣческая мудрость и вѣденіе обѣщаютъ своимъ любителямъ; и не способны ли они доставить намъ то, чего не могутъ доставить богатство, почести и чувственныя удовольствія? Итъ, братія, и они также суетны; ибо *во множествѣ мудрости*, говоритъ Екклесіастъ, *множество разума, и приложивый разумъ, приложитъ бользнь* (Еккл. 1, 18). То есть, гдѣ много мудрости, тамъ много заботъ, и кто умножаетъ свои познанія, тотъ умножаетъ печаль. И въ самомъ дѣлѣ, если мы разсудимъ, сколь много времени и трудовъ, сколь много размышленій и даже скучныхъ изслѣдованій потребно къ тому, что бы приобрѣсть знаніе и мудрость, и сколь не многимъ, при неусыпномъ прилежаніи и напряженіи всѣхъ силъ своихъ, удастся въ нѣкоторой мѣрѣ достигнуть своихъ цѣлей, или, посредствомъ важныхъ и полезныхъ для человѣчества открытій, отличить себя отъ великаго множества такъ называемыхъ мудрыхъ и ученыхъ; — если размыслимъ, сколь много трудныхъ и даже непреодолимыхъ препятствій, сколь много враговъ и опасностей встрѣчается намъ на пути къ истинѣ; сколь часто обманываютъ насъ наши чувства, помрачаютъ предразсудки, ослабляютъ страсти, какъ много склонны мы принимать явленіе вещи за самое существо оной, какъ часто одинъ лучъ свѣта показываетъ намъ суетность многолѣтнихъ усилій, и самыя основательнѣйшія, по нашему мнѣнію, творенія

разума, представляет такими вещами, кои основаны на одномъ только воображеніи; — если представимъ себѣ, сколь слабъ нашъ разсудокъ, сколь тѣсенъ кругъ нашего зрѣнія, сколь ограничены всѣ наши способности, сколь несовершенны и ничтожны самыя обширныя человѣческія знанія въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и знать не можемъ, и сколь темны, неопредѣленны, сомнительны и несовершенны большая часть нашихъ понятій; — если, наконецъ, возьмемъ во вниманіе и то, что и мудрейшіе изъ людей весьма живо чувствуютъ слабость и недостаточность всѣхъ познаній, что предъ ними всегда разверзаются новыя глубины, которыхъ они ни какъ изслѣдовать не могутъ, и что ни какія обширныя свѣденія не могутъ удовлетворить ихъ любознательности; если, говорю, представимъ себѣ все сіе: то должны будемъ сказать, что и мудрость человѣческая есть суета, и что *утаися премудрость отъ всякаго чловѣка* (Пов. 28, 24), *и помышленія смертныхъ божлива, и погрѣшительна умышленія ихъ* (Прему. 9, 14). И сколь много уменьшается достоинство сей мудрости отъ того, что и она, подобно всему земному, не постоянна и кратковременна. Пусть чловѣкъ пріобрѣтетъ на сей землѣ великія и рѣдкія познанія; пусть пзучитъ всѣ языки, узнаетъ всѣ произведенія и памятники древности; пусть всю древнюю и новую Исторію, всѣ опыты, дѣлавныя для обьясненія сокровенныхъ дѣйствій при-

роды, всё мнѣнія, объ оныхъ произнесенныя, пусть всё искусства и науки будетъ знать совершеннѣйшимъ, возможнымъ для существа ограниченнаго, образомъ;—мы признаемъ его заслуги, и не откажемъ ему въ должномъ уваженіи: но будетъ ли онъ обладать сими познаніями во гробѣ? возмestъ ли ихъ съ собою въ другой міръ? будутъ ли они казаться ему тамъ столько же великими и важными, каковыми онъ считалъ ихъ здѣсь? Нѣтъ; большую часть изъ нихъ онъ навсегда забудетъ; а если и вспомнить объ нихъ, то устыдится дѣтскихъ своихъ погрѣшностей, поспѣшныхъ сужденій, опрометчивыхъ и дерзкихъ рѣшеній. О весьма многихъ предметахъ онъ совсемъ нное будетъ имѣть понятіе; и тогда-то, еще въ первый разъ, изъ области тьмы онъ вступитъ въ область свѣта. Въ семъ отношеніи справедливо говоритъ Екклесіастъ: *въ могилѣ, аможе идемъ, нѣсть сотвореніе и помышленіе и разумъ и мудрость* (Еккл. 9, 10).

И какъ не далеко отстоитъ отъ насъ перемѣна сія! Ахъ, самая жизнь наша совершенно суетна. Она продолжается на короткое время, и большая часть оной проходитъ непримѣтно, безъ всякаго ся употребленія, безъ наслажденія ею.

Мы непрестанно приближаемся къ тихой могилѣ и вѣчности; — и совсемъ неожиданно усматриваемъ себя на краю земнаго нашего поприща. Нѣтъ дня, часа, нѣтъ даже минуты, въ которую бы мы были

совершенно безопасны отъ смерти. Ни юность, ни здоровье, ни крѣпость, ни богатство, ни честь, не сильны защитить насъ отъ сей грозной повелительницы. Нѣмотствующее дитя, цвѣтущій юноша, крѣпкій мужъ, столько же, какъ и согбенный и дрожащій старецъ, должны быть покорны ея гласу. Весьма не многіе достигаютъ самаго крайняго предѣла человѣческой жизни; большая часть людей принуждены бываютъ разстаться съ нею прежде, нежели успеютъ вкусить блага и пріятности оной, — прежде, нежели начать собственно жить. И на сколько же отдаленъ отъ насъ предѣлъ сей? Ужели на тысячу лѣтъ, или даже на цѣлыя вѣки, кон, по отношенію къ вѣчности, составляютъ одни непримѣтныя минуты? Нѣтъ, *дни лѣтъ нашихъ, въ нихъ же семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь; они протекаютъ быстро, и мы какъ бы улетаемъ* (Псал. 89, 10). И такъ можно ли послѣ сего сомнѣваться въ истинѣ, утверждаемой въ изреченіи Премудраго: *суета суетствій, всяческая суета!*?

Но, Слуш., должны ли мы довольствоваться однимъ только знаніемъ сихъ истинъ, одною увѣренностію въ нихъ? Плачевная увѣренность, если она не доставляетъ намъ болѣе ни какой пользы! Увѣренность, которая въ семъ случаѣ должна отравлять горестію всѣ дни нашей жизни, и всѣ удовольствія оной дѣлать непріятными, которая при малѣйшемъ неблаго-

пріятномъ случаѣ должна приводить насъ въ страхъ и трепеть, представлять намъ смерть въ самомъ ужасномъ образѣ, и при ея приближеніи повергать насъ въ совершенное уныніе. Нѣтъ; сіи истины должны быть всегда присущи нашему духу, и имѣть постоянное и сильное вліяніе на наше поведеніе; должны умѣрять нашу привязанность и любовь къ благамъ и выгодамъ житейскимъ, и вдыхать въ насъ благородное презрѣніе оныхъ; должны, наконецъ, побуждать насъ, искать счастья и радостей тамъ, гдѣ дѣйстви-тельно можно найти ихъ, со всею ревностію стремиться къ обладанію и наслажденію такими предметами, кои вѣчны и непремѣняемы. А какіе это предметы? Богъ, слущ., Богъ! Онъ — вѣченъ. Онъ всегда былъ и будетъ. Его благодать не премѣняема. Онъ — неисчерпаемый источникъ всякаго свѣта, всякой жизни и всякаго блаженства. Кто находится въ Его обществѣ, и принадлежитъ къ числу вѣрныхъ рабовъ Его, тотъ смѣло можетъ надѣяться вѣчнаго, никогда нескончаемаго блаженства. Духъ нашъ вѣченъ. Хотя онъ получилъ начало, но онъ не будетъ имѣть конца, — онъ никогда не престанетъ мыслить и желать, никогда не престанетъ быть счастливымъ или несчастнымъ. Онъ будетъ жить, хотя наше тѣло истлѣетъ во гробъ и обратится въ прахъ и пепелъ. Истина и добродѣтель вѣчны; ни какая перемѣна времени не измѣнитъ и не уничтожитъ ихъ. Онъ будутъ существовать и по раз-

рушеніи сего міра, и на томъ новомъ небѣ и новой землѣ не престанутъ быть тѣмъ, чѣмъ теперь суть. Онѣ и тамъ также будутъ составлять совершенство и блаженство всѣхъ разумныхъ тварей. Вотъ предметы, заслуживающіе все наше вниманіе и тщаніе! Они-то должны быть предметами всѣхъ нашихъ мыслей, желаній, намѣреній и трудовъ. Если мы на пути покаянія, вѣры и освященія удостовѣряемся въ благодати и благоволеніи Существа Всевышняго; если избавленіе и спасеніе безсмертнаго нашего духа составляетъ преимущественнѣйшее наше занятіе; если мы съ истинною ревностію стремимся къ Царству Божію и правды его; если мы въ познаніи откровенной истины и упражненіи въ Христіанскихъ добродѣтеляхъ стараемся болѣе и болѣе успѣвать, и обогащаться добрыми дѣлами: тогда счастье наше стоитъ на твердомъ основаніи; тогда мы идемъ путемъ, который ведетъ къ истинному довольству, къ постоянному и вѣчному блаженству; тогда мы можемъ быть спокойны при всемъ непостоянствѣ и переменчивости всѣхъ вещей земныхъ, и равнодушно смотрѣть на ихъ суетность и ничтожность; тогда пусть прейдутъ небо и земля; пусть *растаютъ ихъ стихіи и сгорятъ вся* человѣческія дѣла, — мы все еще не престанемъ существовать, вознесемъ надъ развалинами въ пепелъ обращеннаго міра, и наша надежда никогда не обратится намъ въ стыдъ. Аминь.

2006283286